Dell F II 7643

две 7п 7643

УЧЕБНИКЪ

ДРЕВНЕЙ ИСТОРІИ

ВЪ ОЧЕРКАХЪ БЫТА НАРОДОВЪ И ЖИЗНЕОПИСАНІЯХЪ
ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ

Проверено 2007
32824

составилъ

Э. ВРЕДЕНЪ.

Перепъ 1950

Второе изданіе

ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ.

Лен. Гос. Ун-т
Научная
библиотека им.
Горького
1386

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1863.

Дозволено Ценсурою. С.-Петербургъ, 18 Сентября 1863 года.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ДОКТОРА М. ХАНА.

ОЧЕРКИ ИЗЪ ДРЕВНЕЙ ИСТОРІИ

Азіи и Африки.

—

ВВЕДЕНІЕ, НОЙ, НИНЪ И СЕМИРАМИДА.— ПОСТРОЙКИ, БЫТЪ, ВѢРОВАНІЯ АССИРІЯНЪ И ВАВИЛОНЯНЪ.

Подъ словомъ «всемірная исторія» разумѣется достовѣрный разсказъ о самыхъ замѣчательныхъ событіяхъ, происходившихъ съ родомъ человѣческимъ. Она повѣствуетъ о знаменитыхъ личностяхъ и народахъ, о ихъ дѣяніяхъ, изобрѣтеніяхъ и открытіяхъ, описываетъ ихъ нравы и обычаи, ихъ убѣжденія и стремленія. Изъ исторіи преимущественно мы узнаемъ, чѣмъ были люди первоначально, и какими путями человѣкъ дошелъ до того образа жизни, въ которомъ мы застаемъ самихъ себя въ настоящее время. Поэтому она излагаетъ только тѣ *событія*, которыя имѣютъ важность для судьбы всего человѣческаго рода.

Человѣческій родъ происходитъ отъ одной четы — *Адама* и *Еввы*. Изъ потомковъ ихъ по священнымъ книгамъ вѣтхаго завѣта спасся отъ всемірнаго потопа одинъ праведный *Ной* съ своимъ семействомъ. По спаденіи воды, ковчегъ его, содержавшій въ себѣ по парѣ животныхъ изъ каждой породы,

остановился на горѣ Араратѣ. Убѣдившись, что земля осушилась, Ной вышелъ изъ ковчега, сталъ сѣять хлѣбъ и разводить виноградъ, славя Всевышняго за свое спасеніе. Отъ него и произошли всѣ существующіе народы. Поколѣніе старшаго сына Ноева, *Сима*, дало начало народамъ Азіатскимъ, племя *Іафета* водворилось въ Европѣ, а потомство третьяго сына, *Хама*, населило Африку.

Черезъ нѣсколько столѣтій послѣ потопа, изъ народовъ, *народившихся* отъ потомковъ Ноевыхъ, уже прославились *Вавилоняне* и *Ассиріяне* въ Азіи, и *Египтяне* въ Африкѣ.

Спустя сто лѣтъ послѣ потопа *Нимвродъ*, «исполинъ ловецъ передъ Господомъ богомъ», построилъ городъ *Вавилонъ* въ долинѣ *Сеннаарѣ*, на рѣкѣ *Евфратѣ*. Здѣсь воздвигли столпъ Вавилонскій «изъ кирпича и горной смолы», его хотѣли довести до самаго неба, чтобы имѣть постоянную примѣту при своихъ странствованіяхъ и не разсѣяться совершенно по долинѣ Тигра и Евфрата. Но Богъ «смѣшалъ рѣчь ихъ» и, не понимая болѣе другъ друга, первыя поколѣнія людей должны были разойтись. Тогда племя *Ассуръ* ушло на сѣверовостокъ и поселилось на верхнемъ теченіи *Тигра*. Вскорѣ Ассиріяне имѣли *законы*, царей и образовали *государство*, которое сдѣлалось очень сильнымъ и могущественнымъ при царѣ Нинѣ.

Царь *Нинъ* завоевалъ сосѣднія страны, покорилъ Вавилонянъ и Мидянъ, и построилъ на рѣкѣ Тигрѣ столицу Ассиріи, *Ниневію*. Ниневію описываетъ пророкъ Іона какъ огромнѣйшій городъ; чтобы обойти его, нужно было три дня; онъ былъ окруженъ стѣнами въ сто футовъ вышины, которыя имѣли такую ширину, что по нимъ могли проѣхать три повозки рядомъ. Для защиты этихъ стѣнъ на нихъ было 1500 башенъ.

Развалины Ниневіи открыты въ новѣйшее время (въ 1843—45 г.) на правомъ берегу Тигра, противъ Мосула. При раскопкахъ нашли здѣсь остатки великолѣпныхъ дворцовъ и другихъ сооруженій; они построены изъ сушеныхъ на солнцѣ

кирпичей, стѣны ихъ значительной толщины (5 — 20 ф.) и покрыты снаружи огромными плитами изъ грубаго алебастра, которыя связаны между собою скрѣпами изъ мѣди или дерева. На алебастрѣ высѣчены изображенія божествъ и жертвоприношеній, походовъ, охоты и придворной жизни царей, и разнообразныхъ занятій народа. Всѣ изображенія окрашены въ яркіе цвѣта — синій, красный, черный, — частію даже позолочены: смыслъ всего изображеннаго объясняется въ тутъ же помѣщенныхъ *клинообразныхъ* надписяхъ. Выше плитъ стѣны состоятъ изъ муравленныхъ кирпичей, расписанныхъ богатыми синими, желтыми и зелеными узорами. Въ самыхъ изображеніяхъ однако нѣтъ перспективы, фигуры представлены всегда сбоку, а лица съ обоими глазами; формы мягки, но чрезвычайно выпуклы. Особенно тщательно отдѣланы волосы, зачесанные богатыми кудрями за оба уха съ проборомъ посреди лба; борода и усы обстрижены и завиты или заплетены; знатные носили искуственныя бороды, у простыхъ воиновъ и у работниковъ онѣ менѣе роскошны. — Изображенія божествъ состоятъ изъ животныхъ съ человѣческими головами: замѣчательны огромные (10—18 ф. выш.) крылатые туры, львы и кони съ человѣческими головами и царскою шапкою, которыми украшались входы зданій по угламъ. Надъ царями всегда паритъ крылатое солнце съ человѣческою головою и птичьимъ хвостомъ. — Жрецы, представляемые крылатыми, подобно богамъ, носятъ рогатую шапку; нижнее платье ихъ состоитъ изъ полотнища, обвитаго около ногъ, начиная съ пятокъ, и перевязаннаго на бедрахъ широкимъ поясомъ съ длинными кистями; верхнее платье составляетъ широкій, вышитый и унизанный плащъ; его надѣвали на одно плечо, и черезъ другое закидывали оба конца назадъ; на рукахъ и пальцахъ носили кольца; въ рукѣ посохъ съ загнутымъ концомъ; на ногахъ сандаліи съ твердою пяткою, ихъ привязывали къ ногѣ ремнемъ, проходящимъ между большимъ и вторымъ пальцемъ. Иногда жрецы при жертвоприношеніяхъ носятъ маску, изображающую голову животнаго, которое посвящалось ихъ

божеству.— Цари носили длиннополую сорочку съ короткими рукавами, вышитую фигурами и узорами и перепоясанную, какъ у жрецовъ; верхній плащъ продѣвался подъ одно плечо, а на другомъ концы его стягивались пряжкою, сверхъ плаща накинутъ кистями назадъ шарфъ,который носятъ и всѣ придворные. Отличіе царя составляетъ бѣлая шерстяная остроконечная шапка, нахлобученная такимъ образомъ, что изъ широкой нижней части выдается только самый конецъ, украшенный золотымъ вѣнцомъ, драгоцѣнными камнями и снурками. Браслеты на обѣихъ рукахъ состоятъ изъ многихъ цѣпочекъ; въ правой рукѣ царь держитъ обитый золотомъ скиптръ (въ 4—5 ф.), въ лѣвой мечъ, висящій на ремнѣ, вышитомъ жемчугомъ и драгоцѣнными камнями. Цари носили и серьги, и ожерелья. Если они изображаются съ лукомъ, то тетива не можетъ проходить сверхъ священной царской головы, а прерывается ею. Царскій тронъ изъ золота и слоновой кости, безъ спинки, для ногъ скамейка на львиныхъ ножкахъ, за царемъ вездѣ рабъ съ зонтикомъ.—Ассирійскіе воины носили кожаные кафтаны, широкій поясъ, острый войлочный колпакъ, обитый внизу желѣзомъ, и повязку, защищавшую шею; оружіе состояло въ копьяхъ, палицахъ, мечахъ, лукахъ съ колчанами и плетенныхъ изъ ивняка щитахъ, которыя обтягивались кожею. Всадники ѣздили безъ сѣдла; въ большомъ употребленіи были боевые колесницы. При осадѣ городовъ употреблялись тараны и лѣстницы. Рѣки переплывали на бурдюкахъ, которые до сихъ поръ еще въ употребленіи на Тигрѣ. Жестоко обращались Ассиріяне съ плѣнными: имъ продѣвали веревки сквозь губы и связывали такимъ образомъ, съ живыхъ сдирали кожу, имъ кололи глаза и принуждали къ тяжкимъ работамъ.—Простой народъ изображается съ одними кожаными передниками.

Построивши Ниневію, Нинъ продолжалъ свои завоеванія и дошелъ на востокѣ до города *Бактры*. Этотъ городъ былъ взятъ при помощи хитрой *Семирамиды*, супруги одного изъ полководцевъ, слѣдовавшей за войскомъ въ мужскомъ платьѣ.

По преданію, она была дочь богини и ее выбросили на смерть тотчасъ послѣ рожденія. Голуби небесные пригрѣвали ее своими крыльями и вскормили ее. Нинъ сдѣлалъ эту умную и прелестную женщину царицею, и по его смерти она правила Ассиріею за малолѣтствомъ сына.

Семирамида славными дѣяніями превзошла своего супруга. Она перенесла столицу государства изъ Ниневіи въ Вавилонъ, который украсила великолѣпными постройками. Этотъ городъ имѣлъ три мили въ длину и три мили въ ширину, или около 60 верстъ въ окружности. Онъ былъ построенъ въ видѣ четыреугольника и по срединѣ его протекала рѣка Евфратъ. Въ немъ считали до двухъ милліоновъ жителей. Весь городъ окружала кирпичная стѣна въ 350 футовъ вышины и 37 футовъ ширины, въ которой было 100 чугунныхъ воротъ. Улицы въ городѣ шли по прямому направленію, и у рѣки каждая изъ нихъ оканчивалась особыми воротами. Черезъ Евфратъ велъ длинный мостъ, у котораго на обоихъ берегахъ стояли два царскіе дворца. На плоскихъ крышахъ этихъ дворцовъ, расположенныхъ въ нѣсколько уступовъ, были разведены сады съ цвѣтами и деревьями; необходимую для поливанія ихъ воду накачивали изъ Евфрата. Эти сады прославились подъ названіемъ *висячихъ садовъ Семирамиды*. На берегу Евфрата стояло еще другое знаменитое зданіе—это была четыреугольная башня съ храмомъ Бога солнца *Ваала* или *Бела*, властителя неба и свѣта, создавшаго вселенную и человѣка и указавшаго пути звѣздамъ. Башня подымалась на высоту 600 футовъ осемью уступами, кверху постепенно съуживавшимися и богато украшенными статуями, живописью и золотыми издѣліями; на верхнемъ уступѣ стояло золотое ложе и такой же столъ для самого бога. Описанныя роскошныя зданія сдѣлали Вавилонъ «гордою красою Халдеевъ, всюду славивымъ мѣстомъ». Висячіе сады (1) причислялись древними

---

(1) Слѣдующія постройки принадлежали къ такъ называемымъ 7 чу-

народами, т. е. жившими до Рождества Спасителя, къ семи чудесамъ свѣта. Зданія Вавилонскія совершенно разрушились, такъ какъ Вавилоняне употребляли для построекъ кирпичъ изъ глины съ примѣсью асфальта, алебастра и тростника, сушеный только на солнцѣ.

Семирамида, сверхъ того, провела дороги, построила мосты и каналы. Но не только постройками прославилась царица, она и въ воинственности не уступала своему супругу. Покоривъ всѣ народы югозападной Азіи, она услышала, что Индія самая богатая и роскошная страна въ мірѣ, и рѣшилась предпринять туда походъ. Она перешла черезъ *Индъ* и за рѣкою встрѣтилась съ огромнымъ непріятельскимъ войскомъ. Впереди его выстроенъ былъ рядъ слоновъ, носившихъ на спинѣ башни, въ которыхъ стояли воины; сами слоны наносили удары хоботомъ и затаптывали непріятелей ногами. Лошади въ конницѣ Семирамиды не могли вынести запаха отъ слоновъ и ускакали назадъ. Тогда Семирамида, не имѣвшая ни одного слона, придумала хитрость: она приказала убить нѣсколько тысячь быковъ, сшить ихъ шкуры на подобіе слоновъ, и въ эти шкуры одѣть верблюдовъ; затѣмъ она поставила на нихъ также башни и посадила вооруженныхъ воиновъ. Индійцы, видя столько слоновъ у Семирамиды, сначала переполошились и отступили; но, узнавъ отъ переметчиковъ хитрость царицы, они возвратились и совершенно поразили Ассирійское войско, такъ что Семирамида, дважды раненная сама, спаслась бѣгствомъ только съ небольшимъ отрядомъ. По возвращеніи ея, въ Вавилонѣ возмутился народъ. Царица расплетала свои косы, когда ее извѣстили о возстаніи, но тотчасъ съ распущенными волосами она вышла къ

десамъ свѣта: 1, пирамиды въ Египтѣ; 2, стѣны города Вавилона; 3, висячіе сады Семирамиды; 4, храмъ богини Артемиды (Діаны) въ Эфесѣ; 5, статуя Зевса (Юпитера) въ Олимпіи; 6, гробница Мазвола (Мазволей) въ Галикарнасѣ; 7, колосъ Родосскій.

мятежникамъ, которые при одномъ видѣ разгнѣванной Семирамиды возвратились къ покорности. О кончинѣ ея преданіе говоритъ, что она улетѣла на небо въ видѣ голубя.

Преемники Семирамиды мало извѣстны, достовѣрно только, что Ассиріяне около XIII ст. до Р. Х. владычествовали въ югозападной Азіи отъ Малой Азіи и Каспійскаго моря до рѣки Инда, а затѣмъ въ VIII ст. со вступленія на престолъ новой *династіи* обратились на западъ. Царь *Салманасаръ* покорилъ земли до Средиземнаго моря и отвелъ Израильтянъ въ плѣнъ (722 г.); преемникъ его потерпѣлъ неудачу при осадѣ Іерусалима, чѣмъ воспользовались *Мидяне* и стали независимы. Въ слѣдующемъ столѣтіи противъ Ассирійкаго царя *Сарданапала* (Саракъ), — который прялъ съ женщинами, носилъ женскую одежду, красилъ себѣ лицо, а о государствѣ вовсе не заботился,—соединились Мидійскій царь и намѣстникъ Вавилоніи и осадили крѣпкую Ниневію. Два года держался Сарданапалъ, но когда разлитіе Тигра разрушило часть городской стѣны, онъ сжегъ себя въ своемъ дворцѣ съ женами и дѣтьми (606 г.). Такъ разсказывается конецъ Ассирійскаго государства; господство на Тигрѣ и Евфратѣ перешло къ Вавилонянамъ.

Священное писаніе прославляетъ дѣятельность и богатство *Вавилонянъ*. *Месопотамія* въ глубокой древности была лучше воздѣлана, чѣмъ теперь. Такъ какъ ложе Тигра выше Евфрата, то странѣ угрожала вѣчная опасность отъ наводненій; для отвращенія послѣднихъ, а также для необходимаго при чрезвычайно знойномъ климатѣ орошенія, Вавилоняне построили множество каналовъ, плотинъ и водоемовъ. Вслѣдствіе того почва была столь плодородна, что давала двухъ—даже трехсотое зерно; увѣряютъ, что листья пшеницы и ячменя достигали ширины въ четыре пальца. Ткани Вавилонянъ — шерстяныя, льняныя и хлопчатобумажныя — особенно цѣнились за яркость красокъ, а ковры за узоры съ разными баснословными индійскими чудовищами. Они приготовляли и тросточки съ рѣзьбою, представлявшей животныхъ, цвѣты и тому

подобное: эти трости были въ большомъ употребленіи. Вавилоняне вели обширную торговлю частію своими, частію чужими издѣліями. Ихъ караваны привозили изъ Индіи драгоцѣнные камни и красильныя вещества, изъ Бактріи золото, и отвозили эти товары на западъ. По Евфрату они плавали въ лодкахъ, которыя состояли изъ деревяннаго кузова, обтянутаго кожею; кузовъ продавался послѣ выгрузки товаровъ, а кожи отвозили съ собою на ослахъ домой. Такая дѣятельность обогатила Вавилонянъ, а слѣдствіемъ этого была чрезмѣрная роскошь и чрезвычайная порча нравовъ, которыя наводятъ ужасъ на вдохновенныхъ писателей вѣтхаго завѣта. Женщины не уступали мужчинамъ въ безпутствѣ; при существовавшемъ многоженствѣ онѣ не пользовались уваженіемъ, дѣвицы продавались. Всѣ умащали тѣло благовонными смолами (миррою изъ Аравіи), носили шерстяное платье, бѣлые плащи и длинные волосы, обвитые низко спущенною повязкою.

Вавилоняне поклонялись солнцу (Ваалу), лунѣ (Милитѣ), звѣздамъ и «всему сонму небесному», и приносили имъ жертвы. Это поклоненіе привело вавилонскихъ жрецовъ — *халдеевъ*—къ астрономическимъ наблюденіямъ, которыя чрезвычайно облегчали безоблачное небо и ровная мѣстность Месопотаміи. Для ежедневныхъ наблюденій назначены были особые жрецы и мѣстомъ наблюденій (обсерваторіею) служила башня Ваала. Халдеи первые умѣли проводить меридіанъ, правильно вычисляли разстояніе мѣстъ, теченіе солнца и раздѣлили годъ на 12 мѣсяцевъ; имъ были извѣстны планеты, которымъ они посвятили семь дней недѣли, нѣкоторые изъ нихъ считались несчастными (тяжелыми). Халдеямъ уже извѣстно было, что лунныя затмѣнія происходятъ отъ тѣни земнаго шара. Но съ этими расчетами халдеи соединяли *астрологическія* гаданія, т. е. старались усмотрѣть въ созвѣздіяхъ волю боговъ, предсказывали по часу рожденія судьбу человѣка, опредѣляли по безпрерывно измѣняющемуся положенію звѣздъ на небѣ время, удобное для каждаго дѣла, и предсказывали погоду.

Названіе *халдей* по этому стало впослѣдствіи обозначать колдуна и снотолкователя. Халдеи дошли и до первыхъ началъ геометріи и врачеванія; въ врачеваніи они были неопытны: разсказываютъ, что больные выходили или выносились на рынокъ и спрашивали прохожихъ, не подвергались ли они тому же недугу и какимъ средствомъ избавились отъ него.

По освобожденіи отъ власти Ассиріянъ (606 г.) самымъ воинственнымъ и сильнымъ вавилонскимъ государемъ былъ *Навуходоносоръ*. Въ его время западные сосѣди—*Египтяне*—дѣлали попытки завоевать Сирію; онъ отразилъ ихъ нападеніе (разбилъ фараона Нехао при Цирцезіумѣ на Евфратѣ) и изгналъ ихъ изъ Азіи; разрушилъ Іерусалимъ (588 г.) и отвелъ весь народъ Іудейскій въ плѣнъ на берега Евфрата. На сѣверозападъ отъ Палестины онъ покорилъ *Финикіянъ*, послѣ тринадцатилѣтней осады разрушилъ самый богатый городъ ихъ — *Тиръ*, и заставилъ жителей его переселиться на ближайшій островъ. Большая часть зданій, украшавшихъ Вавилонъ, построены въ его царствованіе. Подъ конецъ своей жизни могущественный Навуходоносоръ впалъ въ безуміе, государство вавилонское разстроилось и при слабыхъ его преемникахъ Вавилонъ былъ завоеванъ *Киромъ*, царемъ Персидскимъ (538 г.).

ВѢРОВАНІЯ, УЧРЕЖДЕНІЯ, БЫТЪ И ПОСТРОЙКИ ЕГИПТЯНЪ.

Плодоносная долина нижняго Нила—единственной большой рѣки въ сѣверной Африкѣ — или *Египетъ* окружена безплодною пустынею, отъ которой она отдѣляется Аравійскими горами на востокѣ и Ливійскими на западѣ; климатъ страны знойный, сухой, дождей вовсе не бываетъ, однако *Нилъ*, вытекающій изъ внутреннихъ частей Африки, въ избыткѣ орошаетъ страну своими ежегодными наводненіями, правильно начинающимися съ конца іюля. Рѣзкая противоположность

между жизнью и смертью въ самой природѣ страны, постоянство, съ которымъ повторяются всѣ явленія ея, имѣли большое вліяніе на вѣрованія и жизнь народа. Египтяне стали обожать ту естественную силу, которая давала странѣ жизнь и плодородіе—*солнце*. Солнцу поклонялись повсюду въ Египтѣ, хотя въ различныхъ мѣстностяхъ подъ различными названіями и съ различными обрядами. Каждому божеству посвящалось какое нибудь животное; кто его умышленно убивалъ, подвергался смерти. Такъ почетомъ пользовались кошки, ибисы, кобчики, собаки, крокодилы и др. Разсказываютъ, что во время пожара Египтяне гораздо больше заботились о спасеніи кошекъ, чѣмъ о тушеніи огня, и когда погибала въ пламени кошка, то въ народѣ подымался сильный вопль. Изъ всѣхъ же священныхъ животныхъ самое замѣчательное былъ быкъ *Аписъ*, который содержался на великолѣпномъ дворѣ возлѣ храма *Фта*, отца свѣта, въ *Мемфисѣ*. Онъ былъ черный съ бѣлымъ пятномъ на лбу, съ наростомъ подъ языкомъ въ видѣ жука, и съ двоякою шерстью на хвостѣ. По этимъ примѣтамъ отыскивали Аписа, и когда его находили, то наступало семидневное празднество съ шествіями и пирами; когда же онъ умиралъ, то вся страна печалилась.

Египтяне вѣрили въ загробную жизнь, гдѣ злые наказывались, а добрые награждались. На древнихъ египетскихъ памятникахъ сохранилось изображеніе суда надъ душами умершихъ. Этотъ судъ происходитъ въ преддверіи преисподней, въ храмѣ «обоюдной справедливости», гдѣ возсѣдаетъ *Озирисъ* съ 42 судьями (по числу смертныхъ грѣховъ). Онъ взвѣшиваетъ души на вѣсахъ правосудія, въ одной чашѣ душа, въ другой богиня правды, украшенная страусовымъ перомъ. Праведные переходятъ на востокъ въ царство свѣта, а нечестивые приговариваются блуждать по пустынѣ, на западѣ, и томиться жаждою. Если проступки не были столь тяжки, чтобы подвергнуть душу наказанію, но она не была достойна и блаженства, то ее возвращали на землю и, переходя черезъ тѣла разныхъ животныхъ, она переселялась опять въ свое

старое тѣло. На этомъ основывалась вѣра въ такъ называемое *переселеніе душъ*. Такъ, на одномъ памятникѣ душа въ видѣ свиньи изгоняется изъ судилища мертвыхъ.

Чтобы душа въ случаѣ переселенія находила свое старое тѣло, Египтяне чрезвычайно заботились о сохраненіи мертвыхъ тѣлъ. Они вынимали внутренности у труповъ, очищали ихъ, промывали трупъ виномъ, втирали его разными мазями и горною смолою изъ Персіи — *мумъ;* отъ этого тѣла, приготовленныя такимъ образомъ или *бальзамированныя* назывались *муміями*. Муміи еще нѣкоторое время лежали въ соли, а затѣмъ ихъ сверху донизу пеленали въ тонкое полотно; лице намазывали гипсомъ и расписывали. Египтяне были столь искусны въ приготовленіи мумій, что многія изъ нихъ сохранились до нашего времени; ихъ ставили, въ богато украшенныхъ гробахъ, въ подземные могильные склепы. У многолюднаго, стовратнаго города *Θивъ*, какъ и у всѣхъ египетскихъ городовъ, безчисленное множество гробницъ было высѣчено рядами въ горной скалѣ; къ нимъ вели по разнымъ направленіямъ лѣстницы и ходы, — это такъ называемый «*городъ мертвыхъ*», идущій подъ землею на протяженіи нѣсколькихъ верстъ. Разсказываютъ, что Египтяне съ меньшимъ тщаніемъ отстраивали свои жилища, чѣмъ гробницы, утверждая, что въ первыхъ они нуждаются только для краткосрочной жизни, а въ послѣднихъ для безпредѣльной вѣчности. Каждая мумія хоронилась со всѣми предметами ежедневнаго обихода покойника; родные же поклонялись своимъ покойникамъ и приносили имъ жертвы.

Постоянство, съ которымъ совершались всѣ явленія природы въ Египтѣ, водворило неизмѣнный порядокъ и въ жизни, и въ учрежденіяхъ Египтянъ. Всѣ занятія раздѣлялись между отдѣльными поколѣніями, сынъ оставался въ сословіи своего отца, и не могъ избрать себѣ новой дѣятельности по наклонностямъ или способностямъ. Такъ возникли сословія съ строго опредѣленными занятіями, или *касты*. Главнѣйшія были касты жрецовъ и воиновъ, прочія касты составлялъ рабочій, про-

мышленный народъ. Всѣ земли въ Египтѣ были раздѣлены на три части; одна принадлежала царямъ, другая жрецамъ, третья воинамъ; рабочія касты своей земли не имѣли, а получали плату за свои труды и находились въ пренебреженіи.

Жрецы, были единственными руководителями народа въ священнодѣйствіяхъ, которыми, начиная отъ обрѣзанія до бальзамированія, сопровождалась вся жизнь Египтянина. Они воспитывали царей, предписывали имъ правила жизни и даже часы прогулокъ. Жрецы занимали судебныя и всѣ высшія мѣста въ государствѣ, съ своихъ земель не платили никакихъ податей; они были единственными учеными въ Египтѣ. Такъ какъ ежегодное разлитіе Нила разрушало всѣ границы между полями, то необходимо было правильно измѣрять землю, составлять планы и египетскіе жрецы первые дошли до точности въ *землемѣрствѣ*. Они же составили особый родъ письменъ, состоящій изъ цѣльныхъ изображеній, вмѣсто буквъ,—такъ называемые *іероглифы*,—и писали на листахъ водянаго растенія *папируса* (1). Они, сверхъ того, были и врачами; но въ Египтѣ для каждой части тѣла существовалъ особый врачъ и было предписано особое леченіе; кто уклонялся отъ установленныхъ правилъ, наказывался какъ убійца.

Вторую господствующую касту составляли *воины*; имъ, смотря по мѣсту, которое они занимали въ строю, давались бо̀льшія или мѣньшія участи земли (помѣстья). Воины дѣлились на два лагеря и всѣхъ ихъ считалось до 400,000 человѣкъ.

---

(1) Первоначально въ древности письмена высѣкались на камнѣ, вырѣзывались на деревѣ или какомъ нибудь металлѣ. Египтяне же срѣзывали внутреннюю кожицу листьевъ папируса, складывали ее въ нѣсколько слоевъ на крестъ, мочили, выжимали, сглаживали ихъ и такимъ образомъ приготовляли ровный пластъ, на которомъ писали. Въ послѣдствіи другіе народы стали писать палочкою на вощенныхъ доскахъ. Гораздо позже уже въ городѣ *Пергамѣ* (въ Малой Азіи) приготовляли для письма кожи, получившія названіе *пергамента*.

Они были вооружены чешуйчатыми латами, кожаными колпаками, латами на голеняхъ, деревянными щитами, обтянутыми кожею и обитыми желѣзомъ; они метали копья, перистыя стрѣлы, оборонялись палицами, мечами и ножами. Конницы не существовало, Египтяне сражались пѣшіе, или разъѣзжали на колесницахъ, строились четыреугольниками около знамени. Египтяне сооружали также четыреугольныя крѣпости съ башнями; у нихъ были и круглыя, военныя суда съ одною мачтою и веслами, но флота не существовало, такъ какъ море считалось нечистымъ. По Нилу Египтяне плавали въ неуклюжихъ, даже глиняныхъ судахъ. Изъ касты воиновъ происходили цари, которые назывались *фараонами* (братьями солнца). Фараоны имѣли неограниченную власть надъ жизнью и смертью всѣхъ подданныхъ. Египтяне оказывали имъ божескія почести; только повергшись ницъ, дозволялось приблизиться къ царю. По ученію жрецовъ, сначала властвовали въ Египтѣ сами боги, а потомъ фараоны заступили мѣсто боговъ.

Могущество фараоновъ доказываютъ громадныя постройки, которыми прославился Египетъ. *Мемфискіе* фараоны заботились объ укрѣпленіи своихъ гробницъ огромными четыреугольными сооруженіями, съуживающимися кверху, извѣстными подъ названіемъ *пирамидъ*. Строеніе начиналось внутреннею, высѣченною въ скалѣ гробницею; а надъ нею возводился потомъ изъ известковыхъ плитъ,—которыя укладывались одна на другую безъ цемента—родъ холма, заостренный въ вершинѣ. Внутри пирамидъ находятся ходы, покои и склепы. Каждый царь закладывалъ пирамиду тотчасъ по вступленіи на престолъ, и по мѣрѣ того, какъ наростали года его правленія къ пирамидѣ все прибавлялись новые слои каменныхъ плитъ; такимъ образомъ величина постройки всегда соотвѣтствовала долговѣчности каждаго царя. Къ западу отъ Мемфиса находится цѣлая группа пирамидъ; высшая изъ сохранившихся (близъ деревни Гизе) имѣетъ около 450 футовъ вышины. Надъ нею, разсказываютъ, работало 100,000 чело-

вѣкъ въ теченіе двадцати лѣтъ, и работники смѣнялись черезъ каждые три мѣсяца новыми. Эта пирамида совершенно сохранилась и ее приписываютъ царю *Хеопсу* (Хуфу). Она стоитъ на совершенно голой скалѣ, подымающейся на 100 ф. надъ высшемъ уровнемъ Нила. Первый нижній слой каменной настилки впущенъ въ скалу; надъ нимъ идутъ уступами еще 202 другихъ слоевъ, такъ что получается исполинская лѣстница до самаго верха. Стороны пирамиды совершенно точно направлены къ четыремъ странамъ свѣта, на сѣверной сторонѣ выше земли есть отверстіе и узкій входъ, спускающій книзу. Онъ соединенъ съ другимъ, опять подымающимся, который оканчивается горизонтальнымъ проходомъ (дл. въ 100 ф) и ведетъ въ такъ называемый покой царицы (18 ф. дл. и 16 ф. шир.). Этотъ покой теперь пустъ. Изъ того же прохода ведетъ галлерея въ покой царя, который первоначально былъ заваленъ камнями. Стѣны покоя полированы и въ немъ съ сѣвера на югъ поставленъ гробъ, отъ котораго пропала крыша. Наконецъ изъ прохода спускается внизъ отвѣсная шахта, подъ нею колодезъ. На стѣнахъ шахты сдѣланы выемки; по нимъ спускались на глубину 200 ф., но не дошли еще до колодца, находящагося вѣроятно ниже уровня Нила.

На другой пирамидѣ надпись гласила, что на рѣдьку, лукъ и чеснокъ для работниковъ во время постройки было истрачено до двухъ милліоновъ рублей на наши деньги; до какихъ суммъ, слѣдовательно, простирались прочія издержки?

Фараоны *Ѳивскіе* преимущественно прославились сооруженіемъ дворцовъ и храмовъ, съ чрезвычайно толстыми стѣнами и такихъ громадныхъ размѣровъ, что на углу крыши одного изъ храмовъ стоитъ теперь цѣлая деревня. Къ нимъ обыкновенно вела широкая, длинная, мощенная дорога, украшенная по обѣимъ сторонамъ рядомъ *сфинксовъ*, т. е. изображеніями покоющихся львовъ или барановъ съ человѣческими головами. Стѣны зданія заключали въ себѣ три двора, соединенные между собою; въ послѣднемъ, третьемъ дворѣ

находился обыкновенно самый храмъ, который раздѣлялся на три части. Стѣны были покрыты іероглифическими надписями и окрашенными изображеніями. Потолокъ храмовъ и дворцовъ Египтяне строили изъ цѣльныхъ камней, которые на концахъ поддерживались колоннами; по этому во всѣхъ египетскихъ постройкахъ чрезвычайно много колоннъ, а между ними остается только небольшое разстояніе. Эти колонны имѣютъ обыкновенно видъ связанныхъ стеблей лядвенца, священнаго у Египтянъ; верхъ ихъ украшенъ цвѣтками того же растенія. Входъ зданій обыкновенно украшался статуями и *обелисками*, т. е. четыреугольными колоннами, постепенно съуживающимися и заостренными кверху. Эти обелиски на гладко полированной своей поверхности имѣютъ іероглифическія надписи и состоятъ изъ цѣльнаго гранитнаго камня, большею частью значительной величины (Высота нѣкоторыхъ обелисковъ отъ 70 до 180 футовъ, а вѣсъ въ 6000—8000 пудовъ). Гранитъ ломали въ аравійскихъ горахъ, и можно себѣ представить, какія усилія потребны были при перевозкѣ этихъ камней къ Θивамъ.

Изъ прочихъ построекъ Египтянъ за архитектурное чудо считался въ древности *лабиринтъ*. Онъ состоялъ изъ 12 храмовъ; возлѣ храмовъ устроено много второстепенныхъ покоевъ, половина ихъ находилась подъ землею и всѣ они были соединены между собою галлереями и запутанными переходами. Почти всѣ колонны въ лабиринтѣ были изъ бѣлаго мрамора; полы были устланы камнемъ. Въ каждомъ храмѣ находились статуя бога, изображенія и муміи посвященныхъ ему животныхъ. Всѣхъ различныхъ покоевъ и помѣщеній надъ и подъ землею насчитываютъ въ лабиринтѣ до 3000. Онъ служилъ общимъ храмомъ всѣхъ 12 государствъ, существовавшихъ въ Египтѣ въ это время.

Египтяне усердно обработывали землю. По прекращеніи разлива Нила, въ декабрѣ или январѣ, они или просто бросали сѣмена въ влажную почву, или заставляли свиней и козъ втаптывать ихъ. Они орали почву простымъ плугомъ,

запряженнымъ волами, или взрывали ее заступомъ. Въ концѣ марта уже наступала жатва; пшеницу и маисъ жали серпомъ; зерна вытаптывали волы; хлѣбъ хранили, вслѣдствіе отсутствія дождей, въ житницахъ безъ крышъ. Садоводство и винодѣліе были очень распространены, вино и масло выжимались въ мѣшкахъ. Уходъ за скотомъ былъ чрезвычайно тщательный, искусно лечили больной скотъ. Только свинопасы находились у Египтянъ въ пренебреженіи, а свинья считалась нечистымъ животнымъ. Они охотились съ стрѣлами и собаками, на львовъ въ колесницахъ, на сернъ и буйволовъ съ арканомъ, гіэнамъ ставили западни, носороговъ убивали копьями. Не менѣе усердно занимались рыбною ловлею, рыбу чистили и сушили.

Изъ льна и хлопчатой бумаги Египтяне приготовляли чрезвычайно тонкія и прочныя ткани, славившіяся въ древности, и сохранившіяся до насъ вмѣстѣ съ муміями. Золото они умѣли промывать, плавить, даже растворять и приготовляли изъ золота и серебра разнообразныя издѣлія. Изъ стекла выдували посуду.

Замѣчательна рѣзьба, которая сохранилась на гробахъ. Такъ на хранящемся въ Берлинскомъ музеѣ изображена покоющаяся женщина съ изумительно изящно отдѣланнымъ платьемъ. На другомъ гробу (въ Лейпцигѣ) находится до 3000 выступающихъ фигуръ, вырѣзанныхъ на кедровомъ деревѣ; и хотя каждая изъ нихъ величиною не болѣе нѣсколькихъ линій, однако точно обозначены и волосы, и ногти на рукахъ, перья у птицъ, чешуи у змѣй и т. д. Объ успѣхахъ Египтянъ въ зодчествѣ даютъ понятіе сфинксы и громадныя статуи. Особенно прославилась колосальная статуя *Мемнона* (царя Аменофиса III Мейямума, около 1500 г.). Она имѣла 60 ф. вышины, и избитая Камбизомъ стала издавать при восходѣ солнечномъ плачевный звукъ; Греки и Римляне отправлялись къ ней на поклоненіе; теперь она сломана.

Въ приготовленіи красокъ Египтяне были очень свѣдущи, но живопись у нихъ была несовершенна. Окрашиваніе пред-

метовъ однообразно, безъ свѣта и тѣни: туземцевъ обозначали красною краскою, женщинъ нѣсколько свѣтлѣе, иноземцевъ желтою, птицъ зеленою, воду синею. Цари и болѣе знатныя лица рисуются бо́льшихъ размѣровъ; о перспективѣ нѣтъ и помину.

Въ обыденной жизни Египтяне окружали себѣ удобствами; богатые употребляли дорогія носилки и повозки; женщины свободно обращались въ обществѣ; угощеніе бывало роскошное; часто изображаются пиршества съ музыкантами и плясуньями, выполняющими изумительно трудныя движенія. Египтяне играли въ шахматы и кольца, они забавлялись и воловьей травлею. Веселость Египтянъ видна изъ смѣшныхъ сценъ, часто изображаемыхъ на памятникахъ.

Знатные Египтяне носили богатую, длинную, узко обнимавшую тѣло одежду. Женщины убирали волосы чрезвычайно искусно, они носили почти на каждомъ пальцѣ кольца, на шеѣ ожерелья, въ ушахъ серьги, на рукахъ браслеты. Въ гробницахъ часто находятъ металлическія зеркала, помадныя банки и т. п. Менѣе достаточные люди носили полотняныя сорочки, которыя у колѣнъ были обшиты кружевами, а сверху надѣвали шерстяной плащъ. Работники и бѣдные изображаются только съ кожанымъ передникомъ.

Въ древнемъ Египтѣ первоначально возникло нѣсколько государствъ, которыя впослѣдствіи соединились въ одно. Царямъ нераздѣльнаго Египта приписываются походы въ Азію до самаго Чернаго моря на сѣверъ и также далеко на востокъ; впрочемъ объ этихъ походахъ достовѣрныхъ разсказовъ до насъ не дошло. Неоднократно Египетъ подвергался и нашествію иноплеменниковъ, съ востока черезъ Суэзскій перешеекъ и съ юга изъ *Эфіопіи*. Эти потрясенія были причиною распаденія Египта на части, и въ немъ образовалось до 12 различныхъ царствъ. Фараонамъ этихъ царствъ приписывается постройка 12 храмовъ, изъ которыхъ состоялъ лабиринтъ. Въ послѣдній разъ соединилъ Египетъ въ одно

Инв. Гос. Ун-т
Научная
библиотека им.
Горького

государство отецъ фараона *Нехао*, уже въ концѣ седьмаго столѣтія до Рождества Спасителя.

При существованіи кастъ естественно, что иноземцы не допускались къ жительству въ Египтѣ. Новые фараоны уничтожили это запрещеніе къ крайнему неудовольствію Египтянъ; половина касты воиновъ выселилась на югъ, когда было составлено войско изъ наемныхъ Грековъ. Однако сношенія съ иноземцами принесли Египту большія выгоды, государство разбогатѣло отъ торговли, и стало столь могущественнымъ, что фараоны могли предпринять завоеваніе чужихъ странъ.

Фараонъ Нехао (616—600 г). построилъ многочисленный военный флотъ, чтобы облегчить себѣ завоеваніе странъ между Евфратомъ и Средиземнымъ моремъ (*Сирія*). Съ огромнымъ войскомъ, при которомъ было много ливійской конницы и военныхъ колесницъ, онъ напалъ на Іудеевъ, разбилъ царя и взялъ городъ Іерусалимъ, въ которомъ посадилъ новаго царя. При дальнѣйшемъ распространеніи своей власти по Сиріи, Нехао встрѣтилъ противодѣйствіе отъ *Навуходоносора*, отецъ котораго освободилъ Вавилонъ изъ подъ власти Ассиріи. Вавилоняне нанесли Египтянамъ жестокое пораженіе на берегу Евфрата (при Кархемышѣ въ 604 г. до Р.Х.).

Внутри государства Нехао хотѣлъ соединить Средиземное море съ Аравійскимъ заливомъ при помощи водянаго пути, всегда болѣе удобнаго для торговли. Для этого онъ предпринялъ постройку канала отъ устья Нила къ Черному морю, но окончанію его помѣшали военныя неудачи (1).

Къ правленію того же фараона относится совершеніе чрезвычайно труднаго для того времени предпріятія. Съ цѣлію открыть новые пути для торговли, Нехао отправилъ *Фини-*

---

(1) Въ наше время принялись вновь за прорытіе канала въ томъ же мѣстѣ, и работы поручены Французскому инженеру Лесепсу.

кійскихъ мореходцевъ изъ Аравійскаго залива вдоль берега Африки, чтобы они возвратились въ Египетъ черезъ Средиземное море. Финикіяне поплыли въ Южное море; когда наступала осень, плаватели выходили на берегъ, засѣвали землю и дожидались жатвы, оставаясь постоянно въ Африкѣ. Послѣ уборки хлѣба, они вновь пускались въ путь, и на третій годъ возвратились въ Египетъ, проѣхавши черезъ Гибралтарскій проливъ. Они разсказывали, чему не хотѣли вѣрить въ древности, что, объѣхавъ Африку, солнце восходило имъ по правую руку; это именно и доказываетъ, что они обогнули мысъ Доброй Надежды.

Въ слѣдующемъ столѣтіи, когда Киръ соединилъ всю югозападную Азію въ одну могущественную Персидскую державу,— египетскіе фараоны, желая предупредить опасность, приняли участіе въ союзѣ азіатскихъ царей противъ Кира. Но союзники были покорены Киромъ, а сынъ его Камбизъ завоевалъ и Египетъ (525 г.).

МОРЕХОДСТВО У ФИНИКІЯНЪ; ИХЪ ИЗОБРѢТЕНІЯ.—ПОСТРОЙКА СОЛОМОНОВА ХРАМА.—ТОРГОВЛЯ И ВѢРОВАНІЯ ФИНИКІЯНЪ.

Финикіяне, совершившіе отважное плаваніе вокругъ Африки, считались самыми искусными и предпріимчивыми мореходцами въ древности. Они занимали небольшую страну (простиравшуюся приблизительно на 200 верстъ въ длину, и отъ 30 до 35 верстъ въ ширину), между берегомъ Средиземнаго моря и *Ливанскими* горами, которыя изобиловали кедровымъ лѣсомъ. Море было богато всякою рыбою, и Финикіяне стали чрезвычайно искусными рыболовами. Они приготовляли разнообразными способами соленую и сушеную рыбу, и развозили ее по отдаленнымъ странамъ. *Рыбная ловля* пріучила ихъ къ *мореплаванію*, въ которомъ они были

болѣе свѣдущи, чѣмъ другіе азіатскіе и африканскіе народы въ древности. Финикіяне строили круглыя и продолговатыя суда съ высокимъ, изогнутымъ носомъ, который украшался рѣзьбою и изображеніемъ какого нибудь божества, обыкновенно состоявшаго изъ верхней части человѣческаго тѣла съ головою какого либо животнаго. На этихъ судахъ были скамьи для гребцовъ. Военные корабли имѣли нѣсколько рядовъ такихъ скамеекъ, прикрытыхъ сверху деревянною палубою. Суда снабжались и мачтами съ разноцвѣтными, треугольными парусами, и имѣли якорь. Финикіяне при плаваніи не только руководствовались положеніемъ звѣздъ на небѣ, но изобрѣли и родъ компаса;—и хотя они старались не терять изъ виду берега, однако совершали плаваніе въ весьма отдаленныя страны. Такъ они ѣздили за серебромъ и золотомъ въ Испанію, вывозили олово съ Британскихъ острововъ и янтарь съ береговъ Балтійскаго моря. Свои открытія Финикіяне заботливо скрывали отъ другихъ народовъ; если за ними слѣдили чужіе корабли, то они заводили ихъ въ опасныя мѣста, даже сами садились на мель.

Также дѣятельны были Финикіяне и въ другихъ занятіяхъ. Вся Финикія была воздѣлана, подобно саду, Финикійскія вина считались лучшими въ древности, самую мелкую пшеничную муку доставлялъ городъ *Тиръ*. Своею добротою славились ленъ и пенька изъ Финикіи, превосходными считались ткани изъ *Сидона*. Финикіяне изобрѣли способъ прочно окрашивать ткани въ разные цвѣта, такъ называемый *пурпуръ*; наиболѣе цѣнился темнокрасный, багряный пурпуръ. Разсказываютъ, что пастухъ замѣтилъ у своей собаки окрашенную морду, и нашелъ, что она разгрызла морскія раковины, изъ которыхъ Финикіяне съ тѣхъ поръ стали приготовлять краски. Это знаніе хранили какъ тайну, которая была утрачена, какъ говорятъ, уже послѣ Рождества Спасителя (при взятіи Константинополя Турками въ 1453 г. послѣ Р. Х.); съ тѣхъ поръ стали приготовлять багрянецъ изъ кошенилевыхъ червяковъ.

Другое случайное изобрѣтеніе сдѣлали Финикійскіе мореходцы, которые, вышедши на берегъ, за неимѣніемъ камней, соорудили себѣ очагъ изъ глыбъ селитры и развели на немъ огонь. Расплавившаяся селитра смѣшалась съ золою и пескомъ и образовала прозрачный пластъ — *стекла*. Стекло однако Финикіяне не употребляли для оконъ или для сосудовъ, а выдѣлывали изъ него зеркала, колонны и разныя бездѣлушки, и изъ разноцвѣтныхъ стеклышекъ составляли мозаичные рисунки, которыми украшались у нихъ стѣны и полы комнатъ. Также Финикіяне первые сдѣлали большіе успѣхи въ добываніи, выплавкѣ и обдѣлкѣ металловъ; они же прославились, какъ искусные строители. При своихъ постройкахъ Финикіяне преимущественно заботились объ удобствѣ и пользѣ, а не о громадности, какъ Вавилоняне и Египтяне. Въ Финикійскихъ городахъ были 4—5 этажные дома изъ кедроваго лѣса съ желѣзными скрѣпами.

Финикійскіе строители такъ прославились у сосѣдей, что царь Соломонъ, задумавъ сооруженіе храма въ Іерусалимѣ, поручилъ имъ эту трудную работу. Это зданіе, стоявшее на холмѣ у ручья Кидрона, отличалось не величиною, а богатыми и разнообразными украшеніями внутри. Холмъ Морія былъ предварительно снесенъ до меньшей высоты и укрѣпленъ подстилкою изъ мраморныхъ плитъ (въ 500 — 700 ф. вышины). Самый храмъ занималъ въ длину — 60, въ ширину — 20, а въ высоту — 50 локтей; все зданіе было изъ бѣлаго мрамора. Полы были изъ кипариса и выложены золотомъ, стѣны и потолки храма были построены изъ кедроваго дерева, съ богатою рѣзьбою, изображавшею херувимовъ и пальмовыя вѣтви. Такимъ образомъ внутри не видно было ни одного камня. Передъ Святыя Святыхъ стоялъ золотой подсвѣчникъ съ семью свѣтильниками; Святыя Святыхъ занимало заднюю часть храма, и отдѣлялось отъ передней золотою цѣпью и завѣсою изъ синяго и краснаго пурпура; стѣны его были обиты листами золота и въ немъ хранился Ковчегъ За-

вѣта, возлѣ котораго стояли два херувима изъ масличнаго дерева, обложенные золотомъ.

Эти херувимы были вышиною въ десять локтей, крылья ихъ были распущены, такъ что разстояніе между концами крыльевъ также равнялось девяти локтямъ.

Посреди двора передъ храмомъ находился мѣдный жертвенникъ огромной величины; на югъ отъ него стоялъ водоемъ, называвшійся *мѣднымъ моремъ*, дивное произведеніе Финикіянъ. Въ немъ священники совершали свои омовенія. Это былъ огромный котелъ, имѣвшій форму распустившейся лиліи; онъ покоился на двѣнадцати мѣдныхъ быкахъ, обращенныхъ по три въ каждую сторону свѣта. Сверхъ того, на каждой сторонѣ жертвенника находилось еще по пяти меньшихъ мѣдныхъ котловъ, стоявшихъ на колесахъ и искусно украшенныхъ херувимами, львами, пальмовыми вѣтками и цвѣтами. Въ нихъ омывались самыя жертвы. Построеніе этого храма продолжалось цѣлыя семь лѣтъ.

Будучи столь искусны въ приготовленіи разнообразныхъ издѣлій и товаровъ, и сдѣлавши такія важныя изобрѣтенія, Финикіяне стали всемірными торговцами. Они являлись повсюду, промѣнивая свои товары на чужіе. Не только финикійскіе корабли плавали по *Средиземному морю*, по *Персидскому* и *Аравійскому заливамъ*, проходили за *Гибралтарскій проливъ* и посѣщали берега *Англіи* и *Пруссіи;* они вели и сухопутную торговлю: *караваны* ихъ ходили въ *Вавилонію*, *Ассирію*, *Армению* и далѣе на востокъ, въ *Аравію*, въ *Египетъ* и *внутреннюю Африку*. Со всѣхъ концовъ свѣта въ Финикію свозились самые разнообразные товары. Изъ Арменіи ихъ купцы брали желѣзо и мѣдь, лошадей и рабовъ, изъ Вавилона и Персіи—полотно, а можетъ быть и шелкъ. На берегахъ Аравіи они находили тѣ смолы и благовонныя травы (ладанъ), которыя у всѣхъ древнихъ народовъ употреблялись при жертвоприношеніяхъ и для умащенія тѣла. Черезъ Вавилонъ и Персидскій заливъ они получали произведенія отдаленной Индіи (*Офира*): золото, жемчугъ, слоновую кость, павлиновъ,

обезьянъ, корицу и другія пряности. Внутренняя Африка доставляла имъ слоновые клыки и львиныя кожи, Испанія серебро, шерсть, масло оливковое, Грецію—свои вина, Англію—олово, Пруссію—янтарь, который цѣнился въ то время дороже золота. Всѣ эти сырыя произведенія обдѣлывали Финикіяне у себя и превращали ихъ въ самыя изящныя издѣлія. Для удобства покупокъ Финикіянами изобрѣтены были деньги, состоявшія изъ клейменыхъ кусочковъ кожи; отъ нихъ заимствовали Греки мѣры и вѣсы. Финикіяне же первые стали писать буквами.

Въ своихъ торговыхъ путешествіяхъ Финикіяне останавливались въ удобныхъ мѣстахъ и тамъ складывали свои товары и чинили свои суда. Около такихъ складовъ со временемъ образовались поселенія или *колоніи*. По всему берегу Средиземнаго моря существовали Финикійскія колоніи. Богатство Финикіянъ привлекало воинственныхъ сосѣдей. Салманассаръ раззорилъ страну и тщетно 5 лѣтъ осаждалъ городъ Тиръ. Навуходоносоръ завоевалъ Финикію, послѣ тринадцатилѣтней осады онъ взялъ и Тиръ (около 600 г.); но эти погромы уничтожили благоденствіе Финикіи и съ тѣхъ поръ стали возвышаться Финикійскія колоніи; между ними наибольшую извѣстность пріобрѣла колонія, лежавшая въ средней части сѣвернаго берега Африки — *Карѳагенъ*.

Разсказываютъ, что Тирскій царь *Пигмаліонъ*, умертвивъ дядю, супруга своей сестры *Дидоны*, заставилъ ее со многими знатными приверженцами бѣжать изъ Тира. *Дидона* прибыла въ Африку, купила у туземцевъ столько земли, сколько можно было бы покрыть воловьей кожею; но затѣмъ схитрила, изрѣзала кожу на тонкіе ремешки и, связавъ ихъ, обтянула ими большое мѣсто, на которомъ основала Карѳагенъ. Городъ вскорѣ чрезвычайно разбогатѣлъ и явилось много искателей руки Дидоны. Но царица отказала всѣмъ, не желая подчинять Карѳагенъ чужой власти, и чтобы наконецъ избавиться отъ предложеній, Дидона сожглась на кострѣ (въ 880 г.).

Финикіяне обожали силы природы, *солнце* подъ именемъ бога *Ваала*, обоготворяли *луну* подъ видомъ копіеносной богини *Астарты*, весеннее плодородіе земли въ образѣ юнаго, прелестнаго *Адониса*, смерть котораго оплакивали каждую осень. Поклоненіе было самое дикое; жрецы наносили себѣ увѣчья при совершеніи обрядовъ. Огневому богу *Молоху* приносились въ жертву люди. Ему сооружались чугунные идолы, внутри которыхъ разводился огонь, а потомъ въ раскаленныя руки идола клали дѣтей и юношей, обыкновенно изъ знаменитѣйшихъ семействъ, и заглушали стоны ихъ шумомъ флейтъ и литавръ.

ВѢРОВАНІЯ И РЕЛИГІОЗНЫЕ ОБРЯДЫ АРІЙСКАГО ПЛЕМЕНИ. УЧЕНІЕ ЗОРОАСТРА.

Страну на востокъ отъ *Тигра* до рѣки *Инда* (Иранъ) населяло племя *Аріевъ*. Эта страна безплодна и пустынна въ средней и юговосточной своей части; сѣверная же и западная, гористыя ея окраины чрезвычайно плодородны. Изъ Арійскаго племени въ исторіи прославились два народа: *Мидяне*, обитавшіе страны на сѣверовостокъ отъ Тигра до Каспійскаго моря, и *Персы*, жившіе отъ нихъ на югъ до Персидскаго залива.

Идоловъ, жертвенниковъ и храмовъ Аріи не воздвигали, они считали это неумѣстнымъ, потому что не вѣрили, чтобы божества въ чемъ либо походили на людей. Проповѣдникомъ своей вѣры они чтили *Зороастра*, вдохновеннаго пророка, который сподобился «услышать завѣты высшаго божества и получилъ способность передавать ихъ.» Онъ жилъ, вѣроятно, нѣсколько позже Моисея (около 1300 г. до Р. Х.). Устами Зороастра высшій богъ далъ откровенія, которыя записаны въ священной книгѣ Аріевъ — *Зендъ-Авестѣ*.

По ученію, изложенному въ *Зендъ-Авестѣ*, высшій, истинный богъ—*Ормуздъ* (Аурамазда), «предвѣчно мудрый». Онъ всевѣдущій и всемогущій творецъ и владыка вселенной. «Никто бы не могъ сотворить землю», говоритъ Ормуздъ, «если бы я ее не создалъ.» Онъ создалъ міръ священнымъ *творческимъ словомъ* (гоноверъ), и вызвалъ въ немъ всякую жизнь и все доброе. Но когда Ормуздъ удалился въ свое небесное обиталище, тогда «духъ разрушенія» *Аримань* (Ангро-Майньюсъ — злоумышляющій) въ змѣиномъ образѣ прошелъ созданный міръ, и наполнилъ его нечистыми духами, вредными животными, пороками и грѣхами. Съ тѣхъ поръ ко всякому благу, исходящему отъ Ормузда, Аримань старается прибавлять какое нибудь зло отъ себя. Онъ водворилъ ложь въ умѣ человѣка и при помощи сомнѣнія отвлекаетъ его отъ правды; отъ лжи и сомнѣнія происходятъ всѣ дурные поступки людей.

Такимъ образомъ въ противоположность Ормузду, творцу свѣта, дня и жизни, Аримань былъ творцомъ мрака, ночи и смерти; Ормуздъ создалъ быка, собаку, пѣтуха; Аримань — ядовитыхъ змѣй, хищныхъ звѣрей, пресмыкающихся животныхъ и вредныхъ насѣкомыхъ. На вѣрѣ въ эти два враждующія между собою начала — добра и зла — основывалась вся религія Аріевъ.

Кромѣ этихъ двухъ главныхъ божествъ существуютъ еще добрые и злые духи. Благотворныя силы природы и добродѣтели обожались въ видѣ добрыхъ духовъ. Изъ нихъ высшіе шесть, называвшіеся *Амшаспандами*, вмѣстѣ съ Ормуздомъ, блаженствовали въ *царствѣ свѣта*. Но такъ какъ Аримань создалъ шесть имъ равносильныхъ, высшихъ злыхъ духовъ — *Девовъ*, враждующихъ съ Амшаспандами: то между этими 12 духами весь годъ раздѣлился такимъ образомъ, что за каждый мѣсяцъ споритъ одинъ амшаспандъ съ однимъ девомъ, и въ одни мѣсяцы пересиливаютъ амшаспанды, въ другіе девы.

Кромѣ Амшаспандовъ, высшихъ добрыхъ духовъ, существовали еще низшіе (*Изеды*); наконецъ, каждый человѣкъ имѣлъ своего добраго духа-хранителя — *Ферверa*.

Могущественнѣе и свѣтлѣе другихъ изедовъ Ормуздъ сдѣлалъ *Митру;* его призывали чаще другихъ, онъ небесный скороходъ, имѣетъ 1000 ушей и 1000 очей, онъ спутникъ солнца и луны, онъ стражъ вселенной и славный побѣдитель, покоряющій зиму, наводимую Ариманомъ.

Всѣмъ изедамъ и ферверамъ Ариманъ противопоставилъ низшихъ девовъ, которые повсюду являются губителями. Они задерживаютъ дождь, распространяютъ засуху и безплодіе, наводятъ удушливые вѣтры и опустошительныя бури. Они потворствуютъ и дурнымъ наклонностямъ человѣка; есть девы, побуждающіе къ вѣчной спячкѣ и лѣни, разжигающіе гнѣвъ, вызывающіе зависть, ложь, коварство, притворство и т. д.

Между двумя главными мірскими силами—*добромъ* и *зломъ*— за обладаніе землею происходитъ вѣчная борьба, она будетъ продолжаться міровой годъ, состоящій изъ 12 міровыхъ мѣсяцевъ, или всего 12,000 лѣтъ. Но подъ конецъ побѣда должна остаться за Ормуздомъ: тогда наступитъ царство свѣта, и водворится на землѣ состояніе вѣчнаго блаженства. Тогда поклонники Ормузда, души которыхъ по смерти окажутся незапятнанными, получатъ иныя, свѣтлыя тѣла, не бросающія отъ себя тѣни, и будутъ наслаждаться въ *царствѣ свѣта* вѣчнымъ счастіемъ. Для этого человѣкъ долженъ содѣйствовать Ормузду въ борьбѣ, истребляя въ природѣ все вредное и размножая все полезное.

Ученіе Зороастра требуетъ отъ человѣка постоянной дѣятельности, оно предписываетъ ему усердное *воздѣлываніе земли* и старательный *уходъ за скотомъ*. Человѣкъ долженъ уничтожать творенія Аримана, убивать хищныхъ звѣрей, ящерицъ, жабъ, лягушекъ, змѣй, муравьевъ и червяковъ. Жрецы — *Маги* — были всегда вооружены палкою, чтобы убивать этихъ животныхъ; въ большой религіозный праздникъ въ Персіи всякій старался убивать ихъ, какъ можно больше, и при-

носилъ убитыхъ животныхъ магамъ въ доказательство своей набожности. Въ наказаніе за проступки, маги иногда приказывали убивать извѣстное число вредныхъ животныхъ.

Такъ долженъ человѣкъ воевать за Ормузда съ силами природы, — но, сверхъ того, онъ долженъ бороться и съ самимъ собою, съ своими дурными наклонностями.

Чтобы сохранить чистоту помысловъ, Мидяне и Персы должны были сопровождать всякое дѣйствіе молитвою. Они молились, когда чихали, когда обрѣзывали ногти или волосы, при приготовленіи пищи, — днемъ и ночью. Молитвы, сочиненныя магами, состояли изъ восхваленія Ормузда и исчисленія его качествъ. По предписанію маговъ нѣкоторыя молитвы повторялись при извѣстныхъ случаяхъ до 20, другія даже до 1200 разъ сряду. При извѣстныхъ молитвахъ предписано было обращаться въ извѣстную сторону свѣта, и стоять, сидѣть или преклонять колѣни. Нѣкоторымъ молитвамъ приписывали сверхъестественное — *магическое* — исцѣленіе недуговъ. Такъ сохранилась молитва, которую привязывали дѣтямъ къ лѣвой рукѣ, если они хворали отъ испуга или страдали глазами.

Такъ какъ Аріи идоловъ не сооружали, то поклонялись Ормузду подъ видомъ *солнца* на небѣ, и подъ видомъ *чистаго огня* на землѣ.

Солнце считали «глазомъ Ормузда», къ нему трижды ежедневно обращались съ молитвою. Оно все очищаетъ. Такое же дѣйствіе приписывали и лунѣ, и звѣздамъ; осквернившійся прикосновеніемъ къ чему либо нечистому долженъ былъ 9 ночей пролежать подъ свѣтомъ звѣздъ.

Огонь въ Зендъ-Авестѣ называется сыномъ Ормузда. «Чтобы молитва твоя была услышана», говоритъ Ормуздъ, «ты долженъ молиться огню, мощному владыкѣ». Этотъ чистый огонь Зороастръ получилъ прямо съ неба: онъ горѣлъ ничѣмъ не питаемый, и рука пророка, на которой огонь горѣлъ, осталась невредимою. Огонь истребляетъ все нечистое, его должны были поддерживать день и ночь и сохранять въ чистотѣ. Маги

при священнодѣйствіяхъ завѣшивали лицо ниже глазъ платкомъ, чтобы своимъ дыханіемъ не осквернять его. Въ подобной же чистотѣ держали и воду, и землю. Персы не позволяли, чтобы кто либо умывалъ въ рѣкѣ лице или руки, или плевалъ въ нее, или бросалъ нечистое. Вода, необходимая для омовеній, приготовлялась особенно. Землю осквернялъ тотъ, кто опустошалъ плодоносный участокъ, кто ступалъ на нее босыми ногами, или погребалъ въ ней мертвое тѣло, или не разрушалъ норъ, въ которыхъ жили твари Аримана. Мертвыхъ такимъ образомъ не могли ни сожигать въ огнѣ, ни зарывать въ землю, ни бросать въ воду — а выставляли ихъ на высокихъ мѣстахъ на съѣденіе птицамъ небеснымъ.

Поклоненіе Ормузду сопровождалось и жертвоприношеніями, но воскуривать и сожигать что либо нельзя было, чтобы не осквернить огня. По этому, при закланіи животнаго, Ормузду приносилась въ жертву одна душа, и магъ держалъ на животномъ руку до тѣхъ поръ, покуда не истекала вся кровь и не пропадала теплота; затѣмъ оно принадлежало магамъ. Еще въ жертву приносились цвѣты, плоды, молоко, масло и маленькіе хлѣба; все это дѣлалось собственностью маговъ. Всѣ жертвы приносились на высотахъ и вершинахъ горъ. При приношеніи жертвъ читали *законъ*, т. е. мѣста изъ Зендъ-Авесты.

Но самая важная жертва и чаще всего приносимая, которую каждый совершалъ у себя дома,—это было возліяніе *гома*. Напитокъ *гома* приготовляли съ торжественными обрядами изъ молочнаго растительнаго сока (asclepias). Къ нему примѣшивали молоко, пшеничную и другую муку, и затѣмъ приводили въ броженіе. Этотъ напитокъ возливали богамъ на домашній очагъ, и жертвующіе пили его изъ кубковъ. Онъ имѣлъ опьяняющее свойство и приводилъ Персовъ въ такое состояніе, что имъ являлись разныя видѣнія. Все, что чудилось имъ въ этомъ восторженномъ состояніи, они считали предвкушеніемъ блаженства будущей жизни.

Первоначально Аріи находились подъ властью Ассиріянъ; впослѣдствіи же Мидяне не только освободились, но завоевали потомъ и часть Ассирійскаго государства. Въ свою очередь и Персы сначала были подвластны Мидянамъ, а затѣмъ покорили не только Мидянъ, но и всю югозападную Азію и Египетъ (около 525 г. до Р. Х.).

ИСТИННАЯ ВѢРА У ЕВРЕЕВЪ; ИХЪ БЫТЪ.— СОЛОМОНЪ.— РАЗДѢЛЕНІЕ ЦАРСТВА ПО ЕГО СМЕРТИ И ПЛѢНЕНІЕ АССИРІЙСКОЕ И ВАВИЛОНСКОЕ.

Страну по восточному берегу Средиземнаго моря на югъ отъ Финикіи почти до Египта — *Ханаанъ* или *Палестину*, населяли потомки Авраама — народъ *Еврейскій*. По повелѣнію *Іеговы* Авраамъ съ домочадцами и стадами переселился изъ Месопотаміи въ эту «землю обѣтованную»; здѣсь туземцы прозвали его родъ *Евреями*, т. е. пришельцами (и потому, что Авраамъ происходитъ отъ Евера): сами же Евреи отъ «богоборца» Іакова назвались впослѣдствіи *Израилемъ*.

Послѣ выхода изъ Египта Евреи получили во время своего сорокалѣтняго странствованія по пустынѣ законы отъ Бога черезъ *Моисея* у горы Синая; затѣмъ окончательно утвердились въ Палестинѣ, раздѣливъ всѣ земли между 12 колѣнами (1450 г.). Поселившись здѣсь, Евреи оставили пастушескую жизнь своихъ предковъ и занялись землепашествомъ, воздѣлываніемъ винограда и маслины, научились торговать и жить въ городахъ. Никогда этотъ народъ не достигалъ такого могущества, какъ Ассиріяне, Вавилоняне или Египтяне, но тѣмъ не менѣе его слѣдуетъ считать однимъ изъ важнѣйшихъ народовъ древности — за то, что только Евреи поклонялись единому истинному Богу, вѣровали въ пришествіе Искупителя и сохранили эту вѣру, не смотря на окружавшіе ихъ соблазны язычества.

Вся жизнь, весь бытъ Евреевъ были опредѣлены законами Моисея. Царемъ ихъ былъ самъ *Іегова*, Евреи избранный его народъ, богохульство и отступничество по этому наказывались смертію. Для поклоненія Іеговѣ и совершенія религіозныхъ обрядовъ была устроена *Скинія* или переносный священный шатеръ. Цѣлое колѣно *Левіино* (Левиты) было посвящено на служеніе Богу, они наставляли народъ въ вѣрѣ и законѣ Моисеевомъ; они же были врачами. По этому левиты жили въ 48 городахъ разсѣянно между всѣми 12 колѣнами; особыхъ земель они не получали, но за то имъ давалась десятая часть всѣхъ произведеній земли — *десятина*. Іегова возвѣщалъ народу свою волю черезъ *первосвященника* (—*теократія*—), стоявшаго въ главѣ всѣхъ священнослужителей: санъ этотъ былъ наслѣдственный въ потомствѣ брата Моисеева — *Аарона*. Онъ получалъ первые плоды садовъ и первенцовъ отъ домашняго скота, также извѣстныя части отъ жертвъ.

Богослуженіе совершалось первоначально въ *Скиніи*, которая завѣсою раздѣлялась на Святыя и Святыя Святыхъ; вокругъ нее была ограда. Простые левиты и народъ могли входить и приносить жертвы только за оградою, священники — они должны были быть безъ всякихъ тѣлесныхъ недостатковъ — входили въ Святыя, а Святыя Святыхъ было доступно одному первосвященнику. Въ Святыя, освѣщенномъ семисвѣтильникомъ, стоялъ священный столъ, обитый листовымъ золотомъ, на немъ каждую субботу приносились 12 новыхъ хлѣбовъ; здѣсь же былъ золотой жертвенникъ, на которомъ сжигались воскуренія. Въ Святыя Святыхъ въ полумракѣ хранился *Кивотъ Завѣта*. Тоже размѣщеніе имѣлъ и описанный выше Соломоновъ храмъ.

Богослуженіе состояло въ *молитвахъ* и *возваніяхъ* къ Іеговѣ, въ торжественныхъ *обѣтахъ* и *жертвоприношеніяхъ*. Въ жертву приносились мука, хлѣбъ, вино, масло и чистыя домашнія животныя — рогатый скотъ, овцы, козы и голуби. Жертвы должны были быть безъ всякихъ недостатковъ, скотъ, не слу-

жившій еще въ хозяйствѣ; лучшею жертвою считались первенцы. Иногда вся жертва сожигалась; притомъ дѣлались возліянія на землю и воскуривалось. Обѣты состояли или въ *дарахъ* и *приношеніяхъ*, или въ воздержаніи и *посту*. Къ религіознымъ обрядамъ принадлежали и *обрѣзаніе*, и *очищенія*. Жертвы приносились утромъ и вечеромъ, въ субботніе дни, въ новолуніе и въ праздники (Пасха, Пятидесятница, Праздникъ кущей). *Субботніе дни* исключительно были посвящены отдыху и поклоненію Іеговѣ. Точно также каждый седьмой годъ назывался у Евреевъ *субботнимъ*, а черезъ семью семь лѣтъ — пятидесятый *юбилейнымъ:* въ эти года запрещалось воздѣлывать землю, а все, что она производила, считалось общимъ достояніемъ.

Такъ какъ передъ Богомъ всѣ Евреи были равны, то ни одинъ изъ нихъ *не могъ быть рабомъ* другаго; если нищета принуждала какого нибудь Еврея закабалить себя, то въ субботній годъ, а въ юбилейный ужъ непремѣнно, онъ получалъ снова свободу. Рабами были только иноплеменники. Весь Ханаанъ считался достояніемъ Іеговы; по этому земля, полученная каждымъ еврейскимъ семействомъ при первоначальномъ раздѣлѣ, должна была навсегда остаться собственностію этого семейства и его потомковъ: — Еврей не могъ продать свою землю, а могъ только уступить ее на время другому, и въ юбилейный годъ она къ нему возвращалась. *Одного общаго правительства не было* у Евреевъ, каждое *колѣно* занимало особую область, раздѣляясь на *роды* и *семьи*. Семьями управляли *отцы;* многоженство было дозволено, жены покупались, непослушныхъ дѣтей предписывается уводить за городъ и убивать камнями. Родами и колѣнами начальствовали на войнѣ *старѣйшины*, они же въ мирное время творили судъ надъ родичами по закону Моисееву. Дѣла, касавшіяся всѣхъ колѣнъ, обсуживалъ совѣтъ изъ 70 старѣйшинъ. Однако колѣна часто враждовали между собою.

Недостатокъ единодушія подвергалъ Евреевъ большимъ опасностямъ, потому что кругомъ ихъ жили сильные языческіе

народы (*Филистимляне* и др.), которые нападали на нихъ; также нерѣдко ихъ идолослуженіе соблазняло Евреевъ и они забывали своего Бога. Но въ такихъ несчастіяхъ являлись доблестные мужи, избавлявшіе Божій народъ отъ враговъ и возстановлявшіе истинную вѣру. То были самые даровитые изъ старѣйшинъ и первосвященниковъ, въ Библіи они называются *судьями* (шофетимъ). Подвиги знаменитѣйшихъ изъ нихъ — *Гедеона*, *Іефѳая* и *Самсона* — подробно описываются въ священной исторіи. Со временемъ однако народъ сталъ желать постояннаго правленія, и отъ послѣдняго судьи *Самуила* Евреи потребовали, чтобы онъ избралъ имъ царя. Напрасно онъ уговаривалъ ихъ отступиться отъ своихъ требованій, Евреи не слушались его словъ, и онъ вынужденъ былъ помазать на царство *Саула* (1100 г.).

Когда же Саулъ началъ пренебрегать священными уставами Моисея, и пересталъ слушаться Самуила, который возвѣщалъ ему волю Божію, то послѣдній по повѣленію Іеговы тайно помазалъ на царство *Давида*. Саулъ, впавшій въ мрачную задумчивость, послѣ одной несчастной битвы съ Филистимлянами пронзилъ себя собственнымъ мечемъ. Черезъ шесть лѣтъ всѣ колѣна признали Давида царемъ. Сорокалѣтнее его правленіе (1055 — 1015 г.) время наибольшаго могущества еврейскаго народа.

У сосѣдей Давидъ завоевалъ *Іерусалимъ*, перенесъ туда Скинію, и съ этихъ поръ *Іерусалимъ сдѣлался столицею еврейскаго царства*. Счастливыми войнами онъ *подвинулъ границы* своего царства на востокъ *до рѣки Евфрата*, а на югъ *до Аравійскаго залива*. Внутри государства онъ улучшилъ судъ, завелъ постоянное войско, заботился о торжественности богослуженія, самъ написалъ Боговдохновенные *псалмы*. Давидъ надолго остался памятнымъ народу, позднѣйшія поколѣнія Евреевъ считали его первообразомъ царя.

Въ правленіе его сына *Соломона* (1015 — 975 г.) господствовалъ постоянный миръ. Сосѣди искали дружбы могущественнаго и прославившагося мудростію еврейскаго царя. Еги-

петскій фараонъ выдалъ за него свою дочь. Царь Тирскій (Хирамъ) прислалъ ему цѣнный лѣсъ, камни и искусныхъ строителей для сооруженія знаменитаго іерусалимскаго храма. Соломонъ выстроилъ также для себя дворецъ. Его корабли разъѣзжали вмѣстѣ съ финикійскими по Средиземному морю и Аравійскому заливу и доходили до *Офира* (Индіи). Но содержаніе роскошнаго двора и многочисленнаго войска повлекли за собою огромныя издержки; народъ былъ обремененъ тяжкими налогами. У Соломона подъ конецъ его царствованія было много женъ язычницъ, по примѣру другихъ восточныхъ царей; царскія жены строили капища для своихъ боговъ, и нерѣдко самъ Соломонъ принималъ участіе въ поклоненіи ихъ идоламъ. Угнетеніе народа и отступленіе отъ истинной вѣры имѣли несчастныя послѣдствія для Еврейскаго царства; еще при жизни Соломона начались возстанія, а послѣ его смерти (975 г.) только два колѣна признали его сына (Ровоама), прочія же 10 составили особое царство—*Израильское*, съ столицею Самаріею.

Постоянныя распри Израильскихъ царей съ Іудейскими, частыя возстанія и войны съ могущественными сосѣдями причинили паденіе того и другаго царствъ.

Въ 722 г. Салманассаръ, царь Ассирійскій, взялъ Самарію послѣ трехлѣтней осады и отвелъ большую часть народа въ плѣнъ на берега Тигра.

Іудейское царство попеременно разоряли Ассиріяне, Египтяне и Вавилоняне и дѣлали Іудейскихъ царей своими данниками. Наконецъ Навуходоносоръ, изгнавъ Нехао изъ Азіи, овладѣлъ всей Сиріею, два раза взялъ Іерусалимъ, приказалъ послѣ вторичнаго взятія разрушить стѣны города, сжечь Соломоновъ храмъ и предать все опустошенію. Большую часть народа отослалъ онъ въ плѣнъ въ Вавилонъ (588 г.).

Участь Евреевъ облегчилась, когда Киръ основалъ въ Азіи новое государство. Персы находили въ Іеговѣ подобіе своему Ормузду, также и въ томъ, что Евреи не сооружали ни идоловъ, ни капищъ. Киръ позволилъ, послѣ *70 лѣтняго плѣне-*

нія, Евреямъ возвратиться и приказалъ имъ выдать храмовую утварь; но Кивотъ Завѣта былъ навсегда потерянъ. Плѣненіе имѣло ту пользу для Евреевъ, что заставило ихъ уповать на одного Іегову и воскресило въ нихъ истинную вѣру во всей чистотѣ; съ благоговѣніемъ слушали они наставленія вдохновенныхъ *пророковъ*.

Пророки — укорявшіе народъ за отступничество, требовавшіе строгаго исполненія закона Моисеева, утѣшавшіе во время несчастій предсказаніемъ пришествія *Мессіи*—являются между Евреями еще во время судей. Они были изъ всѣхъ колѣнъ, всякаго состоянія и дѣйствовали въ силу своего посланничества, какъ пророки Божіи, независимо отъ священниковъ и левитовъ. По закону Моисееву они считались неприкосновенными. Самуилъ первый завелъ *школы пророческія*, въ которыхъ молодые Евреи занимались изученіемъ священнаго писанія, восхваленіемъ Іеговы въ вдохновенныхъ псалмопѣніяхъ, сопровождавшихся игрою на кифарѣ и кимвалахъ. Такія школы существовали до самаго паденія Іерусалима. Во время раздѣленія царствъ пророки постоянно боролись съ отступничествомъ царей и народа, часто подвергались гоненіямъ и вся сила слова *Исаіи* и *Іереміи* не могла отвратить гибели Евреевъ. Пророку *Даніилу* не мало обязаны Евреи своимъ возвращеніемъ изъ плѣна. Онъ вслѣдствіе замѣчательныхъ своихъ способностей былъ взятъ Навуходоносоромъ ко двору, ознакомился со всею ученостію халдеевъ, но остался непреклоннымъ въ своей вѣрѣ. Въ глубокой старости онъ пользовался еще почестями у Кира, и вѣроятно ходатайствовалъ въ пользу своего народа у персидскаго царя.

Вся жизнь Евреевъ была тѣсно связана съ ихъ религіею, это должно было отразиться и на ихъ образованности. Изображать Іегову, строить капища было запрещено, поэтому у Евреевъ не могли развиться искусства. Соломоновъ храмъ построили Финикіяне. Но за то рано возникла поэзія, прославлявшая истиннаго Бога. Псалмы Давида, притчи Соломона, предреканія пророковъ останутся навсегда образцами вдохновенныхъ пѣснопѣній.

ГРЕЧЕСКІЕ МИѲЫ.

МІРОЗДАНІЕ ПО ПОНЯТІЯМЪ ГРЕКОВЪ. ГРЕЧЕСКІЯ БОЖЕСТВА. ОЛИМПІЙСКІЕ БОГИ. АДЕСЪ И ПЛУТОНЪ.

Греція занимала южную часть нынѣшняго Балканскаго полуострова. При плодородіи почвы, при теплотѣ и благорастворенности климата — Греки далеко опередили прочіе народы древности по образованію. Произведенія ума и вкуса Грековъ, творенія писателей, стихотворцевъ и художниковъ греческихъ до сихъ поръ остаются образцами для подражанія. Изяществомъ и богатствомъ сказаній отличаются у Грековъ и религіозныя ихъ преданія — *миѳы* (миѳологія).

По греческимъ миѳамъ изъ первоначальной пропасти, наполненной мракомъ — *хаоса* — любовь (Эросъ) создала весь міръ, и боговъ, и людей. Міромъ и людьми управляютъ безсмертные боги. Высшіе изъ нихъ воцарились на многовершинной горѣ *Олимпѣ*, почему и называются *олимпійскими;* ихъ 12.

Царемъ боговъ и людей былъ *Зевсъ* (Римляне, имѣвшіе одинаковыя съ Греками миѳическія представленія, называли его

Юпітеромъ). Онъ сынъ *Кроноса* (*Сатурна*) бога времени и земли (*Гэа*). Зевсъ посылаетъ людямъ счастье и несчастье, радость и печаль; отъ него исходятъ громъ и молнія. Обыкновенно его изображали сидящимъ на креслѣ, съ молніями въ правой рукѣ, возлѣ него лежитъ громовая палица; у ногъ Зевса сидитъ посвященная ему птица—*орелъ*. Изъ деревьевъ ему посвящался *дубъ*, и въ храмѣ Зевса въ *Додонѣ* (въ Эпирѣ) давались предсказанія по шелесту листьевъ дуба.

Супруга Зевса была *Гера* (*Юнона*), покровительница домашняго очага и семейства. Ее изображали величественно стоящею, высокаго роста, съ вѣнцомъ (*діадемою*) на головѣ, въ длинномъ роскошномъ платьѣ. У ногъ Геры посвященная ей птица — *павлинъ*.

Повелитель морей и водъ былъ братъ Зевса — *Посейдонъ* (*Нептунъ*), онъ ѣздилъ по волнамъ морскимъ въ колесницѣ, имѣющей видъ огромной раковины и запряженной лошадьми съ рыбьими хвостами. Его изображали съ трезубцемъ въ рукѣ. Отъ соприкосновенія трезубца тряслась земля и волновалось море. Ему посвящалась *сосна*, изъ которой строили суда.

Прочіе олимпійскіе боги были дѣти Зевса.

Его любимая дочь была *Паллада Аѳина* (*Минерва*), которая вышла изъ головы Зевса въ полномъ вооруженіи. По этому ее изображали въ латахъ, вооруженною шлемомъ, копьемъ и щитомъ (*Эгидою*), въ средину котораго вставлена голова *Медузы*, превращающая все живое въ камень. Аѳина, богиня мудрости и войны, она покровительствовала искусствамъ и полезнымъ занятіямъ; ею изобрѣтенъ плугъ. Она защитница городовъ, и въ большей части греческихъ городовъ выставлено было изображеніе ея (*Палладіонъ*). Ей были посвящены *сова* и *маслина*.

Любимый сынъ Зевса былъ *Аполлонъ*, который носилъ колчанъ и лукъ. Онъ покровитель пастуховъ и поэтовъ, и самъ играетъ на лирѣ. Его окружаютъ *9 музъ*, воодушевляющія людей къ занятію науками и искусствами; поэтому и самъ Аполлонъ иногда изображается въ длинной женской одеждѣ.

Сестра Аполлона была *Артемида* (*Діана*), вооруженная также лукомъ и стрѣлами. Она покровительница охоты и пребываетъ въ тѣнистыхъ рощахъ; она же оберегаетъ стада и поля земледѣльцевъ. Ей посвящена была *лань*.

Аресъ (*Марсъ*), также сынъ Зевса, богъ войны и сраженій; ему обыкновенно сопутствуетъ богиня *Эрисъ* (раздоръ). Аресъ и Аѳина принимали участіе въ битвахъ. Аресъ отличался громозвучнымъ голосомъ и блестящимъ вооруженіемъ.

Гефестъ (*Вулканъ*) за безобразіе былъ сброшенъ отцомъ Зевсомъ съ неба, почему и хромаетъ. Гефестъ искусный кузнецъ, онъ построилъ жилища боговъ на Олимпѣ, сковалъ громовую палицу Зевса, блестящую колесницу бога солнца *Геліоса* и шапку—невидимку для Плутона. Глубоко подъ землею, въ самыхъ нѣдрахъ ея, была его кузница; въ ней день и ночь работаютъ одногласые *Циклопы* такъ усердно, что пламя и дымъ прорываются черезъ вершины горъ. Гефестъ изображается въ полукруглой шапкѣ, съ кожанымъ фартукомъ, съ молоткомъ и щипцами въ рукахъ.

Супруга его была богиня красоты *Афродита* (*Венера*), которая произошла изъ морской пѣны. Сыномъ и спутникомъ Афродиты былъ маленькій богъ *Амуръ* (*Купидонъ*), поражающій сердца своими стрѣлами. Богинѣ красоты посвящался изъ птицъ *голубь*, изъ рыбъ *дельфинъ*.

Гермесъ (*Меркурій*) былъ богъ хитрости и изобрѣтательности. Онъ выучилъ людей говорить, писать и считать, также наставилъ ихъ промѣнивать товары—торговать. Гермесъ покровительствовалъ торговлѣ и охранялъ дороги. Четырехгранные камни съ его головою (*гермы*) стояли на всѣхъ рынкахъ, на перекресткахъ и во всѣхъ гаваняхъ Греціи. Онъ служилъ вѣстникомъ и посланникомъ боговъ. По этому его изображали съ крыльями у пятокъ, въ рукѣ онъ имѣлъ трость, обвитую двумя змѣями (*кадуцей*), а на головѣ крылатую шапку-невидимку, въ которой онъ отводилъ души умершихъ въ подземное царство (*Адесъ*). Какъ покровитель разъѣзжающихъ

торговцевъ, Гермесъ изображается въ широкомъ плащѣ, въ дорожной шляпѣ съ широкими полями и съ кошелькомъ въ рукѣ.

Гестія (*Веста*) богиня гостепріимства, покровительница странниковъ и домашняго счастья. Въ каждомъ домѣ стоялъ ея жертвенникъ, на которомъ безпрестанно поддерживался огонь.

Сестра Зевса *Деметра* (*Церера*) богиня плодородной земли и покровительница земледѣлія. Ее изображали въ широкомъ платьѣ, съ вѣнкомъ изъ колосьевъ и съ серпомъ въ рукахъ. Дочь ея *Прозерпина* была похищена *Плутономъ*, владыкою подземнаго царства *Адеса*. Деметра долго странствовала, чтобы отыскать ее; а въ это время земля оставалась безплодною. Наконецъ она получила отъ Зевса обѣщаніе, что Гермесъ возвратитъ ей Прозерпину, если она еще ничего не вкусила въ подземномъ царствѣ; оказалось, что Прозерпина вкусила гранатное яблоко, и Деметра должна была согласиться, чтобы дочь ея сдѣлалась супругою Плутона и проводила одну треть года въ Адесѣ, а другія двѣ съ нею на землѣ.

Олимпійскіе боги окружены множествомъ низшихъ, руководящихъ людей и покровительствующихъ имъ. Замѣчательнѣе другихъ: *3 граціи*, покровительницы молодости; *3 парки*, опредѣлявшія судьбу человѣка. *Фуріи* преслѣдовали преступниковъ, не давая имъ ни покоя, ни отдыха. Каждый ручеекъ имѣлъ свою *нимфу*, лѣса и рощи наполнены *панами* (*фауны*), на козлиныхъ ножкахъ съ маленькими рогами, игравшими на дудкахъ. Неистовая толпа такихъ *фауновъ* (—*сатировъ*) сопутствуетъ *Вакху* (*Діонису*), богу винограда и безумства, происходящаго отъ излишняго употребленія вина. Вакхъ изображается чрезвычайно полнымъ, чреватымъ; онъ увитъ плющемъ и виноградною лозою, и иногда ѣздитъ верхомъ на львѣ.

Такимъ образомъ Грека повсюду окружали божества, воздававшія справедливую мзду за добро и зло. Страшныя муки ожидаютъ противившихся волѣ боговъ въ *Адесѣ*.

Вдали отъ *Олимпа*, глубоко подъ землею, находилось преисподнее царство —*Адесъ* (невидимое), гдѣ правили *Плутонъ*

съ *Прозерпиною*. Здѣсь господствовала постоянная ночь; обитель смерти страшна и безрадостна. Туда отводилъ души Гермесъ; выкупавшись въ рѣкѣ *Летъ* (забвеніе), они теряютъ всякое воспоминаніе. Адесъ окружала рѣка *Ахеронъ*, черезъ которую переправлялъ души погребенныхъ молчаливый перевощикъ *Харонъ;* для него покойникамъ клали въ гробы мелкую монету. Души оставшихся безъ погребенія осуждены были бродить по берегу Ахерона. Входъ въ Адесъ стерегла трехголовая собака *Церберъ*, съ змѣями въ гривѣ. Судьи подземнаго царства приговаривали души, смотря по земной жизни покойниковъ, или къ блаженству въ радостномъ *Элизіи*, или къ мученіямъ въ мрачномъ *Тартарѣ*.

БОГОСЛУЖЕНІЕ ГРЕКОВЪ. ОРАКУЛЪ ВЪ ДЕЛЬФАХЪ. ИГРЫ ВЪ ОЛИМПІИ.

Богослуженіе Грековъ отличалось изяществомъ и оживленностію. Греческіе храмы съ ихъ украшеніями до сихъ поръ служатъ образцами архитектуры, статуи боговъ были замѣчательныя произведенія искусствъ. При всѣхъ важныхъ случаяхъ жизни совершались жертвоприношенія, сопровождавшіяся всегда музыкою, плясками и пиршествами; ихъ приносилъ всякій; жрецы не составляли особаго сословія и находились только при храмахъ.

Неизвѣстность будущаго мучила Грековъ; они старались заранѣе узнать рѣшенія боговъ, и чрезвычайно вѣрили *предвѣщаніямъ*. Предсказанія — *оракулы* — давались при святилищахъ боговъ и считались несомнѣнными. Наиболѣе во все время независимости Грековъ славился въ этомъ отношеніи храмъ Аполлона въ *Дельфахъ*. Предвѣстникомъ правды и закона Зевсъ назначилъ Аполлона, и изрѣченія его жрицы при храмѣ въ *Дельфахъ* признавались оракулами, даже внѣ Греціи. У вершины *Парнасса*, въ узкомъ ущельи, по обоимъ

скатамъ горы лежалъ городъ *Дельфы*; улицы города были одна выше другой; его окружали рощи оливковыхъ и миндальныхъ деревьевъ. Святилище, обнесенное оградою, занимало небольшое треугольное пространство; въ немъ стояло много сокровищницъ, изваяній и обѣтныхъ даровъ. Обѣтные дары, вообще посылавшіеся въ разные храмы, были иногда очень драгоцѣнны и замѣчательны. Такъ Мессенцы (въ Сициліи), ежегодно посылавшіе хоръ мальчиковъ на праздникъ въ Регій, когда разъ всѣ они погибли, отправили чугунныя статуи 35 мальчиковъ съ хороводомъ и флейтчикомъ въ Олимпію, гдѣ ихъ разставили на оградѣ храма. Корциряне за удачный ловъ рыбы послали чугунныхъ быковъ въ Дельфы и Олимпію.

Но главное мѣсто занималъ великолѣпный храмъ Аполлона, окруженный длиннымъ рядомъ колоннъ, увѣшанныхъ позолоченными щитами. Пространство стѣны между колоннами и крышею было расписано картинами изъ миѳологіи. Треугольникъ подъ крышею украшали выступающія (рельефныя) фигуры изъ золота. На внутренней сторонѣ колоннъ были написаны изрѣченія семи греческихъ мудрецовъ (1).

Средняя часть храма заключала въ себѣ открытое пространство, въ которомъ разводились священныя лавровыя деревья. Въ глубинѣ храма блистала золотая статуя Аполлона, позади ея нѣсколько ступеней вели къ золотому треног-

---

(1) Эти изрѣченія были:

1) *Всему знай мѣру*, говорилъ Клеовулъ изъ Линда.

2) *Обдумывай все заранѣе*, —Періандръ.

3) *Хорошенько расчитывай время*,—Питтакъ изъ Митилены.

4) *Когда многіе возмутся за дѣло, не быть добру*, — Віасъ изъ Пріэны.

5) *Поручись и навѣрно пострадаешь*,—Ѳалесъ изъ Милета.

6) *Познай самого себя*,—Хилонъ изъ Лаконіи.

7) *Не допускай никогда излишка*,—Солонъ изъ Аѳинъ.

нику, стоявшему надъ подземнымъ жерломъ, откуда выходили вдохновляющіе пары. На треножникъ сажали пожилую жрицу—*Пиѳію*, приготовлявшуюся къ вдохновенію съѣденіемъ священныхъ лавровыхъ листьевъ и выпивавшую воды изъ священнаго ручья (Касталѝсъ). Нѣсколько пиѳій вслѣдствіе предварительнаго трехдневнаго поста и отъ сильнаго дѣйствія паровъ умерли на мѣстѣ. Неохотно входили пиѳіи на треножникъ.

Пары, выходившіе изъ жерла, приводили жрицу въ судорожное состояніе, и съ пѣною у рта она произносила несвязныя слова. Изъ нихъ уже жрецы—предвѣстникъ (*Профетъ*) и пять *священныхъ*, — окружавшіе Пиѳію, составляли *оракулъ* обыкновенно въ стихахъ. Оракулы были двусмысленны и допускали всегда выгодное толкованіе.

Всѣ греческіе *храмы* имѣли въ главныхъ основаніяхъ одну общую форму. Храмъ собственно возникъ изъ навѣса надъ статуею бога, для предохраненія ея отъ непогоды; крыша, открытая въ средней своей части, поддерживалась подпорами—отсюда *колонны*; разнообразное же размѣщеніе колоннъ внутри и вокругъ навѣса, также и различная отдѣлка колоннъ (дорическая, іоническая, коринѳская колонна)—породили разнообразныя формы храмовъ. Каждый храмъ раздѣлялся на три части; собственное святилище съ статуею бога отдѣлялось стѣнами отъ передняго и задняго покоевъ. Въ переднемъ покоѣ,—примыкавшемъ къ стѣнѣ святилища и окруженномъ съ прочихъ трехъ сторонъ колоннами, которыя соединялись большею частію сквозною рѣшеткою,—стояла освященная вода для окропленія. Задній покой имѣлъ такое же построеніе; тутъ хранились сокровища, ввѣрявшіяся по греческому обыкновенію попеченію бога. Кругомъ всего зданія шли колонны въ одинъ или въ два ряда. Крыша выступала надъ собственнымъ храмомъ во всѣ стороны до самыхъ крайнихъ колоннъ.

Такъ какъ Греки не менѣе заботились о тѣлесной силѣ и ловкости, чѣмъ о развитіи умственныхъ способностей, то дѣ-

тей столь же заботливо обучали тѣлесѣнымъ упражненіямъ (*гимнастикѣ*), какъ и наукамъ (*музыкѣ*). Вслѣдствіе того почти каждый греческій городъ имѣлъ общественное мѣсто съ аллеями и галлереями для упражненія гимнастикою — *гимпазіи*. Нѣкогорые города не принимали въ число гражданъ тѣхъ, которые были незнакомы съ извѣстнымъ рядомъ гимнастическихъ упражненій. Гимнастика побуждала къ измѣренію силъ, къ соревнованію, и при всѣхъ торжественныхъ сборищахъ народа происходили *состязанія* взрослыхъ. Исключительно же съ этою цѣлью собирались на такъ наз. *игры*, вошедшія даже въ составъ богослуженія и совершавшіяся въ честь боговъ и героевъ.

Наиболѣе славились игры, происходившія каждые четыре года въ *Олимпіи*, на которыя собирались Греки не только изъ всѣхъ частей Греціи, но и изъ другихъ странъ. *Олимпія* и вся *Элида* были посвящены Зевсу и объявлены неприкосновенными; никто не смѣлъ вторгаться съ оружіемъ въ эту область. При входѣ въ Олимпійское святилище, направо стояло дикое оливковое дерево, изъ вѣтвей котораго приготовлялись вѣнки для побѣдителей; налѣво изящно украшенный храмъ Зевса, съ статуею самого бога въ срединѣ. Эта колосальная мраморная статуя была выложена золотомъ и слоновою костью. Зевсъ сидѣлъ на великолѣпномъ тронѣ изъ золота, слоновой кости и чернаго дерева, съ подножіемъ, богато изукрашеннымъ живописью и изваяніями. Въ лѣвой рукѣ онъ держалъ скиптръ съ орломъ, а на распростертой правой рукѣ стояла крылатая богиня побѣды (*викторія*). Золотая царская мантія была накинута на плеча (эта статуя имѣла 60 футовъ вышины и была произведеніемъ знаменитаго художника *Фидіаса*).

Къ святилищу примыкало мѣсто для пѣшихъ (*стадіонъ*) и другое для конныхъ игръ (*ипподромъ*). Ихъ окружали сѣдалища для зрителей. Съ восходомъ солнечнымъ начинались игры и продолжались пять дней. Ночь передъ этимъ проводилась въ жертвоприношеніяхъ и пѣснопѣніяхъ въ честь бо-

гамъ. Умащенные масломъ бойцы (*Атлеты*) выступали на ристалище—стадіонъ—доказавъ, что предварительно они 10 мѣсяцевъ занимались гимнастикою, они приносили клятву, что будутъ состязаться безъ всякаго лукавства. Каждый изъ зрителей могъ удалить бойца, казавшагося недостойнымъ. Бѣгали въ запуски, боролись, вступали въ кулачный бой, метали металлическій кружокъ—*дискъ*. Затѣмъ въ гипподромѣ колесницы, запряженныя парою или четвернею, должны были совершать 12 круговъ, избирая наименьшее разстояніе и избѣгая столкновеній, но это не всегда было возможно—на одномъ бѣгу разбито было 40 колесницъ. Наградою побѣдителей служилъ оливковый вѣнокъ, статуи ихъ ставились въ олимпійскомъ святилищѣ, въ торжественномъ шествіи вводили ихъ въ родной городъ, и при всѣхъ торжествахъ уступали имъ первое мѣсто.

Кромѣ гимнастическихъ игръ, въ Олимпіи совершались и умственныя (*музическія*) состязанія. Такъ отецъ исторіи *Геродотъ* на играхъ читалъ первую свою книгу и побудилъ историка *Ѳукидида* къ соревнованію. Олимпійскія игры составляли такую важную эпоху въ жизни Грековъ, что по нимъ Греки вели свое лѣтосчисленіе (Четырехлѣтіе между играми называлось *Олимпіадою*, считали ихъ съ 776 г.).

СКАЗАНІЯ О ГЕРОЯХЪ ГЕРКУЛЕСѢ И ТЕЗЕѢ.

Богатыри первобытныхъ временъ, родоначальники племенъ, основатели городовъ пользовались у Грековъ божескими почестями, подъ названіемъ *героевъ*, ихъ производили непосредственно отъ боговъ, и въ честь ихъ учреждали праздники и жертвоприношенія. Наиболѣе распространены были миѳы о сильнѣйшемъ героѣ *Геркулесѣ* и о царевичѣ *Тезеѣ*.

Геркулесъ былъ сынъ Зевса и царицы Алкмены; уже при

рожденіи его преслѣдовала Гера. Зевсъ поклялся, что мальчикъ, который въ этотъ день первый родится, получитъ власть надъ сосѣдями; но по волѣ Геры первый родился въ этотъ день *Эврисѳей*, которому по этому и долженъ былъ служить Геркулесъ. Къ колыбели младенца Гера послала двухъ змѣй, но Геркулесъ, смѣясь, сдавилъ ихъ своими руками. Его отдали на воспитаніе лучшимъ наставникамъ, но Геркулесъ былъ до того вспыльчивъ, что своего учителя *Лина* убилъ лирою. За это его послали пасти царскія стада.

Прогоняя свое стадо, Геркулесъ разъ остановился на перекресткѣ, гдѣ къ нему подошли — прелестная *богиня радости*, обѣщавшая ему беззаботную и сладостную жизнь, если онъ за нею послѣдуетъ, и суровая *богиня добродѣтели*, предлагавшая ему славу и почести у людей и боговъ по смерти, если онъ рѣшится вынести многотрудную жизнь. Геркулесъ тотчасъ подалъ руку послѣдней. Когда онъ возмужалъ, Эврисѳей потребовалъ его къ себѣ, и назначилъ ему 12 работъ, по совершеніи которыхъ Геркулесъ освобождался отъ зависимости. Подвиги, совершенные имъ по приказанію Эврисѳея, были слѣдующіе:

Въ *Немейскомъ* лѣсу (въ Пелопонесѣ) свирѣпствовалъ *левъ*, опустошавшій окрестность; онъ былъ неуязвимъ, стрѣлы скользили по его косматой шкурѣ. Геркулесъ изъ тополя сдѣлалъ себѣ палицу, ударомъ которой онъ сломалъ ему шею. Съ тѣхъ поръ онъ носилъ постоянно шкуру льва, вмѣсто плаща, и палица сдѣлалась любимымъ его оружіемъ.

Въ *Лернейскомъ* болотѣ (въ Арголидѣ) былъ многоголовый змѣй (*гидра*), пожиравшій людей и животныхъ. Геркулесъ выгналъ гидру изъ болота и сталъ отсѣкать ей головы, но на мѣстѣ одной старой выростало двѣ новыхъ. Тогда Геркулесъ, зажегши ближній лѣсъ, головнями сталъ прижигать раны; новыхъ головъ уже не выростало, а на среднюю, безсмертную голову гидры онъ навалилъ огромный камень. Въ ядовитую желчь гидры Геркулесъ обмакнулъ свои стрѣлы и тѣмъ сдѣлалъ ихъ смертоносными.

Лань Артемиды, имѣвшую чугунныя ноги и золотые рога и бѣжавшую быстрѣе стрѣлы, Геркулесъ преслѣдовалъ цѣлый годъ и словилъ живьемъ.

У горы *Эриманта* (въ Θессаліи) свирѣпствовалъ кабанъ. Геркулесъ схватилъ его за уши и заднія ноги, и, перекинувъ черезъ плечо, принесъ живаго къ Еврисѳею, который въ испугѣ спрятался.

Въ стойлахъ царя *Авгіаса* (въ Элидѣ) нѣсколько лѣтъ стояло 3000 воловъ, ворота были завалены навозомъ; Геркулесъ выломалъ двѣ стѣны, провелъ чрезъ конюшню двѣ рѣки, и такимъ образомъ очистилъ ее. Палицею убилъ Геркулесъ *Стимфалійскихъ* птицъ (въ Аркадіи), имѣвшихъ чугунныя крылья, клювъ и когти, и стрѣлявшихъ своими перьями, какъ стрѣлами.

Не только въ Греціи богатырствовалъ Геркулесъ, онъ отправлялся и въ другія страны и части свѣта, даже въ Адесъ. Такъ доставилъ онъ *вола* съ острова Крита и *коней* людоѣдовъ отъ царя Діомеда (изъ Θракіи).—Затѣмъ Эврисѳей отправилъ его въ Азію, гдѣ существовалъ народъ, состоявшій изъ однѣхъ женщинъ *амазонокъ*, которыя были чрезвычайно воинственны. Геркулесъ многихъ амазонокъ убилъ, а у царицы ихъ (Ипполиты) отнялъ драгоцѣнный поясъ, который привезъ дочери Эврисѳея.—Трехглаваго и многорукаго великана *Геріона* убилъ Геркулесъ, и угналъ его стадо изъ Италіи въ Грецію.—На краю свѣта (въ Африкѣ), въ саду *Гесперидъ* зрѣли золотыя яблоки; за ними отправили Геркулеса. Прибывши къ тому мѣсту, гдѣ Европа соединялась въ то время съ Африкою, онъ оторвалъ одинъ материкъ отъ другаго, и на берегахъ поставилъ двѣ скалы (*столпы Геркулесовы*—Гибралтарскій проливъ).—Великанъ *Атлантъ* доставалъ ему яблоки, но въ это время Геркулесъ долженъ былъ за него плечами поддерживать сводъ небесный.—Самая опасная работа была послѣдняя: добыть адскую собаку *Цербера*, имѣвшую три головы и на мѣстѣ хвоста змѣю. Черезъ пропасть на самой южной оконечности Греціи, Геркулесъ спустился

въ Адесъ и получилъ отъ Плутона позволеніе вытащить Цербера на землю, если совладаетъ съ нимъ безъ оружія. Геркулесъ окрутилъ ему шею львиною шкурою, и вывелъ Цербера къ Эврисѳею, который трепеталъ отъ ужаса. Цербера выпустили и онъ тотчасъ провалился сквозь землю.

Много совершилъ Геркулесъ еще подвиговъ и странствованій, и погибъ отъ сорочки, которую окрасила супруга его *Деянира* въ отравленную кровь *кентавра Несса* (кентавръ—получеловѣкъ, полуконь). Ядъ причинялъ ему страшную боль и, чтобы избавиться отъ мученій, Геркулесъ сжегся на кострѣ (по горѣ *Этѣ*). Деянира въ отчаяніи повѣсилась. — Зевсъ возвелъ Геркулеса на Олимпъ, Гера съ нимъ помирилась и супругою его сдѣлалась богиня вѣчной юности *Геба*, которая подаетъ богамъ напитокъ и явство безсмертія, *нектаръ* и *амвросію*.

Второй герой послѣ Геркулеса — *Тезей*. — Аѳинскій царь *Эгей*, во время путешествія, заѣхалъ къ другу своему, другому царю, и женился на его дочери. Молодую жену онъ оставилъ у отца и приказалъ ей, если родится сынъ, прислать его въ Аѳины не раньше, пока онъ сможетъ поднять камень, подъ который Эгей спряталъ свой мечъ и свои сандаліи. На 19-мъ году *Тезей* скатилъ камень и отправился къ отцу.

На дорогѣ въ Аѳины онъ боролся съ страшными великанами. Первый великанъ (Перифетъ), котораго встрѣтилъ Тезей, былъ хромой, лежалъ на дорогѣ и стоналъ; но кто нагибался, чтобы подать ему помощь, того онъ убивалъ желѣзною палицею, смѣясь надъ легковѣріемъ людей. Тезей успѣлъ схватить палицу обѣими руками и убилъ его самого. На перешейкѣ коринѳскомъ другой великанъ (Синнисъ) сгибалъ руками двѣ сосны и къ верхушкамъ привязывалъ путешественниковъ ногами, а затѣмъ распускалъ деревья. Тезей убилъ его палицею. Третій (Скиронъ) сидѣлъ у берега морскаго, заставлялъ проходящихъ мыть ему ноги и при этомъ опрокидывалъ ихъ въ море. Тезей схватилъ его за

ноги и сбросилъ самого. Наконецъ недалеко отъ *Елевзиса*, *Прокрустъ* малорослыхъ путешественниковъ растягивалъ въ длинной кровати, большимъ же обрубалъ ноги въ короткой. Тезей сдѣлалъ съ нимъ самимъ и то, и другое. — По прибытіи Тезея въ Аѳины, *Эгей* хотѣлъ его отравить, но, къ счастью, узналъ сына по мечу. Своими подвигами Тезей оказалъ Аѳинянамъ много услугъ. Но самая важная состояла въ томъ, что онъ избавилъ ихъ отъ ужасной дани. Ежегодно Аѳиняне должны были посылать 7 юношей и 7 дѣвицъ на островъ *Критъ* на съѣденіе чудовищу *Минотавру*, получеловѣку и полубыку, вооруженному тяжеловѣсною палицею, который находился въ *Лабиринтѣ*. Въ третій разъ отправляли эти жертвы, когда прибылъ въ Аѳины Тезей. Онъ отправился съ ними, убилъ Минотавра и вышелъ изъ Лабиринта при помощи клубка нитокъ, который дала ему царевна *Аріадна*. Тезей женился на *Аріаднѣ*, но на пути бросилъ ее; за это онъ навлекъ на себя гнѣвъ боговъ. Корабль съ жертвами Аѳинскими обыкновенно шелъ съ черными парусами; въ случаѣ удачи Тезей обѣщался Эгею натянуть бѣлые. Объ этомъ забыли при возвращеніи. — Эгей, увидѣвъ черные паруса, считалъ сына погибшимъ и бросился въ море, которое отъ него названо было *Эгейскимъ*.

Тезей соединилъ всѣхъ жителей Аттики въ одно государство, отъ него происходили цари Аѳинскіе. Въ послѣдствіи народъ противъ него возсталъ; Тезей проклялъ Аѳины, удалился изъ города и погибъ на чужбинѣ. Впослѣдствіи Аѳиняне перевезли его прахъ къ себѣ, воздвигли ему храмъ и поклонялись ему, какъ герою и полубогу.

ЯЗОНЪ И АРГОНАВТЫ.—ЭДИПЪ И ПОХОДЪ СЕМИ ЦАРЕЙ ПРОТИВЪ ѲИВЪ.

У одного греческаго царя было двое дѣтей *Фриксъ и Гелла*, рано лишившіеся матери. Злая мачиха старалась ихъ

погубить и когда въ странѣ сдѣлался голодъ, она стала уговаривать мужа, ссылаясь на подложный оракулъ, чтобы онъ принесъ Фрикса въ жертву богамъ. Братъ и сестра бѣжали на золоторунномъ баранѣ, который могъ ходить по водѣ и по воздуху. На пути Гелла упала съ барана въ море, которое по ней названо *Геллеспонтомъ* (Дарданельскій проливъ). Фриксъ прибылъ въ *солнечную* страну *Колхиду* (на Кавказскомъ перешейкѣ); здѣсь по повелѣнію боговъ онъ принесъ барана въ жертву, а золотое руно его повѣсилъ въ священной рощѣ Ареса, гдѣ его стерегъ никогда не засыпающій драконъ.

Черезъ нѣсколько поколѣній *Пеліасъ* лишилъ своего брата престола (въ г. Іолкѣ въ Θессаліи) и выслалъ его изъ города вмѣстѣ съ сыномъ *Язономъ*. Разъ, когда Пеліасъ далъ пиршество въ честь Посейдона, на которое пригласилъ многихъ героевъ, то туда отправился и Язонъ. На пути у разлившагося ручейка онъ встрѣтилъ старушку, которая плакала, что не могла переправиться, такъ какъ водою снесло мостикъ. Язонъ перенесъ ее на рукахъ, но одна сандалія его завязла въ ручьѣ. Язонъ необутый не осмѣлился явиться къ Пеліасу, но старушка, которая собственно была богиня Гера, уговорила его отправиться на пиръ. Увидѣвъ Язона, Пеліасъ перепугался, вспомнивъ оракулъ, предвѣщавшій ему погибель отъ мужа съ однимъ башмакомъ. Однако онъ принялъ его ласково, но спросилъ Язона: чтобы онъ сдѣлалъ съ мужемъ, отъ котораго ему суждено умереть? «Я бы его отправилъ за золотымъ руномъ», отвѣтилъ Язонъ. Такъ рѣшилъ и Пеліасъ, надѣясь, что при этомъ отважномъ предпріятіи погибнетъ ненавистный ему племянникъ.

Язонъ пригласилъ къ предпріятію знаменитѣйшихъ героевъ того времени; прибыли Геркулесъ, Тезей, славный пѣвецъ *Орфей*, сынъ Аполлона, который звуками своей лиры передвигалъ камни и разжалобилъ до того Плутона, что тотъ позволилъ ему вывести свою супругу изъ Адеса; далѣе братья-близнецы *Касторъ* и *Поллуксъ* и многіе другіе. Они постро-

или корабль *Арго*, носъ котораго былъ сдѣланъ изъ *Додонскаго* дуба и давалъ предвѣщанія во время пути.

Пловцы на Арго—*Аргонавты*—отправились въ Колхиду и потребовали отъ царя выдачи золотаго руна. Но ему было предсказано, что съ потерею руна онъ лишится царства. Царь по этому сказалъ Язону: «Я согласенъ на твою просьбу, если ты запряжешь въ плугъ двухъ огнедышащихъ воловъ съ желѣзными копытами, вспашешь ими 4 десятины земли, и посѣешь на ней полный шлемъ драконовыхъ зубовъ. Изъ этого сѣмени взойдутъ великаны, которыхъ ты долженъ убить». Язонъ отчаявался, но ему помогла царевна *Медея*. Она волшебною мазью сдѣлала Язона невредимымъ. Язонъ запрягъ воловъ, вспахалъ землю, посѣялъ драконовы зубы, и когда изъ нихъ выросли вооруженные великаны, бросилъ между ними камень: они напали другъ на друга и перерѣзались до послѣдняго. Царь однако не исполнилъ своего обѣщанія, хотѣлъ сжечь Арго и погубить Язона. Медея, узнавъ замыслы своего отца, усыпила дракона у священной рощи, сняла руно и тайно бѣжала съ Язономъ въ ту же ночь.

За ними погнались, и когда почти ихъ настигали, Медея умертвила своего малолѣтняго брата, разсѣкла трупъ его на куски и разбросала ихъ по морю и прибрежнымъ скаламъ. Несчастный отецъ останавливался подбирать остатки тѣла любимаго сына, а между тѣмъ Аргонавты успѣли уйти и благополучно прибыли въ отечество.

Не менѣе прославился миѳъ о царѣ *Эдипѣ* и его проклятомъ родѣ.

Ѳивскій царь *Лай* получилъ оракулъ отъ Аполлона, что у него родится сынъ, который убьетъ отца, женится на своей матери и погубитъ весь родъ свой. Когда же у *Іокасты* родился мальчикъ, то Лай приказалъ отдать его пастуху, который долженъ былъ проколоть ребенку пятки и, продѣвъ черезъ нихъ ремень, повѣсить его на деревѣ. Пастухъ сжалился и спасъ ребенка, который отъ распухшихъ ногъ названъ былъ *Эдипомъ* (пухлоногъ); его воспиталъ царь *Коринѳскій*.

Возмужавъ, Эдипъ захотѣлъ узнать свое происхожденіе и отправился въ Дельфы. Но оракулъ предостерегалъ его не возвращаться въ отечество, а то онъ убьетъ отца и женится на своей матери. По этому Эдипъ не возвратился въ Коринѳъ, а отправился къ Ѳивамъ. На перекресткѣ ему встрѣтилась колесница. Эдипъ не хотѣлъ сойти съ дороги, его ударили кнутомъ и онъ убилъ вожатаго и господина. То былъ отецъ его Лай, который ѣхалъ въ Дельфы за оракуломъ, какимъ образомъ избавить Ѳивы отъ *сфинкса*, лежавшей у воротъ города. Это чудовище послала Гера, разгнѣвавшаяся на Ѳивы; сфинксъ была наполовину прелестная дѣвица съ орлиными крыльями и съ тѣломъ львицы. Она предлагала приходящимъ загадку: «какое существо имѣетъ голосъ, ходитъ утромъ на четырехъ ногахъ, въ полдень на двухъ, а вечеромъ на трехъ?» Если кто угадаетъ, сфинксъ обѣщалась броситься въ пропасть; того же, кто не могъ рѣшить загадки, она разрывала. Эдипъ догадался, что это существо человѣкъ въ разныхъ возрастахъ и этимъ рѣшеніемъ избавилъ страну отъ чудовища. Жители Ѳивъ съ восторгомъ возвели своего избавителя на престолъ. Эдипъ женился на овдовѣвшей *Іокастѣ*. Предсказаніе исполнилось.

Въ двадцатый годъ правленія Эдипа на Ѳивы напалъ ужасный моръ. Дельфійскій оракулъ подтвердилъ, что это потому, что не открыты убійцы царя Лая. Розыски Эдипа обнаружили истину. Іокаста въ отчаяніи повѣсилась, а у ея трупа Эдипъ выкололъ себѣ глаза. Эдипъ еще прежде приговорилъ неизвѣстныхъ убійцъ Лая къ изгнанію. Сыновья его *Этеоклъ* и *Полиникъ* теперь выгнали роднаго отца изъ Ѳивъ, за что онъ ихъ проклялъ. Эдипъ, преслѣдуемый фуріями, долго скитался, не находя нигдѣ покоя, наконецъ разверзлась земля и приняла страдальца.

Сыновья Эдипа условились поочередно править: одинъ годъ каждый. Но еще до истеченія перваго года *Этеоклъ* изгналъ *Полиника*. Получивъ помощь отъ тестя, Полиникъ съ семью героями выступилъ противъ Ѳивъ. Но Зевсъ не одобрялъ

предпріятія и оно окончилось неудачно. Одинъ герой, хвастявшій, что возметъ городъ и противъ воли боговъ, былъ убитъ молніей, когда взлѣзалъ по лѣстницѣ на стѣны. Этеоклъ и Полиникъ умертвили другъ друга въ единоборствѣ. Всѣ вожди погибли, кромѣ тестя Полиника. Онъ впослѣдствіи повелъ на Ѳивы потомковъ (*епигоновъ*) погибшихъ героевъ. Они взяли городъ, опустошили область и изгнали убійцъ своихъ отцовъ.

ПРІАМЪ И ПАРИСЪ. ПОХОДЪ ГРЕКОВЪ ПОДЪ ТРОЮ.

На сѣверозападномъ берегу Малой Азіи, въ равнинѣ, лежалъ городъ *Троя* (Иліонъ). Около 1200 года до Р. Х. въ немъ царствовалъ царь *Пріамъ*, которому покровительствовали боги; сокровищницы его были полны золотомъ, желѣзомъ и драгоцѣнными одеждами. Старшій сынъ Пріама былъ храбрый *Гекторъ*, второй былъ *Парисъ*, котораго Афродита одарила прелестнымъ лицомъ и прекрасными волосами. Семейство Пріама жило въ тишинѣ и согласіи, пока похожденія Париса не навели бѣды на всю Трою.

На свадьбу *Ѳессалійскаго* царя *Пелея* съ нимфою *Ѳетидою* (Тетисъ) были приглашены всѣ боги и богини, кромѣ *Эрисъ*, богини раздора. Изъ мести она бросила въ покой, гдѣ собирались гости, золотое яблоко съ надписью: «прекраснѣйшей». Каждая изъ присутствовавшихъ богинь объявила притязанія на яблоко. Наиболѣе правъ признали за *Герою*, *Палладою Аѳиною* и *Афродитою*. Ни одна не уступала, и потому *Зевсъ* рѣшилъ, что *Гермесъ* поведетъ ихъ къ *Парису*, сыну Пріамову, который пасъ стада своего отца. Богини старались обольстить Париса обѣщаніями. Гера обѣщалась доставить ему власть надъ всѣми странами міра; Аѳина—великую славу между людьми и мудрость; Афродита—самую красивую жен-

щину въ свѣтѣ. Парисъ склонился на сторону Афродиты и вручилъ ей яблоко. Прелестнѣйшею въ то время женщиною считалась *Елена*, супруга *Спартанскаго* царя *Менелая*. По совѣту Афродиты Парисъ поѣхалъ въ Спарту и нашелъ радушный пріемъ у Менелая. Но во время путешествія мужа Парисъ уговорилъ Елену бѣжать съ нимъ, взявъ съ собою много сокровищъ. Это наглое нарушеніе священныхъ правъ гостепріимства повлекло за собою погибель всего рода Пріамова и разрушеніе Трои.

Напрасно Менелай требовалъ у Пріама выдачи своей супруги, требованіе его оставили безъ вниманія, и тогда всѣ Греки рѣшились мстить Троянцамъ за эту обиду. *Менелай*, витязь высокаго роста, съ мощными плечами, не тративший лишнихъ словъ, но разсудительный, и братъ его *Агамемнонъ*, владыка мужей въ *Аргосѣ*, пригласили къ походу лучшихъ героевъ Греціи. На сборное мѣсто, въ гавани *Авлидѣ* (въ Віотіи), явилось до 100,000 человѣкъ и 1200 кораблей.

Между ними были: престарѣлый *Несторъ*, видѣвшій три поколѣнія, котораго уважали всѣ Греки за мудрые совѣты и сладостныя рѣчи — «изъ устъ его вѣщихъ рѣчи сладчайшія меду лилися»; мужественный *Діомедъ*, его за благоразуміе хвалилъ даже Несторъ. Діомеду покровительствовала Аѳина. Передъ Троею онъ обратилъ въ бѣгство *Энея*, сына Афродиты, и когда богиня сама вступилась за него, неустрашимый Діомедъ ранилъ ее въ руку; даже самъ богъ войны Аресъ былъ имъ раненъ.

Великій *Аяксъ* (Теламонидъ), храбрѣйшій герой послѣ Ахиллеса, превосходившій другихъ ростомъ и силою, такъ что никто не могъ подымать его щита, обитаго семью воловьими шкурами; онъ стоялъ среди враговъ, какъ недоступная башня, почему его и называли «надеждою Ахейцевъ». По смерти Ахиллеса Аяксъ спорилъ объ его доспѣхахъ съ Одиссеемъ, и когда ихъ отдали послѣднему, онъ пришелъ въ такую ярость, что хотѣлъ убить Одиссея. Но Аѳина отняла у него разумъ и онъ избилъ стадо овецъ, считая ихъ Греками. Когда же

Аяксъ опять пришелъ въ себя, то это посрамленіе привело его въ отчаяніе и онъ бросился на собственный мечъ.

Участвовалъ въ походѣ еще другой *Аяксъ* (Локріецъ), въ отличіе отъ перваго названный малымъ. При взятіи Трои онъ насильно оттащилъ *Кассандру*, ясновидящую дочь Пріама, отъ жертвенника Аѳины. Разгнѣванная этимъ богиня погубила его на возвратномъ пути бурею. — Далѣе были въ войскѣ:

Хитрый *Одиссей*, всегда находчивый и изворотливый. Ему предсказано было, что онъ вернется изъ похода только черезъ двадцать лѣтъ. По этому онъ хотѣлъ уклониться отъ участія и притворился помѣшаннымъ. При прибытіи пословъ отъ Агамемнона, Одиссей запрягъ въ плугъ осла и корову, и сталъ пахать голую скалу. Но недовѣрчивые послы положили подъ плугъ его сына-младенца. Одиссей поворотилъ назадъ. Этимъ онъ обнаружилъ полное присутствіе ума и не могъ болѣе отказываться отъ похода. По другому предсказанію первый изъ Грековъ, вступавшихъ на Троянскую землю, былъ обреченъ смерти. Хитрый Одиссей, приставъ къ азіатскому берегу, бросилъ свой щитъ на землю и вскочилъ на него; Греки, не подозрѣвавшіе его умысла, тотчасъ послѣдовали за нимъ, и предвѣщаніе исполнилось надъ другимъ.

Другъ Геркулеса *Филоктетъ*, наслѣдовавшій отъ него смертоносныя, ядовитыя стрѣлы. Его укусила змѣя въ ногу, и такъ какъ Греки не могли вынести запаха раны и стоновъ Филоктета, то они оставили его на островѣ Лемносѣ. Однако безъ стрѣлъ Геркулесовыхъ нельзя было взять Трои, и въ десятый годъ осады былъ посланъ за Филоктетомъ Одиссей. Рана героя зажила; онъ могъ опять участвовать въ битвахъ и убилъ стрѣлою *Париса*.

Не подвигами и геройствомъ, а наглостью и завистью прославился *Терзитъ*. Въ его головѣ никогда не возникало умной мысли, но невоздержанъ былъ онъ на дерзкія слова. Крикливо порицалъ Терзитъ всѣ распоряженія царей и осмѣивалъ ихъ передъ народомъ. Терзитъ былъ безобразнѣйшій изъ Гре-

ковъ, прибывшихъ подъ Трою: онъ косилъ глазами въ одну сторону и хромалъ въ другую, грудь его была сжатая, и между горбатыми плечами сидѣла острая голова, покрытая рѣдкими волосами. Когда Терзитъ разъ нахально бранилъ царя Агамемнона, Одиссей побилъ его скиптромъ, такъ что на его спинѣ выступили кровавыя пятна, и жалостный видъ зубоскала возбудилъ смѣхъ всѣхъ Грековъ. Впослѣдствіи Терзитъ оскорбилъ даже Ахиллеса, и былъ имъ убитъ.

Всѣ цари уже собрались въ *Авлидѣ*, и все еще не было *Ахиллеса*, повелителя *Мирмидоновъ* (въ Ѳессаліи), безъ котораго, по рѣшенію боговъ, не могла быть взята Троя. Ахиллесъ былъ сынъ Пелея и нимфы Ѳетиды. Заботливая мать тотчасъ послѣ рожденія окунула младенца въ рѣку *Стиксъ* (священная рѣка въ Адесѣ, которою клялись боги), и тѣмъ сдѣлала его неуязвимымъ, исключая пятки, за которую богиня его держала. Отецъ Пелей отдалъ Ахиллеса на воспитаніе мудрому кентавру *Хирону*, который вскормилъ его львиными внутренностями, мозгами кабановъ и медвѣдей, отчего Ахиллесъ сталъ сильнымъ и мощнымъ. Хиронъ выучилъ его владѣть оружіемъ, говорить убѣдительныя рѣчи и лечить раны. Ахиллесу было предсказано, что онъ, или безславно умретъ въ глубокой старости дома, или въ цвѣтѣ лѣтъ погибнетъ на чужбинѣ, обезсмертивши свое имя. Ѳетида предпочла долговѣчіе для Ахиллеса, и когда Менелай и Агамемнонъ стали созывать героевъ подъ Трою, она отправила сына къ царю *Ликомеду* (на островъ *Скиросъ*), гдѣ его одѣли въ женское платье и воспитывали вмѣстѣ съ царскими дочерьми. Но хитрый Одиссей провѣдалъ убѣжище Ахиллеса. Онъ явился купцомъ ко двору Ликомеда, и разложилъ передъ дочерьми царя богатыя одежды и великолѣпные уборы, а вмѣстѣ съ послѣдними и полное вооруженіе. Между тѣмъ какъ дѣвицы примѣряли уборы, Ахиллесъ сталъ разсматривать оружіе, и когда вдругъ затрубили къ приступу, онъ совершенно забылся, скинулъ женское платье, схватилъ щитъ и копье и по-

слѣдовалъ за Одиссеемъ. Ахиллесу сопутствовалъ подъ Трою неразлучный его другъ *Патроклъ*.

По прибытіи всѣхъ участниковъ похода, Греки приготовились отплыть изъ Авлиды, но поднялись противные вѣтры и помѣшали кораблямъ выйти изъ гавани. — Гнѣвалась *Артемида* на Агамемнона, который убилъ священную лань въ ея рощѣ. Вѣщій прорицатель *Калхасъ* объявилъ, что для умилостивленія богини слѣдуетъ принести ей въ жертву дочь Агамемнонову *Ифигенію*. Одиссей выманилъ ее у матери подъ предлогомъ обрученія съ Ахиллесомъ. Но у самаго жертвенника Артемида въ облакѣ скрыла Ифигенію, и на мѣсто ея подставила бѣлую лань. Другая жертва, которую тогда же принесли Греки, была сопровождена роковымъ предзнаменованіемъ: изъ подъ жертвенника, осѣненнаго чинаровымъ деревомъ, выползла змѣя и въ гнѣздѣ на деревѣ съѣла девять воробьевъ. По толкованію Калхаса осада должна была продлиться безуспѣшно девять лѣтъ, и только въ десятый годъ герои возьмутъ Трою.

Умилостививши Артемиду, Греки съ попутнымъ вѣтромъ благополучно достигли Троянской области. Здѣсь они выволокли корабли на берегъ и укрѣпились станомъ, который окопали рвомъ. Станъ состоялъ изъ деревянныхъ хижинъ, покрытыхъ дерномъ или камышемъ. Менелай и Одиссей отправились въ Трою требовать еще разъ выдачи Елены и сокровищъ, но Троянцы отказали имъ и въ томъ, и другомъ. Сама Троя была чрезвычайно крѣпкій городъ. Трижды пытались Греки взойти на стѣну у фиговой рощи, гдѣ это было всего удобнѣе,—но безъ успѣха. Вскорѣ стало недоставать припасовъ у Грековъ, и они отрядами отправлялись грабить ближайшую мѣстность и острова; по этому войско никогда не бывало въ полномъ сборѣ и осада не подвигалась. Общихъ сраженій не было, а происходили состязанія между отдѣльными героями, которымъ въ случаѣ необходимости подавали помощь окружавшіе ихъ воины. Предводители сражались на колесницахъ, запряженныхъ 2—4 конями, въ передней части стоялъ

вожатый, эта часть имѣла низкую стѣнку, задняя была открыта. Воины сражались пѣшіе. Нападали на враговъ копьями, дротиками, стрѣлами, пращами и мечами; оборонительное оружіе составляли шлемъ, желѣзныя латы для груди и ногъ и кожаный щитъ, обитый желѣзомъ.

ПОДВИГИ И СМЕРТЬ АХИЛЛЕСА. РАЗРУШЕНІЕ ТРОИ.

Въ маловажныхъ схваткахъ прошло девять лѣтъ; уже стали гнить корабли, а Троя все стояла. Ахиллесъ разорилъ 12 городовъ на берегу и 11 внутри страны, а жителей частію убилъ, частію продалъ въ рабство. Агамемнонъ захватилъ въ плѣнъ дочь жреца Аполлона; разгнѣванный богъ навелъ моръ на греческій станъ. Агамемнонъ долженъ былъ выдать плѣнницу, но отнялъ другую у Ахиллеса. Дошло до брани между героями, и Ахиллесъ въ досадѣ пересталъ принимать участіе въ войнѣ. Тогда Ѳетида, изъ угожденія сыну, уговорила Зевса помочь Троянцамъ. Предводимые Гекторомъ Троянцы оттѣснили Грековъ отъ города, ворвались въ ихъ станъ и зажгли корабли. Узнали Греки, что нѣтъ Ахиллеса. Надъ бѣдствіемъ Грековъ сжалился *Патроклъ*, со слезами умолялъ онъ Ахиллеса отпустить его и Мирмидоновъ на помощь соплеменникамъ. Ахиллесъ уступилъ, отдалъ Патроклу свои доспѣхи съ условіемъ выгнать Троянцевъ изъ стана, но не преслѣдовать ихъ дальше. Патроклъ увлекся, погнался за бѣжавшими Троянцами до самыхъ воротъ города. Тутъ Аполлонъ сломалъ его копье, сорвалъ щитъ съ плеча Патрокла, и Гекторъ могъ пронзить ему бокъ. Патроклъ упалъ съ колесницы, которую едва спасли. Гекторъ снялъ съ трупа доспѣхи Ахиллесовы, и Мирмидоны только послѣ ужаснаго кровопролитія отбили голое тѣло Патрокла. Узнавъ о смерти любимаго друга, Ахиллесъ въ отчаянной тоскѣ рвалъ волосы, посыпалъ голову пепломъ и

громко рыдалъ. Раздирающіе сердце вопли его услышала Ѳетида и, вынырнувъ изъ моря, явилась въ станъ Грековъ утѣшать сына. Такъ какъ доспѣхи Ахиллеса достались въ добычу Гектору, то Ѳетида сама отправилась къ Гефесту съ просьбою сковать ему новые. Искусный Гефестъ и его трудолюбивые циклопы приготовили чудное вооруженіе. Дивнѣе всего былъ щитъ (1).

---

(1) Въ средней части щита Гефестъ изобразилъ *землю*, волнующееся *море* и *небо* съ солнцемъ, луною и со всѣми звѣздами. Далѣе Гефестъ сдѣлалъ на немъ *два* цвѣтущіе *города*: въ *одномъ* видны были свадебныя шествія и пиршества, собиралось народное вѣче на рынкѣ, спорили граждане, между ними суетились вѣстники и начальники;—*другой* городъ осаждали два войска: внутри стѣнъ изображены были женщины, малолѣтныя дѣти, дряхлые старцы; за стѣною же взрослые мужчины лежали въ засадѣ, ожидая непріятеля, другіе грабили стада; немного въ сторонѣ отъ этихъ кипѣло сраженіе, лежали раненные, бились за трупы и доспѣхи. Далѣе на щитѣ изобразилъ Гефестъ рыхлую *пашню*, съ пахаремъ и волами у плуга; за этою пашнею *жатвенное поле* съ колыхающимся хлѣбомъ, на немъ стояли жнецы, а въ сторонѣ подъ дубомъ видѣнъ былъ готовый для нихъ обѣдъ; по сосѣдству поля лежалъ *виноградникъ* съ черными, налившимися кистями, всѣ палки, около которыхъ вился виноградъ, были изъ чистаго серебра, вокругъ сада шелъ ровъ изъ синей стали и ограда изъ олова, по срединѣ виноградника вела дорожка. Виноградникъ былъ изображенъ во время сбора: тутъ молодцы боролись, тамъ толпа красивыхъ дѣвицъ уносила сладкій виноградъ въ прелестныхъ корзинахъ; посреди ихъ шелъ мальчикъ съ лирою, окруженный толпою пляшущихъ отроковъ. Далѣе сдѣлалъ искусный богъ *стадо воловъ* изъ золота и олова, скотъ пасся вдоль берега струившейся рѣки, съ нимъ было *четыре пастуха* и *девять собакъ*. На это стадо напали *два льва*, пастухи ускали собакъ, которыя съ лаемъ остановились на прыжокъ отъ львовъ. Тутъ же рядомъ расположена была прелестная *долина*, на которой бродили овцы; на ней стояли овинъ и хижины. Наконецъ на щитѣ помѣщенъ былъ *хороводъ* изъ цвѣтущихъ юношей и дѣвицъ въ свѣтлыхъ одеждахъ: плясуньи были съ вѣнками, плясуны съ

Ахиллесъ на вѣчѣ помирился съ Агамемнономъ и выступилъ со всѣми Греками въ поле. Завязалась схватка, въ которой приняли участіе и сами боги. Аресъ кричалъ подобно бурѣ, спутница его Эрисъ неистовствовала въ толпѣ, Зевсъ гремѣлъ съ Олимпа, а Посейдонъ, повелитель морей, потрясъ землю такъ, что испугался Плутонъ въ своемъ подземномъ царствѣ.

Въ самомъ пылу сраженія «быстроногій» Ахиллесъ отыскивалъ Гектора, котораго Аполлонъ скрывалъ отъ него облакомъ. Ахиллесъ свирѣпствовалъ между Троянцами, кони его неслись по щитамъ и трупамъ, съ осей колесницы текла кровь, кровяные брызги доходили до края сѣдалища. Онъ загналъ бѣгущихъ Троянцевъ въ воду, бросился за ними съ мечомъ—рѣка окрасилась кровью; у Ахиллеса онѣмѣли руки, такъ много сразилъ онъ враговъ. Потерявшіеся отъ страха, Троянцы бѣжали въ городъ, и такъ поспѣшно затворили ворота, что Гекторъ остался внѣ стѣнъ. Упершись щитомъ въ башню, онъ ожидалъ противника, но при видѣ Ахиллеса пропало его мужество, онъ бросился въ бѣгство, и *сильнаго* сталъ преслѣдовать *сильнѣйшій*. Три раза обѣжали оба героя вокругъ города. Сами боги сжалились надъ Гекторомъ, еще разъ взвѣсили они его участь на вѣсахъ судьбы,—перетянула смерть.

Увидѣвъ безуспѣшность побѣга, Гекторъ наконецъ остановился. Просилъ онъ Ахиллеса условиться, чтобы побѣдитель выдалъ трупъ противника роднымъ. Но Ахиллесъ по-

---

золотыми кинжалами, висѣвшими на серебряныхъ ремняхъ; два шута вертѣлись подъ звуки кифары, на которой игралъ пѣвецъ; вокругъ пляшущихъ толпились зрители. Кругомъ края щита вилась *рѣка Океанъ*, подобно змѣѣ. — Окончивши щитъ, Гефестъ сковалъ для Ахиллеса нагрудникъ, затѣмъ шлемъ и наконецъ латы для ногъ. Всѣ эти подарки Ѳетида принесла своему стонавшему сыну, чтобы разсѣять его тоску.

клялся предать трупъ Гектора на съѣденіе коршунамъ и собакамъ, и бросилъ въ него свое длинное, ясеневое копье. Гекторъ нагнулся и оно ушло глубоко въ землю. Ахиллесъ отразилъ копье Гектора щитомъ, Аѳина же возвратила ему собственное копье, и когда Гекторъ бросился на него съ мечемъ, Ахиллесъ прободалъ ему шею насквозь. Такимъ образомъ сбылось предчувствіе супруги Гектора *Андромахи* при прощаніи съ мужемъ. Ахиллесъ снялъ съ трупа Гектора доспѣхи и платье, прорѣзалъ ему пятки, протянулъ ремень и, привязавъ голое тѣло ногами къ колесницѣ, — такъ что голова влачилась въ пыли и темные волосы смѣшались съ пескомъ,—онъ объѣхалъ Трою. Возвратившись въ станъ, Ахиллесъ бросилъ Гектора въ открытомъ полѣ; Патроклу же онъ соорудилъ костеръ, принесъ его тѣни въ жертву 4 коня и 12 плѣнныхъ Троянцевъ и, сжегши остатки, совершилъ надъ могилою игры.

Только послѣ погребенія Патрокла отважился Пріамъ съ богатымъ выкупомъ явиться въ шатеръ Ахиллеса, умоляя о выдачѣ сына. Вспомнивъ отца, Ахиллесъ сжалился, самъ уложилъ обмытый трупъ Гектора на колесницу, и далъ Троянцамъ 11 дней перемирія на погребеніе мертвыхъ.

По истеченіи срока война возгорѣлась съ новою силою. Много враговъ убилъ Ахиллесъ и преслѣдовалъ Троянцевъ до самаго города. Но онъ хотѣлъ уже снять съ петель ворота, какъ Аполлонъ, расположенный къ Троянцамъ, сошелъ съ Олимпа и грозно велѣлъ герою оставить битву. Ахиллесъ пренебрегъ увѣщаніемъ бога; тогда гнѣвный Аполлонъ окутался въ черную тучу, и поразилъ его стрѣлою въ смертельную пяту. Подобно башнѣ Ахиллесъ ударился объ землю, но, выдернувъ стрѣлу, снова вскочилъ и бросился на враговъ; однако члены его онѣмѣли, и мертвый онъ упалъ на груду труповъ, имъ же убитыхъ. Трупъ Ахиллеса Греки понесли къ кораблямъ и горько оплакивали героя. Обмывши тѣло, его одѣли въ прекрасныя одежды, Аѳина нѣсколькими каплями *амвросіи* предохранила трупъ отъ гніенія: свѣжій, по-

добный живому человѣку, лежалъ Ахиллесъ; на лицѣ его все еще замѣтенъ былъ гнѣвъ на Троянцевъ за смерть Патрокла. Ѳетида вышла изъ моря прощаться съ сыномъ и слезы ея лились на землю, подобно росѣ. Изъ множества деревьевъ Греки устроили огромный костеръ, принесли у него животныхъ въ жертву, дѣлали возліянія и предали трупъ пламени. Пепелъ Ахиллеса погребли возлѣ Патрокла и совершили надъ могилою игры. По взятіи Трои Ахиллесъ явился во снѣ своему сыну и потребовалъ лучшую часть добычи; ему принесли въ жертву дочь Пріама.

Эта дочь была *Поликсена*, влюбленная въ Ахиллеса. По другому разсказу о смерти героя, Ахиллесъ сватался ее и сошелся съ Троянцами для уговора въ храмѣ Аполлона, у рощи передъ городомъ. Тутъ выстрѣлилъ въ него *Парисъ* изъ засады, а Аполлонъ направилъ стрѣлу въ смертельную пяту Ахиллеса.

Уже девять лѣтъ осаждали Греки Трою: погибъ Ахиллесъ, десятый годъ приходилъ къ концу, а все еще не было надежды взять городъ. Нѣкоторые изъ греческихъ царей стали недовольны и думали возвратиться. Въ этой бѣдѣ помогъ *Одиссей*, царь острова *Итаки* (Ѳеаки). Было предсказано Грекамъ, что безъ сына Ахиллесова, безъ стрѣлъ Геркулеса и безъ *Палладія*, т. е. изображенія Паллады Аѳины, ниспавшаго съ неба въ Трою,—нельзя взять города. Одиссей привезъ и сына Ахиллесова (Неоптолема), и больнаго Филоктета со стрѣлами Геркулеса, и прокрался съ другомъ Діомедомъ въ Трою, гдѣ успѣлъ похитить Палладій. Онъ же придумалъ хитрость, при помощи которой удалось Грекамъ войти въ городъ.

По его наставленію Греки срубили высокія сосны и изъ нихъ сдѣлали огромнаго коня. Сначала построили ноги коня, на нихъ поставили туловище съ изогнутою спиною, округлили задъ коня, спереди придѣлали шею, на которой искусно вытесали волнистую гриву. Голову и хвостъ коня покрыли волосами, вставили стоящія вверхъ уши и стеклянные свѣ-

тящіеся глаза. Все было сдѣлано, какъ у живой лошади. Въ три дня окончили эту работу, къ изумленію всего войска. Храбрѣйшіе герои греческіе: Менелай, Діомедъ, Одиссей, Филоктетъ, Аяксъ, сынъ Ахиллеса (Неоптолемъ), строитель коня (Эпеосъ) и другіе, вошли въ чрево коня. Прочіе Греки зажгли свой станъ, пересѣли на корабли и поплыли къ ближайшему острову.

Троянцы, считавшіе осаду конченною, съ восторгомъ вошли въ греческій станъ, и тутъ увидѣли громаднаго деревяннаго коня. Одни предлагали его сжечь, другіе ввести въ городъ. Жрецъ Аполлона *Лаокоонъ* предостерегалъ Троянцевъ, напоминая имъ хитрость Одиссея; онъ вонзилъ въ коня желѣзное копье и зазвенѣло, какъ отъ оружія. Тутъ изъ подъ коня вытащили спрятавшагося Грека, котораго еще прежде наставилъ Одиссей. По его словамъ, конь былъ обѣтный даръ Грековъ для Паллады Аѳины и его устроили столь огромныхъ размѣровъ, чтобы Троянцы не могли ввести святыню въ свой городъ, иначе къ нимъ перейдетъ покровительство богини. Въ то же время два огромные змѣя, опутали самого Лаокоона и двухъ сыновей его и, задушивъ ихъ, спрятались въ близкомъ къ тому мѣсту храмѣ Аѳины подъ жертвенникомъ. Троянцы сочли это очевиднымъ доказательствомъ святости коня. Они сломали часть стѣны и повлекли коня въ городъ. Напрасно ясновидящая дочь Пріама *Кассандра* предсказывала погибель; ея словамъ никогда не вѣрили.

Троянцы радовались и пировали, и къ ночи впали въ крѣпкій сонъ. Тогда вышли герои изъ коня и зажгли городъ; войско греческое, увидѣвъ огонь, возвратилось, и въ Троѣ произошло страшное кровопролитіе. Пріамъ былъ убитъ у домашняго жертвенника; его жену Гекубу, Андромаху, вдову Гектора, и дочерей Пріама увели въ плѣнъ. Елена была возвращена Менелаю, который съ радостію простилъ красавицѣ. Изъ Троянскихъ героевъ, только *Эней* съ отцомъ и сыномъ спасся въ Италію. Троя была разорена, а жители проданы въ рабство (1184 г. до Р. Х.).

СТРАНСТВОВАНІЯ ОДИССЕЯ.

По сожженіи Трои, Греческіе цари возвратились въ отечество, но не всѣ благополучно достигли его. Болѣе другихъ перенесъ бѣдствій на возвратномъ пути *Одиссей*, странствовавшій 10 лѣтъ. Древнѣйшій греческій стихотворецъ *Гомеръ* (около 1000 л. до Р. Х.), описавшій гнѣвъ Ахиллеса въ *Иліадѣ* (Троя называлась также и *Иліономъ*), повѣствуетъ о странствованіяхъ *божественнаго страдальца* Одиссея въ особой поэмѣ — *Одиссеѣ*.

Послѣ первыхъ, мало замѣчательныхъ приключеній—подвергшись бурѣ, потерявши многихъ спутниковъ, Одиссей съ остальными товарищами прибылъ въ землю чудовищныхъ *циклоповъ*. Они не орали, не сѣяли; все росло у нихъ само собою. Они жили въ пещерахъ, каждый особо, и не было у нихъ властей. Одиссей отправился съ 12 товарищами осмотрѣть страну, взялъ съ собою припасовъ и бурдюкъ съ виномъ, а остающимся приказалъ стеречь корабли. Они дошли до пещеры, лежавшей среди лавровыхъ кустовъ, высокихъ сосенъ и вѣтвистыхъ дубовъ. Въ ней были корзины съ сыромъ и много посуды для молока. Греки развели огонь, кушали молоко и сыръ и ожидали циклопа. Вскорѣ онъ явился съ огромною ношею дровъ на плечахъ, которую онъ сбросилъ съ такимъ шумомъ, что испуганные Греки спрятались въ уголъ. Это былъ одноглазый *Полифемъ*, сынъ Посейдона; ноги его были, какъ два тысячелѣтнихъ дуба, въ рукѣ носилъ онъ огромную палицу. Барановъ и козловъ онъ отдѣлилъ, а овецъ и козъ вогналъ въ пещеру, которую завалилъ огромнымъ камнемъ (22 четырехколесныя повозки не могли бы его свезти). Подоивши стадо и насладившись молокомъ, Полифемъ замѣтилъ Грековъ. Съ дикимъ ревомъ спросилъ Циклопъ: кто они? схватилъ двухъ товарищей Одиссея, какъ

молодыхъ собакъ, ударилъ о земь и съѣлъ ихъ, не оставляя и костей. На другое утро, пожравши еще двухъ Грековъ, онъ выгналъ свое стадо и заботливо завалилъ пещеру. Одиссей задумалъ месть, онъ взялъ палицу циклопа — оливковое дерево, величиною въ мачту двадцативесельнаго корабля, — заострилъ и обжегъ конецъ, и спряталъ ее подъ навозъ. Возвратившагося вечеромъ циклопа Одиссей опоилъ виномъ, сказалъ ему, что его зовутъ: «*никто*», и Полифемъ, за угощеніе, обѣщался съѣсть «*никого*» послѣднимъ. Тяжелый сонъ напалъ на пьянаго, и, разжегши палицу, Греки выкололи Полифему глазъ. Циклопъ свирѣпствовалъ отъ боли, но когда, на вопросъ сбѣжавшихся сосѣдей: кто тебѣ нанесъ обиду?— онъ отвѣтилъ «никто», то его оставили безъ помощи. Подъ брюхомъ барановъ удалось выйти Грекамъ изъ пещеры, хотя Полифемъ у выхода ощупывалъ стадо руками.

Отчаливъ отъ острова циклоповъ, корабли Одиссея пристали къ острову *Эола*, бога вѣтровъ, который подарилъ ему бурдюкъ, заключавшій въ себѣ всѣ вѣтры. Во время сна Одиссея, любопытные товарищи, подозрѣвая въ мѣшкѣ сокровища, выпустили ихъ. Со всѣхъ сторонъ поднялась буря, шесть дней скитались корабли по морю, наконецъ ихъ выбросило на берегъ людоѣдовъ (Лэстригоновъ), которые сломали корабли и убили большую часть товарищей Одиссея. Самъ Одиссей съ немногими спасся на одномъ кораблѣ. Его принесло на островъ волшебницы *Цирцеи*, превращавшей людей въ животныхъ. Но наставленный Гермесомъ, Одиссей мечемъ заставилъ ее всѣмъ прежде превращеннымъ ею возвратить человѣческій образъ. Цѣлый годъ жили Греки у Цирцеи въ великолѣпномъ дворцѣ ея. Она открыла Одиссею, что не возвратиться ему на родину, если онъ не спустится въ Адесъ и тамъ не спроситъ откровеній у тѣней усопшихъ. Цирцея указала Итакскому герою и путь въ Адесъ и всѣ обряды, чтобы заставить тѣней явиться.

Поплылъ Одиссей по рѣкѣ *Океану*, въ концѣ которой, по словамъ Цирцеи, находился входъ въ Адесъ. Здѣсь Одиссей

узналъ, что на него гнѣвается Посейдонъ за ослѣпленіе Полифема, что долго будетъ онъ странствовать, и въ печали найдетъ онъ жену *Пенелопу*, но затѣмъ благополучно доживетъ до глубокой старости. Въ Адесѣ видѣлъ Одиссей и тѣнь родной матери и многихъ товарищей; встрѣтилъ онъ и Аякса, и Ахиллеса, и Патрокла, изумился встрѣчѣ Агамемнона, котораго убила вѣроломная супруга *Клитемнестра* по возвращеніи. Затрепеталъ Одиссей, когда увидѣлъ казни нечестивыхъ въ Тартарѣ. Тутъ два коршуна клевали печень великана (*Титіоса*), дерзко вознесшаго свою любовь къ безсмертной богинѣ (*Латонѣ*); далѣе стоялъ въ ручьѣ *Танталъ*, томимый голодомъ и жаждою: вода доходила до устъ его, надъ нимъ висѣли вѣтви яблони съ сочными плодами; но лишь нагнется мученикъ пить — отхлынетъ вода; протянетъ онъ руку къ плоду — дерево ударится назадъ. Такъ былъ наказанъ Танталъ за то, что обнаружилъ тайны боговъ, приготовилъ имъ кушанье изъ роднаго сына, преступилъ клятву и укралъ нектару и амвросіи. Въ другомъ мѣстѣ *Сисифъ* съ большими усиліями катитъ въ гору огромный камень, но лишь дойдетъ до вершины, какъ камень тотчасъ съ грохотомъ поскачетъ опять внизъ. Этою безконечною работою наказанъ Сисифъ за то, что не сохранилъ тайны боговъ и сковалъ смерть, высланную за нимъ. Видѣлъ Одиссей и мученія 49 дочерей *Даная* (Данаидъ), убившихъ своихъ мужей послѣ свадьбы; они черпали рѣшетомъ воду въ бездонную бочку, никогда не успѣвая ее наполнить.

Побывши въ Адесѣ, Одиссей возвратился къ Цирцеѣ, и отъ нея отправился съ попутнымъ вѣтромъ въ дальнѣйшій путь. Миновалъ онъ *Сирен*ъ, прельщавшихъ своимъ пѣніемъ, заранѣе заклеилъ воскомъ уши своихъ товарищей, а себя велѣлъ привязать къ мачтѣ. Когда же Одиссей проѣзжалъ мимо морскаго чудовища *Харибды*, шесть храбрѣйшихъ товарищей его похитило другое морское чудовище *Сцилла* (это были вѣроятно водовороты въ Мессинскомъ проливѣ). Цѣлый мѣсяцъ продержали противные вѣтры Одиссея на островѣ

бога солнца Геліоса. Товарищи, вопреки увѣщаніямъ Одиссея, убили священныхъ быковъ, и тѣмъ обрекли себя на погибель. Ужасъ напалъ на нихъ: шкуры животныхъ поползли, мясо мычало на вертелахъ. Пропировавъ шесть дней, на седьмой снова пустились въ путь. Вскорѣ небо заволоклось черными тучами, буря сорвала снасти корабля и мачтою убило кормчаго. Молнія ударила въ корабль, всѣ товарищи погибли въ волнахъ. Одинъ Одиссей спасся, связавъ плотъ изъ мачты и бревенъ разбитаго корабля.

Южнымъ вѣтромъ его опять понесло къ Харибдѣ. Надъ нею на скалѣ росло фиговое дерево, за него ухватился Одиссей и повисъ на воздухѣ, когда Харибда проглотила его плотъ. Плотъ опять вышелъ изъ водорота; быстро вскочилъ на него Одиссей и послѣ девятидневнаго странствованія пристalъ къ острову богини *Калипсы* («кудрявая»). Страдалецъ нашелъ радушный пріемъ, семь лѣтъ продержала его нимфа и хотѣла, чтобы онъ остался навсегда у ней ея супругомъ. Но боги рѣшили иначе и Гермесъ приказалъ *Калипсѣ* отпустить Одиссея. Онъ построилъ новый плотъ, взялъ съ собою припасы и отправился къ родинѣ. Благополучно плавалъ онъ 17 дней, и на горизонтѣ уже увидѣлъ островъ Корфу, какъ вдругъ замѣтилъ его Посейдонъ. Гнѣвный богъ могучимъ трезубцемъ взволновалъ море, навелъ тму на небо и землю, и выпустилъ разомъ всѣ вѣтры. Волна разбила плотъ, и Одиссей только на третій день выброшенъ былъ на берегъ *Фэаковъ* (о. Корфу); изнеможенный впалъ онъ на берегу въ благотворный сонъ. Дочь царя (*Навзикая* и *Алкиной*) полоскала съ подругами на берегу одежды братьевъ. Дѣвицы ногами вытоптали воду, разложили бѣлье по травѣ для просушки, и пообѣдавши, стали играть въ мячь. Мячь упалъ въ тростникъ, близъ того мѣста, гдѣ лежалъ Одиссей. Его увидѣли и привели во дворецъ. Одиссей обнялъ колѣни царицы, сидѣвшей возлѣ царя за прялкою у очага, и умолялъ дать ему средства возвратиться на родину. По обычаю просившихъ о заступничествѣ, онъ сѣлъ на очагъ, ожидая от-

вѣта. Ласково его усадили въ великолѣпное кресло и угостили на славу. Въ честь его даны были нѣсколько дней сряду игры, оканчивавшіяся пиршествами; а когда узнали, что гость знаменитый Одиссей, его отпустили съ богатыми дарами, и Фэаки, славившіеся какъ искусные гребцы, привезли его въ отечество *Итаку* спящаго.

Проснувшись, Одиссей было не узналъ родины, но явилась ему богиня Аѳина и разсказала, что, не смотря на двадцатилѣтнее отсутствіе, вѣрная его супруга, *Пенелопа*, не забыла о немъ; что ее сватали сто жениховъ, но Пенелопа, не покидая надежды на возвращеніе Одиссея, уклонялась отъ предложеній, требуя отсрочки, покуда не соткетъ широкое брачное платье, — ночью же она порола, что днемъ оканчивала.

Аѳина обратила Одиссея въ нищаго, никто не узналъ его, только состарѣвшаяся собака привѣтливо ласкалась къ нему и околѣла. Между тѣмъ женихи, давно уже пировавшіе и безчинствовавшіе въ хоромахъ Одиссея, потребовали рѣшительнаго отвѣта, Пенелопа предложила имъ изъ тугаго лука Одиссеева пустить стрѣлу черезъ ушки 12 топоровъ, какъ это часто дѣлывалъ ея супругъ. Сваты не могли и натянуть лука. Одиссей просилъ позволить ему попытаться. Посмѣялись надъ нищимъ: но Одиссей натянулъ лукъ, стрѣла прошла черезъ всѣ ушки, а другими онъ убилъ всѣхъ жениховъ при помощи своего сына *Телемака*, свинопаса и пастуха. — Пенелопа спала во время убійствъ. Очистивши дворецъ отъ труповъ, Одиссей призвалъ супругу въ палату и открылся ей. Долго Пенелопа не вѣрила его словамъ, но онъ сказалъ ей тайну, которую могъ знать только Одиссей; тогда она убѣдилась и не помнила себя отъ радости. Обезоруживши гнѣвъ боговъ своими долгими страданіями, Одиссей счастливо дожилъ до глубокой старости.

ОЧЕРКИ И ЖИЗНЕОПИСАНІЯ ИЗЪ ИСТОРІИ ГРЕЦІИ.

ЛИКУРГЪ. ВОСПИТАНІЕ И БЫТЪ СПАРТАНЦЕВЪ.

Греція раздѣляется горами на множество отдѣльныхъ долинъ и мѣстностей, и греческій народъ вслѣдствіе того распался на много племенъ. Племена эти враждовали между собою, одно подчиняло себѣ другое. Такъ черезъ сто лѣтъ послѣ Троянской войны часть южнаго полуострова Греціи — *Пелопоннеса* (Мореи)—завоевало племя *Дорянъ*.

Они построили городъ *Спарту* и образовали государство, почему стали называться *Спартанцами;* изъ туземныхъ жителей одни покорились добровольно и сохранили тѣмъ свое имущество и свободу — *Лакедемоняне*, другіе неоднократно возставали и упорно сопротивлялись, за что ихъ обратили въ рабовъ — *Илоты*. Но опредѣленныхъ законовъ въ Спартѣ не существовало. Спартанцы спорили между собою и противники часто доходили до кровопролитія.

При одной такой схваткѣ былъ зарѣзанъ ножемъ отецъ *Ликурга* (888 л. до Р. Х.). Старшій братъ Ликурга, наслѣдовавшій престолъ, вскорѣ умеръ, оставивъ малолѣтняго сына.

Ликургъ, какъ дядя, сдѣлался опекуномъ царя. Царица хотѣла умертвить сына и уговаривала Ликурга жениться на ней. Съ негодованіемъ отвергъ онъ это гнусное предложеніе. Чтобы отмстить Ликургу, царица и ея родственники клеветали на него и возстановили противъ него народъ. Ликургъ рѣшился оставить отечество и отправился путешествовать. Онъ посѣтилъ островъ *Критъ*, также населенный Дорянами, у которыхъ племенные обычаи вполнѣ сохранились. Всѣ Доряне на островѣ составляли какъ бы одно семейство и обѣдали вмѣстѣ за общимъ столомъ. Устройство Крита чрезвычайно славилось и, по повѣрію Грековъ, древній царь Критскій *Миносъ* былъ сдѣланъ по смерти судьею въ Адесѣ. Изъ Крита Ликургъ поѣхалъ къ соплеменникамъ въ Малую Азію (гдѣ Греки населили весь западный берегъ). Здѣсь онъ познакомился съ бытомъ этихъ богатыхъ торговцевъ и собралъ ходившія по рукамъ пѣсни Гомера (Иліаду и Одиссею).

Во время десятилѣтняго отсутствія Ликурга, въ Спартѣ продолжались прежніе раздоры, наконецъ его просили возвратиться. По прибытіи въ Спарту, Ликургъ рѣшился привести устройство государства и всю жизнь Спартанцевъ въ неизмѣнный порядокъ. Не довѣряя себѣ, онъ предварительно обратился къ Дельфійскому оракулу съ вопросомъ, благими ли окажутся его законы для Спарты, и получилъ утѣшительный отвѣтъ: «Ликургово устройство будетъ для Спарты наилучшее». Тогда только онъ обнародовалъ свои распоряженія, затѣмъ взялъ съ Спартанцевъ клятвенное обѣщаніе ничего не измѣнять до его возвращенія и оставилъ Спарту. Онъ умеръ на чужбинѣ, а чтобы соотечественники не могли бы привести его трупъ въ Спарту и тѣмъ считать себя свободными отъ клятвы, Ликургъ, умирая, приказалъ сжечь его и бросить пепелъ въ море.

На основаніи древнихъ обычаевъ и законовъ Ликурговыхъ (888 л. до Р. Х.), вся жизнь Спартанцевъ пришла въ состояніе, которое она сохранила надолго, хотя впослѣдствіи и сдѣланы были нѣкоторыя измѣненія и важныя новыя постановленія.

Спартанцы имѣли *двухъ царей*, происходившихъ отъ предводителя Дорянъ при завоеваніи Спарты, но, не смотря на это общее происхожденіе, цари безпрестанно враждовали между собою; эти два царскія поколѣнія не роднились даже одно съ другимъ и имѣли каждое особое кладбище. Цари были предводителями Спартанцевъ на войнѣ, творили судъ въ мирное время и приносили за весь народъ жертвы богамъ. За это они получали шкуры пожертвованныхъ животныхъ, а на войнѣ и часть мяса. Отъ опоросившихся свиней имъ каждый разъ давали одного поросенка. Съ уродливымъ тѣлосложеніемъ нельзя было наслѣдовать престола; наслѣдникомъ царя считался только сынъ, родившійся уже по вступленіи отца на престолъ. Доходы получали цари въ видѣ податей съ земель Лакедемонянъ; въ Спартѣ они имѣли два дома и получали припасы отъ государства. Царей окружала дума (совѣтъ) изъ старцевъ (*герусія*); для рѣшенія важныхъ вопросовъ собирался весь народъ на вѣче (*экклесія*). Это государственное устройство не измѣнялось: остались *два царя*, осталась и дума изъ старцевъ, и вѣче. Ликургъ только опредѣлилъ, чтобы въ *герусіи* были постоянно 28 членовъ, избираемыхъ народнымъ вѣчемъ (*экклесіею*) изъ старцевъ не моложе 60 лѣтъ. Разъ избранные оставались въ герусіи до смерти. Самое избраніе *геронтовъ* происходило слѣдующимъ образомъ. Черезъ толпу собравшагося народа проходили домогавшіеся этого званія въ порядкѣ, заранѣе опредѣленномъ по жребію. Возлѣ экклесіи было закрытое зданіе, въ которомъ находилось нѣсколько нарочно избранныхъ человѣкъ, которые слышали голоса, но ничего не видѣли; порядокъ, въ которомъ проходили домогавшіеся мѣста въ герусіи былъ имъ также неизвѣстенъ. Народъ встрѣчалъ проходившихъ съ бо̀льшимъ или мѐньшимъ радостнымъ крикомъ; заключенные въ зданіи отмѣчали, котораго по числу принялъ народъ съ наибольшимъ шумомъ, и тотъ считался избраннымъ въ герусію. Къ народному вѣчу (экклесіи) принадлежалъ всякій Спартанецъ съ тридцатилѣтняго возраста. Обо всѣхъ вопросахъ дѣлались герусіею пред-

ложенія народному вѣчу, оно ихъ принимало или отвергало просто крикомъ, а не по счету голосовъ или поднятыхъ рукъ. Только въ сомнительныхъ случаяхъ собраніе расходилось на двѣ стороны. Экклесія не имѣла права обсуживать или измѣнять предложенія герусіи. Такъ постановилъ Ликургъ.

Всѣ занятія, весь образъ жизни народа Ликургъ навсегда опредѣлилъ неизмѣннымъ закономъ. Спартанцы принадлежали не себѣ, не семейству, а государству. Государство всѣхъ надѣляло землею. *Спартанцы* получали бо̀льшіе участки, *Лакедемоняне* меньшіе; *Илоты*, какъ рабы, воздѣлывали землю Спартанцевъ. Государство рѣшало при рожденіи жить или не жить ребенку. Новорожденныхъ осматривали общинные старшины; если ихъ находили слабосильными или уродливыми, то приговаривали къ голодной смерти. Въ горѣ *Тайгетъ* было отведено особое мѣсто для такъ называемой *высадки* (апоѳеты). Только здоровыхъ и хорошо сложенныхъ дѣтей позволялось воспитать. Мальчики до семи лѣтъ оставались въ домѣ родителей; съ этого же возраста ихъ отбирали и воспитывали всѣхъ вмѣстѣ на счетъ государства, стараясь пріучить ихъ къ лишеніямъ и приготовить хорошихъ воиновъ. По этому ихъ преимущественно занимали тѣлесными упражненіями (гимнастикою); учили бѣгать, прыгать, бороться, бросать дискъ и метать копья, точно также упражняли ихъ и въ употребленіи оружія. Изъ гимнастическихъ упражненій исключался кулачный бой, какъ пристойный только бойцамъ (атлетамъ), а не воинамъ. Забавою служила чрезвычайно быстрая пляска въ полномъ вооруженіи; къ ней, говорятъ, пріучали уже пятилѣтнихъ дѣтей. Гимнастикою занимали въ Спартѣ и дѣвицъ.

Мальчики въ гимназіяхъ ходили необутые, съ открытою головою, въ легкой одеждѣ; съ 12 лѣтъ даже безъ плаща и зимою. Имъ давалось только по одному платью въ годъ. Прочіе Греки смѣялись надъ оборванными Спартанцами, они же этимъ гордились. Спали на сѣнѣ или соломѣ, а съ 15 лѣтъ

на тростникѣ, который должны были сами ломать въ рѣкѣ *Эвротасѣ*. Ихъ кормили дурно и мало, не давали наѣдаться досыта, и мальчики, чтобы не голодать, кражею сами добывали себѣ припасы; это допускалось, чтобы пріучать ихъ къ хитрости и изворотливости, но если кто попадался, того жестоко наказывали. Такъ мальчикъ, скрывшій украденную лисицу подъ плащемъ, при встрѣчѣ съ учителемъ своимъ, не показалъ вида, что звѣрь его кусаетъ, и упалъ мертвый, не испустивши звука. Вообще Спартанецъ не долженъ былъ чувствовать тѣлесной боли; ежегодно, для испытанія, бичевали юношей у жертвенника Артемиды, сѣкли ихъ до крови, но постыднымъ считалось произнести жалобный крикъ или просить пощады; выдержавшій болѣе другихъ ударовъ восхвалялся какъ побѣдитель (вомоникъ). Случалось, что мальчики умирали подъ бичемъ. Чтеніе и письмо не входили въ обязательное обученіе, законы Ликурговы оставались словесными, ихъ заучивали наизусть, для чего они были переложены въ стихи (ретры). Музыка служила для оживленія любви къ отечеству и воинственности. Мальчики обучались не только игрѣ на флейтѣ и киѳарѣ, но и пѣнію, однако исключительно религіозныхъ и военныхъ пѣсней (гимновъ).

Умственныя способности, по убѣжденію Спартанцевъ, достаточно развивались самою жизнью и въ ежедневномъ быту. По этому собственно училищъ, въ нашемъ смыслѣ, въ Спартѣ не было. Но мальчиковъ часто приводили въ общество взрослыхъ мужчинъ, чтобы слушать ихъ бесѣды, то касавшіяся государственныхъ дѣлъ, военныхъ подвиговъ, разныхъ лицъ и дѣяній, то состоявшія въ шуткахъ и острыхъ замѣчаніяхъ собесѣдниковъ. Взрослые, разговаривая между собою, обращались и къ мальчикамъ, спрашивали ихъ мнѣнія, старались озадачить вопросами, трунили надъ ними и пріучали ихъ къ быстрымъ и рѣзкимъ отвѣтамъ, не допускали пустословія и заставляли скоро и въ немногихъ словахъ высказывать многое. По этому находчивостью и остротою въ отвѣтахъ — *лаконизмомъ*—прославились Спартанцы. Когда въ Грецію втор-

глось огромное персидское войско и испуганный Грекъ сказалъ Спартанцу, будто Персовъ столько, что они стрѣлами затмятъ солнце, тотъ отвѣтилъ: «въ тѣни будемъ сражаться!»

Съ 20 лѣтъ Спартанецъ вступалъ въ войско, но обязательныя гимнастическія упражненія продолжались до 30 лѣтъ; только съ этого года они считались мужами и могли зажить своимъ домомъ. Жениться, однако, позволялось и раньше. Общественныя и государственныя обязанности занимали въ жизни Спартанца первое мѣсто, семейныя только второе. Всѣ Спартанцы составляли одно войско и Спарта нѣсколько походила на военный станъ. Мужчины обѣдали не дома, а въ *артеляхъ* (обыкновенно по пятнадцати товарищей) за общимъ столомъ (*сисситіи*); послѣ двадцати лѣтъ это было для всѣхъ обязательно. Въ этихъ артеляхъ (товариществахъ) участвовали и цари, получавшіе столъ отъ государства. Прочіе должны были ежемѣсячно на общественный столъ доставлять опредѣленное количество мяса, муки или овсяныхъ крупъ, сыру, фигъ, вина и небольшую сумму деньгами. Кушанья были неизысканныя, главное ежедневное блюдо состояло изъ отвара мяса въ крови, приправленнаго только уксусомъ и солью — *черная спартанская похлёбка*. Каждый получалъ опредѣленную порцію; ячменнаго хлѣба могли ѣсть, сколько угодно; вдоволь подавалось и вина, но напиваться считалось позорительнымъ. Закуска состояла изъ сыра, оливъ и фигъ. Могли своихъ товарищей угощать и прибавочнымъ блюдомъ—дичью, или рыбою, или пшеничнымъ хлѣбомъ. Такія пожертвованія налагались иногда въ видѣ пени за маловажные проступки, но чаще бывали добровольныя.

По уставу Ликургову всѣ Спартанцы, и богатые, и бѣдные, одѣвались одинаково; они хвастали своими дурными сорочками (трибонами). Отроки и юноши должны были ходить босоногіе, но большею частію дѣлали это и взрослые: — подвязывали *сандаліи* только отправляясь на торжество или на войну. Столь же просты были и жилища Спартанцевъ. Ликургъ предписалъ строить дома однимъ топоромъ и пилою.—

Охота и боевыя упражненія были главными занятіями *Спартанца;* ремесла и торговля предоставлялись *Лакедемонянамъ*, а земледѣліе рабамъ—*Илотамъ*.—Чтобы навсегда сохранить простоту нравовъ и отвратить роскошь, запрещено было употребленіе драгоцѣнныхъ металловъ, въ торговлѣ мѣняли товаръ на товаръ и приплачивали недостающее желѣзными деньгами. Не только золотыя и серебрянныя деньги были запрещены; но желѣзныя, имѣвшія сначала видъ кусковъ, потомъ круглыхъ лепешекъ, сдѣланы малоцѣннѣе тѣмъ, что раскаленное желѣзо погружали въ уксусъ, отчего оно становилось негодно на какое нибудь другое употребленіе. Для небольшой суммы нуженъ былъ возъ этой монеты. Чтобы никто не знакомился съ другими наслажденіями жизни, Спартанцамъ было запрещено ѣздить въ чужіе края безъ особаго разрѣшенія. Выселяться изъ Спарты запрещалось подъ смертною казнью. Иноземцы также не принимались въ Спарту на поселеніе, а временно пребывавшіе находились подъ строгимъ надзоромъ.

Отъ всѣхъ этихъ стѣсненій Спартанецъ освобождался только на войнѣ; къ ней по этому готовились какъ на праздникъ. Выступали въ багряныхъ плащахъ, чтобы не видно было льющейся крови, убравъ волосы и бороду, и подъ звуки флейтъ и киѳаръ припѣвали военныя пѣсни. Мечи у Спартанцевъ были короткіе, чтобы стать ближе къ врагу. Почетною считалась рана на груди; только трусъ могъ получить рану сзади. Бѣглецъ подвергался общему презрѣнію. «Съ нимъ или на немъ», говорила Спартанская мать, передавая щитъ выступавшему на войну сыну. Застольные товарищи стояли вмѣстѣ и на ратномъ полѣ, въ сомкнутыхъ рядахъ. Спартанцы никогда не колебались и не отступали; они или одерживали побѣду, или падали на мѣстѣ. Имена павшихъ сохранялись на памятникахъ. Спарта не имѣла стѣнъ; по словамъ Ликурга, храбрость гражданъ должна была служить оплотомъ городу.

АРИСТОДЕМЪ И АРИСТОМЕНЪ. ПЕРВЕНСТВО СПАРТАНЦЕВЪ ВЪ ПЕЛОПОННЕСѢ. СПАРТАНСКАЯ АРИСТОКРАТІЯ.

Спартанцевъ съ малолѣтства готовили къ войнѣ, и странно бы было ожидать, что они будутъ жить въ мирѣ съ сосѣдями. Притомъ съ увеличеніемъ населенія черезъ столѣтіе послѣ Ликурга, имъ стало тѣсно на родинѣ, по нѣскольку семействъ должны были прокармливаться съ одного и того же участка, новое же раздѣленіе возможно было только при завоеваніи новыхъ областей. Съ половины осьмаго столѣтія до Р. Х. начались нападенія на западныхъ сосѣдей — *Мессенцевъ:* Мессенія была воздѣлана лучше *Лаконіи*, и Мессенцы были богаче Спартанцевъ. Сопротивленіе по этому было самое ожесточенное.

Первая Мессенская война (743 — 724) цѣлыя шесть лѣтъ была нерѣшительна, хотя происходили самыя кровопролитныя битвы. Наконецъ взяли верхъ Спартанцы, и Мессенцы, между которыми свирѣпствовалъ моръ, заключились въ нагорной крѣпости *Итомэ*. По предвѣщанію побѣда могла достаться Мессенцамъ, если они принесутъ въ жертву богамъ *Адеса* чистую дѣвицу. Дѣвица, на которую палъ жребій, бѣжала къ Спартанцамъ. Тогда выступилъ *Аристодемъ*, знатный родомъ и прославившійся подвигами, и предложилъ свою дочь на спасеніе отечества. Даже когда женихъ дочери противился приношенію ея въ жертву, отецъ самъ закололъ ее.

Цѣлыя пять лѣтъ Спартанцы, страшась оракула, не смѣли нападать. Отважное мужество показали они въ ожесточенномъ сраженіи на шестой годъ, но Итомэ стояла, хотя убитъ былъ царь Мессенскій. На престолъ возвели тогда Аристодема, и грозное его имя доставило Мессенцамъ новыя пять лѣтъ спокойствія.

Отчаявшись въ успѣхѣ, Спартанцы, на двадцатый годъ войны, отправили пословъ въ Дельфы за оракуломъ. Побѣда предвѣщалась тому, кто первый поставитъ 100 треножниковъ вокругъ жертвенника Зевса въ Итомэ. Притомъ пиѳія совѣтовала Спартанцамъ брать не силою, а хитростію. Мессенцы еще отдѣлывали деревянные треножники, между тѣмъ какъ Спартанецъ, приготовивъ 100 глиняныхъ и спрятавъ ихъ въ яхташъ, прокрался въ Итомэ и разставилъ треножники ночью въ храмѣ Зевса. Ужасъ напалъ на Мессенцевъ. Все предвѣщало паденіе города: слѣпой прорицатель снова прозрѣлъ, щитъ упалъ съ статуи Артемиды, собаки стаями подымали вой по ночамъ, назначенные въ жертву бараны бились такъ сильно объ жертвенникъ, что издыхали до закланія. Наконецъ самъ Аристодемъ увидѣлъ страшный сонъ: онъ былъ вооруженъ къ битвѣ и готовился предварительно принести жертву. Части жертвы уже разложены были на жертвенникѣ, вдругъ явилась его дочь въ черномъ платьѣ; медленно выступая, она указала на кровавыя раны, нанесенныя ей отцомъ. Она сбросила жертву съ алтаря, обезоружила отца и украсила его по Мессенскому погребальному обычаю короною и бѣлымъ саваномъ. — Считая погибель отечества рѣшенною богами, Аристодемъ въ отчаяніи лишилъ себя жизни на могилѣ дочери. Мессенцы упали духомъ. Итомэ взяли Спартанцы и принудили побѣжденныхъ половину сбора съ полей доставлять ежегодно въ Спарту (въ 724 г. до Р. Х.).

Невыносимо было иго Спартанцевъ; многіе Мессенцы переселились въ южную Италію (Регіумъ, Тарентъ); оставшіеся сорокъ лѣтъ терпѣли притѣсненія. Но подросло новое поколѣніе, которое желало возстановить прежнюю свободу. Неудовольствіе было всеобщее и нетрудно было приготовить возстаніе; нашелся и предводитель — *Аристоменъ*, юноша царскаго происхожденія и непоколѣбимой храбрости. Получивъ обѣщаніе въ помощи отъ сосѣдей, онъ поднялъ оружіе на властителей (въ 686 г. до Р. Х.).

Первые подвиги Аристомена навели страхъ на Спартанцевъ; онъ прокрался въ самую Спарту и въ храмѣ Аѳины повѣсилъ щитъ съ надписью: «даръ Аристомена въ память побѣды надъ Спартанцами». Оробѣвшіе Спартанцы обратились въ Дельфы и получили совѣтъ: просить полководца у Аѳинянъ. Аѳиняне, озадаченные этимъ требованіемъ, не желая содѣйствовать возвышенію Спартанцевъ, прислали имъ хромаго пѣвца *Тиртея*. Спартанцы сначала не обращали на него вниманія, но вдохновенными пѣснями Тиртей возстановилъ ихъ павшее мужество, и вскорѣ они стали считать его неоцѣненнымъ даромъ боговъ. Однако въ сраженіи при такъ называемой *могилѣ кабана* Спартанцы потерпѣли ужасное пораженіе. Много ихъ перебилъ Аристоменъ съ своимъ отрядомъ изъ 80 удальцовъ: но во время боя онъ потерялъ щитъ, а то рѣзня вышла бы еще ужаснѣе. Послѣ этой побѣды Аристоменъ ограбилъ два спартанскіе города и, узнавъ, что Спартанскія женщины собрались на праздникъ Деметры, онъ отправился захватить ихъ въ плѣнъ. Но жертвенными ножами и вертелами Спартанки побили Мессенцевъ, а на Аристомена онѣ напали съ зажженными факелами и схватили его живаго.

Однако верховная жрица выпустила его, утверждая, что онъ прожегъ веревки, которыми его связали. Аристоменъ въ туже ночь ушелъ въ Мессенію. Получивъ помощь отъ *Аркадянъ* (Аркадія лежала на сѣверъ отъ Мессеніи и Лаконіи), Аристоменъ надѣялся нанести Спартанцамъ рѣшительное пораженіе. Но послѣдніе подкупили царя Аркадскаго (Аристократа); въ битвѣ у *большаго рва* онъ ударился въ бѣгство, чѣмъ привелъ въ замѣшательство и Мессенцевъ. Спартанцы перебили многихъ. Съ остатками своего войска Аристоменъ заключился въ нагорной крѣпости *Ирѣ* (Эйра). Одиннадцать лѣтъ держался онъ здѣсь противъ Спартанцевъ, и до того тревожилъ ихъ опустошительными набѣгами, что они рѣшились оставить все сосѣдство невоздѣланнымъ.

За то Спартанцы зорко слѣдили за Аристоменомъ, и когда

онъ, избалованный постояннымъ успѣхомъ, сталъ слишкомъ удаляться отъ Иры, то при одной отважной вылазкѣ попалъ въ засаду. Упорно сопротивлялся онъ, ему нанесли много ранъ, наконецъ попали камнемъ въ голову: въ глазахъ у Аристомена потемнѣло, онъ упалъ и его схватили живаго. Привезши плѣннаго въ Спарту, его съ 50 товарищами бросили въ пропасть (*кэады*—глубокія ращелины Тайгета, куда Спартанцы бросали преступниковъ). Всѣ товарищи убились отъ паденія, одинъ Аристоменъ, подставивъ щитъ, достигъ живымъ дна пропасти (по сказанію будто бы орелъ поддерживалъ его на своихъ крыльяхъ при паденіи). Три дня провелъ онъ въ безвыходной ямѣ и, окутавъ голову въ плащъ, уже приготовлялся къ смерти. На третій день ему послышался шумъ, онъ раскрылъ лице и увидѣлъ лисицу, огрызавшую трупы. Аристоменъ осторожно подползъ, схватилъ лисицу за хвостъ, другою рукою подставлялъ кусающемуся животному плащъ, и благополучно дошелъ до норы, черезъ которую лисица проникла въ пропасть.

Спартанцы не вѣрили, что Аристоменъ возвратился въ Иру, но вскорѣ убѣдились, что царь Мессенскій спасся, когда онъ уничтожилъ цѣлый отрядъ спартанскій и убилъ начальника.

Совершивши этотъ подвигъ, Аристоменъ принесъ Зевсу *сотенную жертву* (гекатомфонія) по обычаю Мессенцевъ; три раза онъ такою жертвою торжествовалъ побѣду надъ врагами. Но въ одиннадцатый годъ войны совершилось паденіе Иры. Тяжко раненный Аристоменъ нѣкоторое время не могъ дѣлать обхода. Этимъ воспользовалась стража и въ ненастную, дождливую ночь всѣ воины сошли со стѣнъ. Спартанцы, узнавшіе о томъ отъ женщины, незамѣченные перешли стѣны, и только лай собакъ въ городѣ разбудилъ спавшихъ Мессенцевъ. Съ наступленіемъ дня началась ужасная рѣзня, женщины побивали враговъ камнями. Три дня продолжалось ожесточенное сопротивленіе. Дождь, громъ и молніи сопровождали паденіе Иры (668 г.).

Мессенцы были обращены въ Илотовъ, земли ихъ перешли къ Спартанцамъ. Аристомену и защитникамъ Иры дали свободное отступленіе; они переселились въ Силицію и построили Мессину. Самъ Аристоменъ померъ на островѣ Родосѣ.

Мессенскія войны подали поводъ къ окончательному возвышенію Спартанцевъ, которые обогатились отъ завоеваній. Спарта сдѣлалась сильнѣйшимъ государствомъ въ южной Греціи и принудила вскорѣ къ союзу съ собою всѣ пелопоннесскія области, за исключеніемъ одной сѣверовосточной—*Аргониды*. Во второй половинѣ VI ст. Спарта такимъ образомъ стала въ главѣ дорическихъ государствъ. Ея первенство—*гегемонія*—заключалось въ томъ, что она созывала сеймъ изъ союзниковъ, когда этого требовали общія дѣла; на сеймѣ Спарта предсѣдательствовала и исполняла его постановленія, назначала сколько денегъ и людей должно дать каждое союзное государство въ случаѣ общей войны, и предводительствовала союзною арміею. Въ то же самое время утвердилось внутри Спарты *господство аристократіи*.

Лакедемоняне и Илоты потеряли всякое значеніе, рѣшенія народнаго вѣча (экклесіи) стали необязательны, если герусія ихъ признавала «кривыми», власть царей также удалось Спартанцамъ ограничить. Продолжительность первой Мессенской войны заставила царей раздѣлить Спарту на 5 участковъ, и въ свое отсутствіе назначить въ каждый блюстителя—*эфора*, который слѣдилъ за точнымъ исполненіемъ законовъ всѣми гражданами.

Впослѣдствіи Спартанцы стали *избирать эфоровъ*; выборъ происходилъ ежегодно *изъ Спартанцевъ*, достигшихъ 30 лѣтъ. Наблюдая, какъ исполнялись всѣми законы, эфоры собственно управляли государствомъ. Оставалось только подчинить ихъ надзору и царей. Это было сдѣлано сто лѣтъ спустя послѣ второй Мессенской войны. Цари ежемѣсячно должны были поклясться эфорамъ, что не позволятъ себѣ уклоняться отъ существующихъ законовъ. Эфоры могли дѣлать царямъ замѣчанія, назначать денежныя пени, даже подвергнуть ихъ

заключенію. Точно также они могли до окончательнаго приговора отрѣшить отъ должности и прочія власти. Такимъ образомъ 5 эфоровъ властвовали въ Спартѣ, ихъ избирали Спартанцы, и каждый Спартанецъ могъ быть избранъ.

Слѣдовательно, вся власть была въ рукахъ Спартанцевъ, владѣвшихъ землею, составлявшихъ войско и занимавшихъ общественныя должности, т. е. богатыхъ, полноправныхъ гражданъ—*аристократовъ*. И такъ Спартанское государство было *монархіею* (единодержавіею) только по имени, а въ сущности *аристократіею*; богатые властвовали надъ бѣдными и присвоили себѣ всѣ права, которыхъ лишили послѣднихъ.

СОЛОНЪ. ДЕМОКРАТІЯ ВЪ АѲИНАХЪ.

Въ то время, когда на южномъ полуостровѣ—въ Пелопоннесѣ, пріобрѣли преобладаніе Доряне, основавшіе Спарту, въ такъ называемой средней Греціи—*Элладѣ* (на югъ отъ Ѳессаліи до Коринѳскаго перешейка), возвысились *Іоняне*. Они жили отдѣльными поколѣніями на восточномъ полуостровѣ—въ *Аттикѣ*, гдѣ возникъ городъ *Аѳины*.

Греческое преданіе считаетъ просвѣтителями племенъ разныхъ переселенцевъ изъ Египта, Финикіи и Малой Азіи. Одному изъ нихъ *Кекропсу* (изъ Египта) приписывается постройка замка (кекропіи), около котораго впослѣдствіи возникъ городъ Аѳины. Онъ будто засталъ жителей Аттики въ совершенно дикомъ состояніи,—они кормились желудями. Кекропсъ научилъ ихъ земледѣлію, привезъ маслину, уничтожилъ человѣческія жертвы и ввелъ браки (1).

---

(1) Другой переселенецъ, финикіянинъ *Кадмъ*, положилъ основаніе *Ѳивамъ*, въ Віотіи, и научилъ жителей винодѣлію, рудокопству, обработкѣ металловъ и буквенному письму. Въ *Аргосѣ* поселился *Данай* съ

Герой Тезей подчинилъ всѣхъ обитателей Аттики Аѳинянамъ, которые продолжали считаться *лучшими людьми* (*аристократами*) и впослѣдствіи; потомки ихъ гордились своимъ происхожденіемъ и называли себя *людьми родословными* (*эвпатридами*), своихъ родоначальниковъ они возвысили на степень героевъ. Прочіе жители Аттики, мало по малу вошедшіе въ Аѳинское государство, составляли *народъ* (*демосъ*), многіе изъ нихъ со временемъ переселились и въ городъ Аѳины. Послѣ Тезея Аѳинами продолжали править цари изъ его потомковъ. Но *знать* стала домогаться власти; это было невозможно при существованіи царей, а потому эвпатриды уничтожили это наслѣдственное званіе, и наконецъ стали ежегодно избирать изъ своего сословія по нѣскольку верховныхъ правителей—*архонтовъ*.

Объ уничтоженіи царской власти составилось сказаніе, что Доряне, первоначально жившіе въ Элладѣ, переходя въ Пелопоннесъ, на пути напали на Аттику, когда въ Аѳинахъ царствовалъ *Кодръ*. Такъ какъ по оракулу побѣдить должно было то войско, у котораго будетъ убитъ полководецъ, то Кодръ, переодѣтый въ дровосѣка, завязалъ ссору въ станѣ Дорянъ и въ схваткѣ лишился жизни (1068 г. до Р. Х.). Исполненіе оракула устрашило Дорянъ, они отступили; а Аѳиняне рѣшили, что послѣ такого царя никто недостоинъ носить царскій титулъ и поставили архонтовъ.

Одинъ архонтъ былъ опекуномъ малолѣтнихъ и сиротъ, другой завѣдывалъ общественными храмами и жертвоприношеніями, третій предводительствовалъ войскомъ, остальные завѣдывали судомъ. Каждый эвпатридъ на годъ могъ быть избранъ архонтомъ; такимъ образомъ знать имѣла въ своихъ рукахъ всю власть, весь судъ и расправу надъ *демосомъ*.

---

50 дочерьми изъ Египта, а черезъ полтораста лѣтъ (1350 г.) послѣ него явился *Пелопсъ* изъ Малой Азіи, онъ утвердилъ свое господство надъ всею южною Греціею—Пелопоннесомъ (т. е. островомъ Пелопса).

Со временемъ злоупотребленія и притѣсненія сдѣлались невыносимыми для демоса, и когда *демоты* стали многочисленны, а нѣкоторые изъ нихъ и богаты, то естественно они начали оказывать противодѣйствіе. Чтобы избавиться отъ произвола эвпатридовъ, они потребовали обязательныхъ неизмѣнныхъ законовъ.

Собраніе и обнародованіе всѣхъ обыкновеній и правилъ, которыхъ держались до сихъ поръ эвпатриды при своемъ управленіи, было поручено архонту *Драконту* (624 г. до Р. Х.). Но этотъ первый писанный законъ былъ до того жестокъ, что его называли написаннымъ кровью. Драконъ принялъ за правило, что всякое преступленіе, уже какъ неисполненіе закона, заслуживаетъ смертной казни. Строгость этихъ законовъ немного разнилась отъ прежнихъ произвольныхъ притѣсненій, и неудовольствіе демотовъ оставалось прежнее. Пользуясь имъ, честолюбивые люди при помощи разныхъ обѣщаній могли подстрекать демотовъ (*демагоги*) къ возстанію, и при ихъ содѣйствіи домогаться самовластія (*тиранніи*). Необходимо было устранить причины неудовольствія, чтобы доставить государству спокойствіе. Нужно было иначе опредѣлить права и отношенія эвпатридовъ и демотовъ. Это возложили въ 594 году на архонта *Солона*.

Солонъ былъ одинъ изъ потомковъ *Кодра*. Онъ въ молодости занимался торговлею и на своихъ корабляхъ плавалъ въ отдаленныя страны. Получивъ отличное по тому времени образованіе, онъ повсюду старался пріобрѣтать полезныя свѣдѣнія; по его убѣжденію человѣку слѣдуетъ учиться до старости. Умъ и знаніе доставили ему мѣсто между семью мудрецами греческаго народа. Онъ рѣшился властвованіе немногихъ (*олигархію*) замѣнить самоуправленіемъ всего народа (*демократіею*).

Онъ уничтожилъ уставъ Дракона, кромѣ законовъ, относившихся до смертоубійства. Главная цѣль Солона была освободить демотовъ отъ зависимости эвпатридовъ. Эвпатриды лихоимствовали, брали страшные проценты и, имѣя всю

власть въ государствѣ, за неуплату долговъ обращали должниковъ демотовъ въ рабство. Солонъ перечеканилъ монету и далъ ей меньшую стоимость; этимъ сокращались долговыя суммы; затѣмъ онъ освободилъ всѣхъ закабаленныхъ за долги и запретилъ впредь лишать свободы несостоятельныхъ должниковъ.

Кромѣ этихъ *льготъ* (*сисахѳіи*) въ пользу должниковъ, Солонъ уничтожилъ различіе гражданъ по происхожденію и *раздѣлилъ всѣхъ по доходу на четыре класса*. Только первые три класса могли по выбору служить въ разныхъ должностяхъ, за что въ Аѳинахъ не полагалось никакого жалованья. Къ войску они должны были являться тяжеловооруженными (*гоплитами*). Второй классъ составлялъ конницу. Члены четвертаго класса имѣли входъ въ народное вѣче, но другія званія были имъ недоступны; на войнѣ они служили легковооруженными, а впослѣдствіи и на флотѣ матросами.

Утвержденіе законовъ, объявленіе войны, заключеніе союзовъ и договоровъ, распредѣленіе податей и т. д. — однимъ словомъ всѣ важные вопросы государственнаго управленія рѣшались въ общемъ собраніи всѣхъ гражданъ, въ народномъ вѣчѣ (*экклесіи*). Экклесія не была однако полновластна, она только рѣшала окончательно вопросы; обо всемъ же предварительно составлялъ предложенія и обсуживалъ ихъ *совѣтъ* (*вулэ*), составленный по выбору изъ первыхъ трехъ классовъ. Совѣтъ (имѣвшій 400, потомъ 500 членовъ) раздѣлялся на комитеты (*пританеи*), которые смѣнялись по очереди для ежедневныхъ засѣданій. Каждое засѣданіе начиналось жертвоприношеніемъ Зевсу и Аѳинѣ. Предложеніе вулэ, утвержденное экклесіей, дѣлалось уже закономъ. Исполненіе затѣмъ было возложено на девять ежегодно избиравшихся архонтовъ, изъ которыхъ каждый вѣдалъ особую часть. По имени перваго архонта назывался весь годъ управленія.

Обыкновенныя тяжебныя дѣла рѣшались судами присяжныхъ (*геліастовъ*), въ которые выбирались граждане не моложе 30 лѣтъ изъ всѣхъ четырехъ классовъ по жребію. Ихъ

бывало въ Аѳинахъ до 6000 человѣкъ. Присяжные (геліасты) клялись Зевсу, Посейдону и Деметрѣ: «что будутъ судить по законамъ экклесіи и рѣшеніямъ вулэ, будутъ препятствовать самоуправству одного (тиранніи) или немногихъ (олигархіи); будутъ противиться всякому предложенію объ уничтоженіи долговъ или раздѣленіи всѣхъ земель поровну; противъ законовъ никого не осудятъ на изгнаніе, точно также какъ и не разрѣшатъ возвращенія въ отечество изгнанникамъ; не дозволятъ никому занять по нѣскольку должностей разомъ, или вступить въ новую должность тому, который не отдалъ еще отчета по старой; не станутъ брать подарковъ, а истца и обвиненнаго выслушаютъ безъ пристрастія».

Члены вулэ за добросовѣстное исполненіе своихъ обязанностей награждались вѣнками, а заслуженные архонты поступали въ *Ареопагъ* на всю жизнь. Ареопагъ, древнѣйшее судилище, засѣдавшее на холмѣ Ареса (Арео-пагъ), преслѣдовало особенно тяжкія преступленія: убійство, поджигательство, отравленія, нарушеніе уставовъ религіи. Онъ слѣдилъ за дѣятельностію архонтовъ и нравственностью всѣхъ гражданъ. Такъ Ареопагъ разъ приговорилъ мальчика, выколовшаго глаза перепелкѣ, къ смерти, потому что такой человѣкъ, приходя въ возрастъ, будетъ губить уже своихъ согражданъ. Засѣданія этого суда происходили въ послѣдніе три дня каждаго мѣсяца и, какъ говорятъ, ночью, въ темнотѣ, чтобы жалостный видъ подсудимаго не расположилъ судей въ его пользу. Обвиненіе дѣлалось въ самыхъ краткихъ и рѣзкихъ выраженіяхъ. Судьи записывали свой приговоръ на черепкахъ, которые они бросали или въ урну помилованія, или въ урну смерти. Если и въ той, и другой было одинаковое число черепковъ, то въ урну помилованія бросался бѣлый камушекъ богини Аѳины въ пользу подсудимаго (1).

(1) Этотъ обычай имѣлъ слѣдующее миѳологическое объясненіе. Клитемнэстра умертвила своего супруга Агамемнона, возвратившагося изъ

Наконецъ, чтобы прочнѣе обезпечить спокойствіе государства, отнять возможность у честолюбцевъ (демагоговъ) пріобрѣтать обѣщаніями приверженцевъ, составлять себѣ партію и при содѣйствіи ея домогаться самовластія (тиранніи), рѣшено было лицъ, казавшихся опасными для государства, приговаривать въ экклесіи къ изгнанію по большинству голосовъ, которые записывались на черепкахъ (остракисъ, отсюда *остракизмъ*).

Но Солонъ не только опредѣлилъ дѣятельность властей и права гражданъ въ государствѣ, онъ издалъ и законы относительно частнаго быта Аѳинянъ. Всякій Аѳинянинъ могъ свободно распоряжаться своимъ имуществомъ, завѣщать его кому пожелаетъ, если не было дѣтей. Родителямъ запрещалось отдавать своихъ дѣтей въ обезпеченіе долга или продавать ихъ; малолѣтніе не могли быть произвольно лишены наслѣдства. Родители должны были давать своимъ дѣтямъ воспитаніе по средствамъ, иначе дѣти не обязаны были содержать ихъ въ старости. Ремесла и мелочную торговлю Греки вообще считали поносительными и предоставляли боль-

---

подъ Трои, но сама впослѣдствіи пала жертвою кровной мести отъ руки своего сына *Ореста*. За убійство матери Орестъ былъ обреченъ богами въ добычу *фуріямъ*, которыя не давали ему ни покоя, ни отдыха, повсюду преслѣдуя его на своихъ желѣзныхъ ногахъ. Ужасенъ былъ ихъ видъ: вмѣсто волосъ голова ихъ была покрыта шипящими змѣями, костлявыми руками онѣ держали тускло горѣвшіе факелы, мрачная блѣдность покрывала ихъ лица. Съ этими то чудовищами Аѳина разсудила Ореста, упавшаго отъ изнеможенія у ея жертвенника. Богиня на Аресовомъ холмѣ (Марсовомъ полѣ—Ареопагѣ) собрала старцевъ Аѳинскихъ въ судъ; имъ принесли свои жалобы фуріи, передъ ними защищался Орестъ. На помилованіе и на казнь оказалось одинаковое число приговоровъ; тогда сама Аѳина въ пользу Ореста положила бѣлый камушекъ; онъ освободился отъ фурій. Съ тѣхъ поръ существовалъ въ Аѳинахъ Ареопагъ, и оттуда бѣлый камушекъ помилованія.

шую часть этихъ занятій рабамъ. Солонъ даже запретилъ свободнымъ гражданамъ приготовлять и продавать мази. Вооружался онъ и противъ роскоши, законы его опредѣляли цѣнность одежды, расходы при свадьбахъ и погребеніяхъ. Запрещены были слишкомъ дорогіе могильные памятники и неистовство при оплакиваніи покойниковъ.

Такимъ образомъ законодательство Солона представляетъ полное, стройное цѣлое. Народная экклесія приняла законы на десятилѣтнее испытаніе, по древнему обычаю. Они были написаны на деревянные цилиндры и поставлены въ замокъ города подъ охраненіе Аѳины; къ законамъ допускали всякаго желавшаго подлинно узнать ихъ. Чтобы освободиться отъ замѣчаній и требованій относительно исправленія своихъ законовъ, Солонъ по истеченіи своего архонтства оставилъ Аѳины и предался опять своей страсти путешествовать.

Особенно прославилось его посѣщеніе *Креза*, царя Лидійскаго (въ Малой-Азіи). Обладая несмѣтными сокровищами, которыми Крезъ надѣялся изумить Солона, онъ предложилъ ему вопросъ: кого онъ считаетъ счастливымъ? Солонъ назвалъ Аѳинскаго гражданина (Теллуса), видѣвшаго своихъ внуковъ и умершаго героемъ за отечество. «А послѣ него?» спросилъ Крезъ. Солонъ привелъ двухъ юношей (Клеовиса и Витона), побѣждавшихъ на многихъ играхъ и умершихъ, обнаруживъ самую нѣжную привязанность къ своей матери. Но царь обидѣлся, что Солонъ его сопоставлялъ съ простыми гражданами. Греческій мудрецъ на это замѣтилъ: «О Крезъ, человѣкъ игрушка случая, судьба завистлива и счастіе измѣнчиво. Считаю я вѣкъ человѣка въ 70 лѣтъ, а это составляетъ 26,250 дней, и въ каждый можетъ случиться что либо неожиданное. Ты богатъ и могущественъ, но счастливымъ не могу я тебя назвать, не узнавши, чѣмъ кончилъ ты жизнь.» Мы увидимъ, какъ сбылось предчувствіе Солона.

Черезъ 10 лѣтъ Солонъ воротился въ отечество, но борьба партій въ Аѳинахъ заставила его искать уединенія, въ кото-

ромъ онъ и померъ. Еще при жизни Солона, другъ его *Писистратъ* достигъ тиранніи *въ Аѳинахъ*.

ТИРАННІЯ ПИСИСТРАТА.

Не смотря на достоинство законовъ Солона, много было недовольныхъ ими. Ожидали полнаго обезпеченія своего существованія отъ этого законодательства. Хлѣбопашцы въ равнинѣ Аттики требовали одного, другаго желали пастухи въ горахъ, къ иному стремились береговые рыболовы. Особенно недовольны были всѣ бѣдные, они надѣялись отъ Солона равнаго надѣла всѣхъ землею, прямаго доставленія средствъ къ жизни. Ихъ скорѣе всего можно было увлечь къ насиліямъ: въ настоящемъ имъ нечѣмъ было дорожить, а отъ будущаго можно было всего надѣяться. Нетрудно было *демагогамъ* составлять партіи и еще при жизни Солона началась открытая борьба между нѣсколькими демагогами.

Самый даровитый и рѣшительный между ними былъ *Писистратъ*, героемъ-праотцомъ его рода считали сладкорѣчиваго Нестора, онъ и самъ отличался даромъ слова. Владѣя значительными помѣстьями, Писистратъ обѣими руками раздавалъ деньги, его дома были открыты всѣмъ, въ его садахъ не было стражи, онъ былъ чрезвычайно общителенъ съ бѣдными, указывалъ имъ на жалкое ихъ положеніе въ настоящемъ и на необходимость перемѣнъ въ будущемъ. Привязавъ къ себѣ этими средствами пастуховъ, дровосѣковъ и виноградарей горной мѣстности, Писистратъ рѣшился завладѣть Аѳинами. Раненный, на окровавленной колесницѣ, онъ разъ въѣхалъ на рынокъ, кипѣвшій народомъ, и съ увлекательнымъ краснорѣчіемъ разсказалъ обступившей его толпѣ, что едва спасся отъ убійцъ, подосланныхъ его противниками, которые стараются его погубить, чтобы не дать осуществиться его предложеніямъ въ пользу бѣднаго народа.

Тутъ же, когда народъ находился еще подъ впечатлѣніемъ его жалобъ, одинъ изъ его приверженцевъ громогласно предложилъ дать Писистрату, мученику за дѣло бѣдныхъ, охранительную стражу противъ покушеній на его жизнь. Народъ далъ ему отрядъ изъ 50 человѣкъ, которыхъ однако, не вполнѣ довѣряя Писистрату, вооружили только дубинами. Увеличивъ мало по малу ихъ число, Писистрату удалось напасть на замокъ (Акрополь) и завладѣть Аѳинами (560 г. до Р. Х.).

Вскорѣ всѣ другія партіи соединились противъ него; его изгнали изъ Аѳинъ и, только вступивъ въ родство съ другимъ демагогомъ, ему опять удалось достигнуть власти. При помощи хитрости ввели Писистрата въ городъ. Наступило одно изъ празднествъ въ честь Аѳины, при которомъ отправлялось изъ окрестностей торжественное шествіе въ городъ, въ главѣ этого шествія везли на колесницѣ женщину высокаго роста въ полномъ вооруженіи, представлявшую саму богиню. Съ этимъ шествіемъ, котораго никто не осмѣлился остановить, стоя на колесницѣ возлѣ богини, возвратился Писистратъ въ Аѳины. Но согласіе между противниками продолжалось недолго; опасаясь ихъ замысловъ, Писистратъ бѣжалъ изъ Аѳинъ, и по удаленіи ему запретили возвращаться въ Аттику.

Онъ удалился на островъ *Эвбею* (Негропонтъ) и прожилъ здѣсь 10 лѣтъ. Въ теченіе этого времени онъ приготовилъ средства къ покоренію Аѳинъ. На одиннадцатый годъ онъ переправился черезъ проливъ съ пѣхотою и конницею и утвердился станомъ при *Марафонѣ*. Медленно подвигался онъ къ Аѳинамъ. Войско, высланное къ нему на встрѣчу, онъ настигъ врасплохъ послѣ пиршества и разогналъ его, не проливая крови. Въ третій разъ вступилъ Писистратъ въ Аѳины уже съ наемнымъ войскомъ, часть эвпатридовъ бѣжала изъ Аттики, отъ прочихъ семействъ знати онъ отобралъ сыновей въ залогъ вѣрности. Обезпечивъ себя такимъ

образомъ, онъ спокойно правилъ Аѳинами до смерти (528 г. до Р. Х.).

Устройство и законы Солоновы онъ оставилъ неприкосновенными. Писистратъ заботился объ облегченіи участи бѣдныхъ, надѣлилъ ихъ землею, проводилъ дороги, украсилъ городъ храмами и старался сдѣлать Аѳины средоточіемъ умственной дѣятельности Грековъ. Для этой цѣли онъ строилъ училища—*гимназіи*, гдѣ аѳинскіе отроки не только упражнялись въ гимнастикѣ, но обучались и краснорѣчію, изучали поэмы Гомера, наставлялись въ музыкѣ, которую Аѳиняне считали необходимымъ предметомъ обученія. Сократъ даже въ старости сталъ учиться игрѣ на флейтѣ, а Ѳемистокла упрекали въ томъ, что онъ не умѣлъ играть на лирѣ. Писистратъ пригласилъ въ Аѳины знаменитѣйшихъ ученыхъ своего времени, исправилъ и собралъ окончательно Гомеровы Иліаду и Одиссею, также поэмы и сочиненія остальныхъ знаменитыхъ писателей Греціи и такимъ образомъ составилъ первую *открытую библіотеку* въ Аѳинскомъ замкѣ. Писистратъ кротостью заставилъ Аѳинянъ забыть, какими средствами достигъ онъ власти, но сыновья его уже были склонны къ насилію. Одинъ изъ нихъ былъ умерщвленъ; другой изгнанъ и тираннія въ Аѳинахъ прекратилась.

ВОЗВЫШЕНІЕ ПЕРСОВЪ ВЪ АЗІИ. — КИРЪ, КАМБИЗЪ И ДАРІЙ ГИСТАСПЪ.

Приблизительно за 900 лѣтъ до Р. Х. *Иранъ*, т. е. страна на востокъ отъ Тигра до Инда, освободился отъ владычества Ассиріянъ; но племена, его населявшія, продолжали жить отдѣльными поколѣніями, и только около 700 г. до Р. Х. *Мидяне* (жившіе на югъ отъ Каспійскаго моря) подчинились власти одного лица. Первый царь (*Дейокъ*), чтобы удержать

народъ въ повиновеніи, окружилъ себя стражею изъ копейщиковъ. Онъ построилъ на холмѣ городъ *Экбатану* и избралъ его своимъ постояннымъ мѣстопребываніемъ. Семь стѣнъ, одна выше другой, окружали эту столицу. Стѣны были сложены изъ огромныхъ четыреугольныхъ каменныхъ глыбъ и имѣли разноцвѣтныя крыши; внутренняя стѣна имѣла позолоченную, слѣдующая за ней посеребрянную, а остальныя—выкрашенныя крыши.

Тотъ же царь ввелъ при дворѣ своемъ многосложные и строгіе обряды—*этикетъ*; самъ онъ не показывался народу и объявлялъ свои приказанія черезъ чиновниковъ; въ его присутствіи запрещено было смѣяться, словесныхъ жалобъ онъ ни отъ кого не принималъ, ихъ должны были подавать письменно, такимъ же образомъ получались и отвѣты на нихъ. Преемники его уже дѣлали завоеванія и при второмъ царѣ были покорены южные сосѣди Мидянъ—Персы.

Страна, которую занимали *Персы*, — въ южной прибрѣжной своей части знойна и безплодна, сѣверная же ея часть занята высокими горами и имѣетъ суровый климатъ; между этими двумя полосами лежатъ плодородныя долины съ здоровымъ воздухомъ. Жители этой мѣстности, Персы, были народъ трудолюбивый, неизнѣженный и воинственный. До двадцати лѣтъ они обучали своихъ дѣтей ѣздить верхомъ, стрѣлять изъ луковъ и говорить правду. При разнообразіи почвы одна часть народа занималась скотоводствомъ, другая земледѣліемъ. Жили они отдѣльными поколѣніями, и изъ самаго знатнаго колѣна (*Пасаргадовъ*) происходили князья (*Ахемениды*). Царь *Киръ* доставилъ своему народу независимость отъ Мидянъ (въ 560 г. до Р. Х.).

Разсказываютъ, что послѣднему мидійскому царю *Астіагу* приснилось, что изъ чрева его дочери выросло дерево, которое осѣнило своими вѣтвями всю Азію и его самого. По толкованію маговъ, этотъ сонъ предвѣщалъ рожденіе внука, который лишитъ Астіага престола. Мидійскій царь выдалъ по этому свою дочь за подвластнаго персидскаго князя, и прика-

залъ новорожденнаго ихъ сына предать голодной смерти. Вельможа *Гарпагъ*, получившій это приказаніе, поручилъ исполненіе его царскому пастуху, который подмѣнилъ Кира своимъ мертворожденнымъ ребенкомъ. Киръ выросъ у пастуха и отличался умомъ и ростомъ передъ всѣми сверстниками. Въ дѣтскихъ своихъ забавахъ они постоянно избирали его царемъ. Разъ въ игрѣ онъ наказалъ побоями сына знатнаго вельможи. Отецъ просилъ самого Астіага наказать за эту дерзость сына пастуха. Когда привели къ нему Кира, онъ понравился царю бойкими отвѣтами; Астіагъ замѣтилъ въ немъ сходство съ своею дочерью и оробѣвшій пастухъ признался въ подлогѣ. Астіагъ былъ очень радъ этому открытію, ибо маги увѣрили его, что сонъ сбылся — Киръ побылъ царемъ. Вскорѣ онъ чрезвычайно полюбилъ своего внука, но тѣмъ не менѣе считалъ необходимымъ наказать Гарпага за нерадивое исполненіе царскаго приказанія. Тайно онъ велѣлъ убить сына Гарпага и приготовить изъ него кушанье, пригласилъ отца къ царскому столу и послѣ обѣда показалъ ему окровавленную голову сына. Гарпагъ тайно поклялся мстить и выжидалъ удобнаго случая.

Между тѣмъ Астіагъ отправилъ Кира къ родителямъ въ Персію на воспитаніе, и по кончинѣ своего отца Киръ сталъ княземъ Персовъ, которые чрезвычайно его полюбили за мудрыя распоряженія, между тѣмъ какъ они ненавидѣли Астіага за его жестокость. На это расчитывалъ Гарпагъ, онъ возстановилъ противъ Астіага другихъ вельможъ и письмомъ, которое изъ предосторожности было зашито въ животъ зайца, убѣдилъ Кира пользоваться благопріятными обстоятельствами. Киръ, желая увѣриться въ привязанности къ нему Персовъ, созвалъ самыхъ знатныхъ и заставилъ ихъ очистить участокъ земли отъ пней и сорныхъ травъ, на другой же день онъ приказалъ имъ явиться въ праздничной одеждѣ и угостилъ ихъ роскошнымъ пиромъ. Когда затѣмъ Персы, спрошенные Киромъ, единогласно восхваляли послѣдній день, то Киръ сказалъ имъ, что стоитъ только освободиться изъ подъ власти

Мидянъ и тогда они будутъ вѣчно праздновать. Персы вооружились. Гарпагъ, высланный имъ на встрѣчу съ войскомъ, перешелъ на сторону Кира. Другое войско подъ начальствомъ самаго Астіага было разбито подъ стѣнами Экбатаны, столица была взята и Астіагъ попался въ плѣнъ. За эту-то побѣду Персы и прозвали своего царя-героя Киромъ, т. е. краснымъ солнышкомъ (560 г. до Р. Х.).

Переворотъ, произведенный Киромъ, возбудилъ опасенія въ государяхъ, правившихъ къ западу отъ Мидіи и Персіи. Мидія на западѣ доходила до средины Мало-Азійскаго полуострова, до рѣки *Галиса* (Кизиль-Ирмакъ), за которою жили *Лидяне*, образовавшіе здѣсь государство послѣ паденія Трои. Рѣку Галисъ приняли за границу между Мидіею и Лидіею еще при предшественникѣ Астіага, послѣ сраженія, прерваннаго затмѣніемъ солнца; а для скрѣпленія дружбы цари вступили въ родство. По этому лидійскій царь *Крезъ* вступился за низвергнутаго своего шурина Астіага. Готовясь къ войнѣ съ Киромъ, онъ хотѣлъ узнать волю боговъ и послалъ въ одинъ день пословъ въ разные греческіе храмы, приказавъ имъ въ сотый день послѣ отправленія спросить, что дѣлаетъ Крезъ въ этотъ день. Одинъ Дельфійскій оракулъ угадалъ, что Крезъ варитъ въ этотъ день баранину съ черепахою въ закрытомъ чугунномъ котлѣ. Обрадованный царь послалъ богатые дары въ Дельфы и сталъ имѣть большое довѣріе къ Пиѳіи. Ей предложилъ онъ теперь вопросъ, чѣмъ кончится война съ Киромъ, и получилъ отвѣтъ: «начавъ эту войну, ты уничтожишь большое государство». Увѣренный въ успѣхѣ, Крезъ въ третій разъ спросилъ, когда кончится его правленіе? Оракулъ изрекъ: «когда надъ Мидянами будетъ царствовать лошакъ, то обратись въ бѣгство». Успокоившись этимъ предвѣщаніемъ, Крезъ, заключившій союзъ съ Вавилономъ и Египтомъ, не дождался прибытія союзниковъ и перешелъ съ лидійскимъ войскомъ черезъ рѣку Галисъ. Битва съ Киромъ осталась нерѣшительною, но Крезъ тѣмъ не менѣе считалъ походъ конченнымъ и распустилъ свое войско до слѣ-

дующей весны. Этимъ воспользовался Киръ; онъ неожиданно вернулся и явился передъ столицею Лидіи—*Сардесомъ*, взялъ городъ и захватилъ въ плѣнъ самого Креза (546 г. до Р. Х.) (1).

Покоривъ Лидію, Киръ обратился противъ Грековъ, поселенія которыхъ занимали весь западный берегъ Малой Азіи. Еще до начала войны съ Лидіею, онъ требовалъ отъ нихъ помощи противъ Креза, но получилъ отказъ. Когда же теперь они сами предложили ему дружбу, онъ отвѣтилъ греческимъ посламъ притчею: — «Долго сидѣлъ рыбакъ у берега и насвистывалъ на дудочкѣ рыбамъ къ пляскѣ. Но рыбы не явились; онъ выкинулъ сѣть и вытащилъ ихъ на берегъ. Тутъ запрыгали и заплясали рыбы въ сѣти, но рыбакъ имъ сказалъ: «зачѣмъ прежде не плясали вы подъ мою дудку, теперь пляска васъ не спасетъ». Греки должны были покориться Персамъ.

Оставалось наказать Вавилонянъ за союзъ съ Крезомъ.

---

(1) Разсказываютъ, что при взятіи города персидскій воинъ уже поднялъ мечъ, чтобы убить Креза, но его остановилъ нѣмой сынъ (о которомъ дано было предвѣщаніе, что онъ заговоритъ въ несчастнѣйшій для Лидіи день) словами: «не убивай царя», и тѣмъ спасъ жизнь отца. Далѣе повѣствуютъ, будто Киръ приговорилъ Креза къ сожженію на кострѣ, и что въ послѣднюю минуту лидійскій царь, вспомнивъ изреченіе Солона, громко произнесъ его имя; что Киръ потребовалъ объясненія этого восклицанія, и разсказомъ о греческомъ мудрецѣ былъ до того тронутъ, что даровалъ Крезу жизнь и взялъ его къ своему двору. Но огнепоклонники Персы не могли осквернить чистый огонь, и потому этотъ единственный, встрѣчающійся разсказъ о сожженіи невѣроятенъ. Прибавляютъ, что оковы, въ которыхъ возвели Креза на костеръ, онъ въ насмѣшку послалъ въ Дельфы, но жрецы отвѣчали, что оракулъ исполнился, только не съумѣлъ Крезъ понять его. Войною уничтожена Лидія, а Киръ происходитъ отъ Перса и Мидянки, какъ лошакъ происходитъ отъ осла и лошади.

Киръ отправился осаждать Вавилонъ, но городъ имѣлъ слишкомъ твердыя укрѣпленія и Персы не могли его взять приступомъ. По этому Киръ выкопалъ каналъ выше города, отвелъ воду Евфрата въ ближнее озеро, и по осушенному руслу рѣки вошелъ въ средину города во время празднества. Ликовавшіе Вавилоняне были застигнуты въ расплохъ, Персы ворвались въ самый дворецъ и умертвили Валтасара, заставъ его за веселымъ пиромъ; но городъ былъ такъ огроменъ, что обыватели его, жившіе у наружныхъ стѣнъ, только къ вечеру этого дня узнали о его взятіи (538 г. до Р. Х.).

Персидскій царь освободилъ Іудеевъ изъ вавилонскаго плѣна, отдалъ имъ храмовые сосуды и священную утварь, и позволилъ возвратиться на родину.

Киръ долженъ былъ прекратить дальнѣйшія завоеванія, когда съ сѣверо-востока напали на Персію кочевыя племена изъ Средней Азіи — *Скиѳы*. Такія нападенія бывали уже и раньше, надъ Мидіею Скиѳы разъ даже властовали 28 лѣтъ. Киръ выступилъ имъ на встрѣчу къ Аральскому морю. По совѣту Креза, Киръ употребилъ хитрость, приказавъ разставить въ станѣ кушанья и вино, онъ поспѣшно вывелъ изъ него свое войско, какъ бы въ испугѣ отъ появленія Скиѳовъ. Въ оставленномъ лагерѣ Скиѳы спокойно расположились пировать, когда неожиданно возвратились Персы, большую часть ихъ перебили, а другихъ взяли въ плѣнъ. Между плѣнными былъ и сынъ царицы *Томириссы;* она требовала его выдачи, иначе грозила ненасытнаго Кира насытить кровью. Но угроза не подѣйствовала, его не выдали и онъ самъ лишилъ себя жизни. Озлобленная Томирисса разбила Персовъ въ кровопролитномъ сраженіи, въ которомъ погибъ и Киръ, она велѣла отрубить ему голову и бросить въ бурдюкъ съ кровью, сказавъ при этомъ: «упивайся же теперь тѣмъ, чего ты всегда такъ жаждалъ при жизни»! — Но это преданіе опровергается тѣмъ, что трупъ Кира былъ великолѣпно погребенъ и, два вѣка спустя, Александръ Великій осмотрѣлъ гробницу, на которой была слѣдующая надпись: «О человѣкъ, я Киръ,

доставившій Персамъ верховное владычество и господствовавшій надъ Азіею; по этому не удивляйся великолѣпію моей гробницы» (529 г. до Р. Х.).

Завоеванія Кира продолжалъ сынъ его *Камбизъ*, онъ предпринялъ походъ на Египетъ. Главное затрудненіе на этомъ пути представлялъ переходъ изъ Сиріи до устья Нила, гдѣ въ теченіе двухъ дней приходится проходить по совершенно безводной пустыни. Камбизъ заключилъ договоръ съ Аравитянами, которые въ извѣстныхъ мѣстахъ пустыни должны были приготовить воду и припасы для Персидскаго войска.

Фараонъ египетскій ожидалъ Камбиза на границѣ, и здѣсь произошло рѣшительное сраженіе (при Пелузіумѣ въ 525 г. до Р. Х.). Первые ряды Персовъ взяли на руки кошекъ, и съ ними наступили на Египтянъ, которые не осмѣлились стрѣлять, боясь ранить священныхъ животныхъ; ряды ихъ были приведены въ замѣшательство и Персы обратили ихъ въ бѣгство. Финикійскій флотъ, по приказанію Камбиза, поплылъ вверхъ по Нилу; при помощи его взяли *Мемфисъ*, съ паденіемъ столицы покорился и весь Египетъ. Камбизъ задумалъ было завоевать Карѳагенъ, но Финикіяне отказались подать ему помощь противъ своей колоніи, безъ флота же походъ не могъ состояться. Тогда Камбизъ отправилъ отрядъ на западъ въ оазисъ Ливійской пустыни (*Юпитера Аммона*), но онъ весь былъ занесенъ пескомъ. Самъ Камбизъ хотѣлъ распространить государство на югѣ и пустился вверхъ по Нилу (въ *Эѳіопію*). Но походъ былъ слишкомъ торопливо предпринятъ, вскорѣ стало недоставать припасовъ, съѣли обозный скотъ, наконецъ начали питаться травами и корнями, а упорный Камбизъ все продолжалъ путь. Онъ дозволилъ отступленіе только тогда, когда воины, неистовствуя отъ голода, стали уже ѣсть каждаго десятаго товарища. Раздосадованный до бѣшенства этою неудачею, Камбизъ возвратился въ Мемфисъ въ ту пору, когда послѣ долгихъ поисковъ тамъ обрѣли наконецъ новаго Аписа. Празднество, состоявшееся по этому поводу, подозрительный Камбизъ отнесъ къ своему

несчастію; онъ приказалъ убивать ликовавшихъ на улицѣ, самого Аписа ранилъ въ бедро, а жрецовъ велѣлъ высѣчь. Какъ огнепоклонникъ, онъ вообще съ презрѣніемъ смотрѣлъ на обряды Египтянъ, на обожаніе животныхъ, изъ которыхъ иныя считались у Персовъ нечистыми. По нраву Камбизъ былъ мстителенъ и жестокъ, по одному подозрѣнію онъ велѣлъ зарыть 12 Египтянъ живыми, еще прежде онъ напоилъ послѣдняго фараона бычачьей кровью до смерти, а мумію его предшественника высѣкъ и растерзалъ. Сверхъ того Камбизъ былъ преданъ чрезмѣрному употребленію вина. Эти свирѣпости вызвали не только въ Египтянахъ глубокую ненависть къ персидской власти, но и сами Персы возненавидѣли Камбиза. Въ столицѣ *Сузѣ* явился самозванецъ, выдававшій себя за брата Камбиза (Смердиса). Этого брата, которому отецъ Киръ далъ въ самостоятельное управленіе восточныя части государства, Камбизъ умертвилъ черезъ подосланныхъ убійцъ. Мидійскіе маги, пользуясь всеобщимъ неудовольствіемъ, утверждали, что онъ спасся и нашли подставнаго. Торопясь въ Персію для укрощенія мятежа, Камбизъ на пути, въ Сиріи, ранилъ себя кинжаломъ въ бедро, садясь на лошадь. При разстроенномъ здоровьѣ эта рана сдѣлалась причиною его смерти (522 г. до Р. Х.).

Маги, управлявшіе отъ имени самозванца (Лже-Смердиса), перенесли дворъ опять въ Мидію. Но вскорѣ узнали, что самозванецъ былъ магъ, и что еще Камбизъ за проступокъ велѣлъ обрѣзать ему уши. Знатнѣйшіе Персы составили заговоръ, ворвались въ замокъ самозванца и убили его со всѣми магами. Этотъ день впослѣдствіи праздновался въ Персіи, какъ вторичное освобожденіе отъ Мидянъ (*избіеніе маговъ*). Затѣмъ рѣшили кому царствовать божіимъ судомъ—по ржанію коней при восходѣ солнца. Первый при выѣздѣ изъ города заржалъ конь одного изъ Ахеменидовъ—*Дарія Гистаспа*, прочіе вельможи упали ницъ передъ нимъ и тѣмъ признали его царемъ.

Предшествовавшими смутами хотѣли между прочимъ воспользоваться Вавилоняне; они возстали и объявили себя независимыми. Но Дарій Гистаспъ разбилъ ихъ и окружилъ городъ Вавилонъ. Вавилоняне запаслись припасами, и чтобы не имѣть лишнихъ людей въ городѣ, всѣ имѣвшіе болѣе одной жены, привели остальныхъ женъ на рынокъ и убили ихъ. Твердость укрѣпленій испыталъ уже Киръ, приступомъ взять городъ, при тогдашнихъ неудовлетворительныхъ осадныхъ орудіяхъ, было невозможно. Пытались, подобно Киру, рѣкою пробраться въ городъ, но Вавилоняне предупредили Персовъ. Годъ и семь мѣсяцевъ длилось облежаніе безъ всякой надежды на успѣхъ. Вавилоняне смѣялись надъ Персами и передъ глазами Дарія плясали на стѣнахъ. Въ другихъ мѣстностяхъ государства также обнаружились безпокойства. Взятіе Вавилона стало чрезвычайно важно; оно удалось наконецъ при содѣйствіи *Зопира* (518 г. до Р. Х.) (1).

Утвердивши свою власть, Дарій правильно устроилъ свою

---

(1) Разсказываютъ, что явился къ царю полководецъ Зопиръ съ обрѣзаннымъ носомъ и обрѣзанными ушами, спина его была изсѣчена бичемъ, а голова выстрижена, какъ у раба. Дарій внѣ себѣ вскочилъ съ трона и спросилъ, кто осмѣлился такъ изувѣчить его любимца и одного изъ знатнѣйшихъ мужей. «Я самъ, отвѣтилъ Зопиръ,—не могу терпѣть, чтобы Вавилоняне долѣе смѣялись надъ нами». Онъ открылъ царю свое намѣреніе бѣжать въ этомъ видѣ къ Вавилонянамъ, какъ бы отъ преслѣдованій Дарія, домогаться ихъ расположенія и предать Персамъ городъ. Дарій согласился. Вавилоняне приняли Зопира съ восторгомъ, раны и увѣчья не допускали никакого сомнѣнія въ справедливости его словъ. Ему дали начальство надъ войскомъ, и онъ нѣсколько разъ разбивалъ Персовъ. Наконецъ Зопиръ далъ знать Дарію, чтобы онъ сдѣлалъ общій приступъ, и, когда всѣ Вавилоняне были на стѣнахъ, онъ открылъ двое воротъ и впустилъ Персовъ. Стѣны города были разрушены, ворота сломаны, 3000 жителей съ царемъ вавилонскимъ распяты на крестахъ, остальныхъ простили, а Зопиръ сдѣланъ былъ намѣстникомъ.

державу. Онъ раздѣлилъ персидское государство на области, въ каждой назначилъ правителя (*Сатрапа*), опредѣлилъ подати и поставилъ войско.

Образъ правленія былъ *деспотическій*, т. е. власть *великаго царя* (падишаха) не ограничивалась никакими законами, все въ государствѣ принадлежало ему, онъ каралъ и миловалъ подданныхъ по своему произволу. По понятіямъ Персовъ царь былъ намѣстникомъ Ормузда на землѣ, народу онъ всегда показывался во всемъ великолѣпіи, въ пурпуровой одеждѣ, протканной бѣлыми полосами, съ золотымъ поясомъ и мечемъ, украшеннымъ драгоцѣнными камнями, въ высокой острой шапкѣ и въ желтыхъ башмакахъ. Подъ страхомъ смертной казни было запрещено являться къ царю безъ разрѣшенія. Его окружали многочисленные прислужники, тѣлохранители и докладчики; представъ предъ лицо царское, каждый долженъ былъ падать ницъ и цѣловать землю. При выходѣ разстилали передъ царемъ драгоцѣнные ковры; ему подставляли золотую скамейку, когда онъ садился въ повозку; знатнѣйшіе вельможи спорили за честь помочь ему, когда онъ взлѣзалъ на коня. Царь обѣдалъ за особымъ столомъ, а въ сосѣдней комнатѣ сидѣли его *застольные товарищи* (ихъ также называли *родственниками царскими*). Чтобы привязать знатныхъ вельможъ къ царскоі особѣ, уже Киръ всѣмъ являвшимся къ его двору раздавалъ нетрудныя и доходныя обязанности; остававшихся въ своихъ имѣніяхъ онъ лишалъ царскаго заступничества. Эти друзья царскіе часто награждались богатыми подарками, за то они доносили царю обо всемъ, что видѣли и слышали: ихъ потому называли *очами* и *ушами царскими*. При Даріи такихъ застольниковъ бывало уже до 15,000 человѣкъ. Для царскаго стола привозились рѣдкости изъ всѣхъ частей государства, пшеница изъ греческой части Малой Азіи, соль изъ Ливійской пустыни, вино изъ Сиріи, Аравія платила свою подать 1000 фунтовъ мирры, Мидія и Арменія лошадьми; одни Персы были свободны отъ сборовъ и считались народомъ господствующимъ. Воду черпали у Сузы (изъ Хоаспа) и по-

всюду возили за царемъ во время путешествій. Царское рожденіе праздновалось во всемъ государствѣ, въ этотъ день къ царскому столу допускались и жены. Къ царскому войску должны были являться всѣ взрослые, самого царя окружали 2 отряда въ 2000 конныхъ и 10,000 пѣшихъ тѣлохранителей, постоянно пополнявшіеся новобранцами, и потому называвшіеся *безсмертными*. Сверхъ того, существовали во всѣхъ частяхъ государства постоянныя войска, которыя содержались тою областью, въ которой находились. Столицею государства считался городъ *Суза*, но жаркое лѣто дворъ проводилъ въ прохладной *Экбатанѣ*, среди тѣнистыхъ рощей и ручейковъ; часть же зимы въ тепломъ *Вавилонѣ*. Дарій Гистаспъ не удовольствовался этими тремя городами, онъ построилъ въ своей родинѣ—*Персеполь* съ великолѣпными дворцами, садами и бьющими фонтанами.

Немногія развалины Даріева дворца сохранились до нашего времени; замѣчательнѣе же всего надпись, высѣченная въ скалѣ у *Бизитуна* (на берегу Хоаспа въ Мидіи). Тутъ изображены дѣянія царя, и въ клинообразныхъ письменахъ повѣствуется исторія Персіи до и при Даріи Гистаспѣ. Царь представленъ съ царскою повязкою, съ браслетами, съ лукомъ въ лѣвой рукѣ, ростомъ онъ превосходитъ всѣхъ окружающихъ и правою ногою стоитъ на самозванцѣ, который поднятыми руками молитъ о пощадѣ. Противъ Дарія стоятъ 9 покоренныхъ царей со связанными назадъ руками, шеи всѣхъ опутаны одною веревкою. Надпись гласитъ: «когда возмутились народы, я вступилъ въ 19 сраженій и во всѣхъ побѣждалъ по милости Аурамазды.» Символъ послѣдняго въ видѣ крылатаго круга занимаетъ верхъ Бизитунской надписи.

Наказанія за неповиновеніе состояли въ жестокихъ изувѣченіяхъ и мучительныхъ казняхъ, чтобы наводить страхъ; вообще же подвластные народы не подвергались притѣсненіямъ за свои нравы и обычаи. Камбизъ составляетъ исключеніе по личному характеру; у Лидянъ только вслѣдствіе возстанія Киръ отнялъ оружіе. — Дарій Гистаспъ проводилъ дороги, а на нѣкоторыхъ изъ нихъ приказалъ разставить въ

извѣстныхъ мѣстахъ (черезъ каждыя три мили) лошадей и верховыхъ (ямы), которые во всякое время могли перевозить царскія письма и приказанія (первая почта).

Владѣя могущественною державою, Дарій Гистаспъ хотѣлъ распространить ее завоеваніями. Невѣдомыя страны на крайнихъ границахъ государства всегда привлекали азіатскихъ завоевателей, но попытки Камбиза доказали невозможность похода на югъ въ Эѳіопію, и Дарій Гистаспъ предпринялъ походы, на сѣверъ въ европейскую Скиѳію и на востокъ въ Индію. Дарій Гистаспъ былъ первый азіатскій завоеватель, перешедшій въ Европу; персидское войско сопровождали 600 греческихъ кораблей изъ Малой Азіи, Греки же построили мосты черезъ Константинопольскій проливъ (Босфоръ Ѳракійскій) и черезъ Дунай. Скиѳы, въ отвѣтъ на требованіе покорности, прислали царю птицу, мышь, лягушку и пять стрѣлъ, выражая символически: если только Персы не улетятъ птицами, мышами не уйдутъ въ подземныя норы или лягушками не скроются въ болота, то погибнуть имъ отъ скиѳскихъ стрѣлъ. Завоеваніе степей совершенно не удалось. Во время же похода въ Индію возстали Малоазійскіе Греки, желавшіе освободиться отъ тирановъ, поставленныхъ Персами, и отъ тягостныхъ податей, наложенныхъ Даріемъ.

ТРИ ПОХОДА ПЕРСОВЪ НА ЕВРОПЕЙСКИХЪ ГРЕКОВЪ. МИЛЬТІАДЪ. ЛЕОНИДЪ.

Еще въ XII ст. Греки начали переселяться въ Малую Азію, и заняли своими колоніями весь западный берегъ этого полуострова. Эти предпріимчивые переселенцы дѣятельно занялись торговлею, — и она сдѣлала ихъ богатыми и образованными. Каждый городъ былъ независимою республикою. Киръ уничтожилъ ихъ независимость и свободу, городами стали

управлять тиранны, которыхъ назначалъ персидскій царь. Малоазійскіе Греки не могли привыкнуть къ чужому владычеству и готовы были возстать при первомъ удобномъ случаѣ. Однако ихъ возмущеніе въ 500 г. не такъ важно само по себѣ, какъ по своимъ послѣдствіямъ, потому что оно подало поводъ къ народной борьбѣ между Персами и европейскими Греками (т. н. *Персидскія войны*). На сторонѣ Персовъ былъ громадный перевѣсъ матеріяльныхъ средствъ, т. е. богатства и вооруженныхъ полчищъ; но Греки были одушевлены любовью къ отечеству, превосходили враговъ образованностію, — и побѣда осталась за ними.

Зачинщикомъ возстанія былъ тиранъ города *Милета* — *Аристагоръ*, опасавшійся гнѣва царя за одинъ неудачный походъ. Онъ сложилъ съ себя тираннію въ Милетѣ; изъ другихъ городовъ тиранны были изгнаны и вездѣ возстановлено управленіе выборными изъ народа (*республика*). Но силы Малоазійскихъ греческихъ городовъ были недостаточны для борьбы съ персидскимъ царемъ, и Аристагоръ отправился въ Европу просить помощи у единоплеменниковъ. Въ Спартѣ онъ засталъ гражданъ въ полномъ собраніи съ обоими царями на рынкѣ. Краснорѣчивыя просьбы Аристагора Спартанцы прервали вопросомъ: «Далеко ли отъ моря до Сузы?» — «Трехмѣсячный путь», былъ отвѣтъ,—и Спартанцы посовѣтовали Аристагору до захода солнца оставить ихъ городъ. Аѳиняне же дали ему флотъ и войско. Соединенные Греки напали на Сардесъ, главный городъ Малоазійской области (сатраніи), и предали его пламени. Вскорѣ однако подоспѣло и персидское войско, оно разбило немногочисленныхъ Грековъ и взяло городъ Милетъ; жители его были перебиты, женщины и дѣти уведены въ плѣнъ въ Сузу, а городъ сравненъ съ землею. Аристагоръ бѣжалъ, другаго предводителя (Гистіея) прибили къ кресту, а отрубленную голову его посолили и послали къ царю въ Сузу.

Вмѣшательство Аѳинянъ особенно ожесточило Дарія Гистаспа; ежедневно за обѣдомъ рабъ долженъ былъ произно-

сить передъ царемъ слова: «царь, помни Аѳинянъ». Черезъ два года по взятіи Милета, Дарій отправилъ флотъ и войско въ Европу подъ начальствомъ своего зятя (*Мардонія*). Но отъ бури погибло у *Аѳонскаго мыса* 300 кораблей и 20,000 человѣкъ, а сухопутное войско, лишенное вслѣдствіе того припасовъ, должно было возвратиться (492 г. до Р. Х.). Для избѣжанія этой опасности новое войско (490 г. до Р. Х.) было прямо перевезено на 600 корабляхъ черезъ Архипелагъ на островъ *Эвбею* (Негропонтъ), который Персы совершенно разорили. Предварительно Дарій послалъ въ греческія государства требовать земли и воды, въ знакъ покорности; всѣ исполнили это требованіе; Спартанцы же бросили пословъ въ колодезь, приговаривая, что тамъ много и земли, и воды. Аѳиняне, услышавъ о прибытіи Персовъ, вооружились въ числѣ 10,000 человѣкъ, получили подкрѣпленіе въ 1000 человѣкъ отъ *Платейцевъ*, и послали за помощью въ Спарту. Но Спартанцы не могли, по религіозному закону, выступить до полнолунія, и одни Аѳиняне встрѣтили Персовъ, высадившихся на берегъ Аттики, въ равнинѣ *Марафонской*. Аѳинское войско раздѣлялось на 10 отрядовъ, каждый отрядъ имѣлъ особаго предводителя, начальство же надъ всѣмъ войскомъ переходило къ каждому по очереди на одинъ день. Военный архонтъ согласился съ мнѣніемъ *Мильтіада* вступить съ Персами въ сраженіе, хотя ихъ было вдесятеро больше Грековъ (100,000 пѣхоты и 10,000 ч. конницы); а прочіе военачальники уступили свою очередь Мильтіаду. Въ назначенный для сраженія день, Греки бѣгомъ бросились съ возвышенія на Персовъ, имѣвшихъ за собою болотистый берегъ. Персовъ смяли, большую часть ихъ потопили въ болотѣ, и только немногіе спаслись на корабли. Весь лагерь Персовъ съ несмѣтными сокровищами достался въ добычу Грекамъ; радость ихъ была велика, и воинъ, посланный въ Аѳины съ вѣстью о побѣдѣ, такъ торопился, что едва произнесъ на рынкѣ слова: «Радуйтесь, мы рады!» и палъ мертвый на землю. Однако Персы надѣялись застать врасплохъ Аѳины, оставшіяся безъ войска,

но когда ихъ корабли показались въ виду города, на берегу уже стояли Марафонскіе побѣдители. Безъ всякой новой попытки Персы поплыли обратно въ Азію.

Мильтіада Аѳиняне приняли, какъ своего избавителя, и долго ежегодно праздновали день Марафонской битвы жертвами и шествіями. Однако непостоянство Аѳинянъ обнаружилось крайнею неблагодарностью къ Мильтіаду. Мильтіадъ, пользуясь общимъ довѣріемъ, предложилъ покорить греческіе острова за то, что они тотчасъ признали власть Персовъ. Походъ этотъ кончился неудачно. По проискамъ противниковъ (Ксантиппа, отца Перикла) Мильтіада приговорили къ уплатѣ издержекъ, и когда не хватило у него на это средствъ, его бросили въ темницу, гдѣ Мильтіадъ померъ отъ ранъ. Сынъ его Кимонъ уплатилъ долгъ отца.

Когда вѣсть о Марафонскомъ пораженіи дошла до Дарія Гистаспа, то великій царь персидскій рѣшился совершенно уничтожить Грековъ. Онъ сталъ собирать ополченія изъ всѣхъ частей государства, три года онъ вооружался, но померъ самъ среди этихъ приготовленій (485). Походъ въ Грецію предпринялъ уже сынъ его *Ксеркс*ъ.

У Геллеспонта собрались ополченія 55 различныхъ племенъ, каждое въ своемъ туземномъ вооруженіи: Персъ въ тяжелыхъ латахъ на рьяномъ конѣ, полунагой Арабъ на верблюдѣ, племена съ востока съ лукомъ и пращемъ, воины изъ Малой Азіи и съ Кавказа съ плетенными щитами и въ деревянныхъ шлемахъ, Эѳіопы съ барсовыми и львиными шкурами на плечахъ. Войско было неисчислимо,—отмѣрили пространство, въ которое входило 10,000 человѣкъ, и 170 разъ оно наполнялось пѣхотою (слѣдовательно было 1,700,000 ч.); конницы было 80,000 чел., ихъ сопровождалъ флотъ изъ 1200 военныхъ и 3000 перевозочныхъ судовъ. Египетскіе и финикійскіе строители соорудили мостъ черезъ Геллеспонтъ, и когда его снесло во время бури, Ксерксъ велѣлъ дать проливу 300 ударовъ плетьми и заложить его въ цѣпи. Черезъ проливъ разставили много кораблей рядомъ, натянули крѣп-

кіе канаты, на нихъ настлали бревна, которыя покрыли сверху землею и досками. По этому мосту семь дней и семь ночей безпрерывно тянулись отряды изъ Азіи въ Европу. Для избѣжанія опасностей Аѳонскаго мыса, финикійскіе землекопы прорыли сквозь него каналъ, достаточно широкій для прохода двухъ кораблей рядомъ. Впослѣдствіи Греки говорили, что персидское войско шло моремъ, а флотъ плылъ по сушѣ.

Прошедши вдоль сѣвернаго берега Архипелага, Ксеркъ достигъ узкаго горнаго прохода *Ѳермопилъ* (на югѣ Ѳессаліи), въ которомъ утвердились 300 Спартанцевъ подъ начальствомъ царя своего *Леонида,* съ нимъ было еще 1700 другихъ Грековъ. Ксеркъ былъ убѣжденъ, что Греки не рѣшатся на сопротивленіе его огромному войску, и еще прежде приказалъ пойманныхъ греческихъ лазутчиковъ повести по всему стану, чтобы указать на невозможность борьбы съ Персами. Затѣмъ онъ потребовалъ отъ Спартанцевъ выдачи оружія; Леонидъ ему смѣло отвѣчалъ: «Приходи самъ за нимъ». Пользуясь мѣстностію, которая не позволяла Персамъ дѣйствовать всѣми своими силами, Леонидъ три дня мужественно отражалъ всѣ нападенія, даже персидскіе «безсмертные» не имѣли успѣха. Но нашелся предатель (Эфіальтъ), который провелъ Персовъ по горнымъ тропинкамъ въ тылъ Леониду. Оставалось отдаться въ плѣнъ или погибнуть. «Пообѣдаемте спокойно, сказалъ Леонидъ своимъ, сегодня вечеромъ мы поужинаемъ въ Адесѣ». Спартанцы приготовились къ смерти, бросились на враговъ и проложили себѣ кровавый путь черезъ ряды ихъ. Бичами погналъ Ксеркъ противъ нихъ свои полчища и, послѣ ожесточенной рѣзни, Спартанцы пали до послѣдняго (480 г. до Р. Х.). Павшимъ героямъ впослѣдствіи поставили здѣсь памятникъ съ простою надписью: «Прохожій! возвѣсти Спартанцамъ, что мы здѣсь пали, повинуясь законамъ».—Ксеркъ приказалъ прибить трупъ Леонида къ кресту и отрубить ему голову.

Взявши Θермопилы, Персы вступили въ Элладу и разорили ее; при нападеніи на Дельфы громъ и молнія заставили ихъ въ страхѣ отступить и Дельфійцы многихъ побили камнями. Тѣмъ не менѣе, при всей храбрости Грековъ, Персы задавили бы ихъ на сушѣ своею массою; необходимо было перенести войну на море, и этимъ какъ бы отрѣзать Ксеркса отъ Азіи. На морѣ Греки могли надѣяться на содѣйствіе своихъ Малоазійскихъ соплеменниковъ, только по принужденію находившихся въ Персидскомъ флотѣ, и потому сопротивленіе было возможно. На это указалъ Аѳинянинъ *Θемистоклъ*.

ΘЕМИСТОКЛЪ. АРИСТИДЪ. ПАВСАНІЙ. КИМОНЪ.

Θемистоклъ былъ незнатнаго происхожденія, но уже въ младенчествѣ обнаруживалъ замѣчательныя способности и большое самолюбіе, такъ что наставникъ его утверждалъ, что изъ мальчика выйдетъ человѣкъ или очень доблестный, или очень злой, но во всякомъ случаѣ чрезвычайно замѣчательный. Неохотно занимался онъ искусствами, въ музыкѣ онъ былъ совершенно несвѣдущъ, но всѣ свои силы онъ посвятилъ изученію военнаго дѣла и ознакомленію съ управленіемъ государства. Когда юношу разъ въ обществѣ просили сыграть на лирѣ, онъ отказался, говоря: на лирѣ или киѳарѣ я не умѣю играть, но я бы, кажется, съумѣлъ малое государство сдѣлать могущественнымъ и славнымъ». Онъ находился въ войскѣ при Мараѳонѣ, и съ тѣхъ поръ слава Мильтіада не давала ему спать. Отецъ старался его отклонить отъ государственной дѣятельности, показывалъ ему разбитыя и разброшенныя на берегу военныя суда, замѣчая, что такую же участь имѣютъ и славные побѣдители. Но Θемистоклъ стремился къ подвигамъ. До сихъ поръ на Архипелагѣ первенствовали жи-

тели острова *Эгины*. Ѳемистоклъ убѣдилъ Аѳинянъ отказаться отъ доходовъ, которые они получали отъ серебряныхъ рудниковъ, и не раздавать болѣе добычу между гражданами, а построить на эту сумму 300 военныхъ судовъ съ тремя рядами веселъ. Этимъ флотомъ воспользовались въ войнѣ противъ Эгины, и Ѳемистоклъ подчинилъ островъ Аѳинамъ. Побѣда доставила Ѳемистоклу большой почетъ въ государствѣ, и съ нимъ, по вліянію на гражданъ Аѳинскихъ, могъ соперничать только *Аристидъ*.

Аристидъ презиралъ незаконныя средства къ обогащенію, хотя былъ крайне бѣденъ, но во всѣхъ случаяхъ руководствовался внушеніями совѣсти. Разсказываютъ, что, начавъ тяжбу съ другимъ Аѳинянином, Аристидъ своею обвинительною рѣчью до того убѣдилъ присяжныхъ въ правотѣ своего дѣла, что они хотѣли произнести приговоръ, не выслушавъ обвиненнаго. Тогда самъ Аристидъ настоялъ, чтобы послѣднему дали возможность оправдываться. Никогда не уклонялся Аристидъ отъ требованій справедливости, и тѣмъ заслужилъ отъ своихъ согражданъ прозваніе *Правдиваго*. Славолюбивый Ѳемистоклъ съ завистью смотрѣлъ на довѣріе, которымъ пользовался Аристидъ у Аѳинянъ. Ѳемистоклъ былъ даровитый честолюбецъ, Аристидъ благоразумный, честный гражданинъ. Разъ Ѳемистоклъ объявилъ экклесіи, что онъ знаетъ удачное средство для возвеличенія Аѳинъ, но не можетъ говорить о немъ всенародно, и просилъ, чтобы назначили повѣреннаго, которому онъ обнаружитъ свою тайну. Народъ единогласно указалъ на Аристида. Ѳемистоклъ предлагалъ тайно поджечь Спартанскій флотъ и тѣмъ отнять у нихъ власть на морѣ. Выслушавъ этотъ планъ, Аристидъ сказалъ экклесіи, что предложеніе принесло бы Аѳинамъ несомнѣнную пользу, но что оно въ высшей степени недобросовѣстно. Народъ повѣрилъ ему на слово и болѣе не спрашивалъ о предложеніи.

Такого соперника Ѳемистоклъ не могъ терпѣть въ Аѳинахъ, при помощи своихъ приверженцовъ ему удалось побудить народъ изгнать Аристида остракизмомъ на 10 лѣтъ. Аристидъ

самъ присутствовалъ на площади, когда собирали черепки; даже къ нему обратился неграмотный крестьянинъ съ просьбою написать имя Аристида на черепкѣ. «Какое же зло онъ тебѣ сдѣлалъ?» спросилъ его гонимый. «Я его и не знаю, но мнѣ досадно, что его называютъ правдивымъ», отвѣтилъ крестьянинъ, и Аристидъ исполнилъ его желаніе.

Никѣмъ болѣе не стѣсняемый, Ѳемистоклъ съ этого времени направлялъ всѣ рѣшенія народа по своимъ видамъ. При вступленіи Ксеркса въ Элладу, Дельфійскій оракулъ предвѣщалъ, что Аѳины удастся спасти только за деревянными стѣнами. Ѳемистоклъ на этомъ основаніи убѣдилъ Аѳинянъ оставить городъ; старцевъ, женщинъ и дѣтей перевезти на ближніе острова, а взрослыхъ посадить на флотъ. Когда Персы разорили Аѳины и сожгли часть города, то соединенные Греки хотѣли построить укрѣпленія на Истмѣ (Коринѳскомъ перешейкѣ) и за ними защищаться, а флотъ перевести далѣе на югъ. Ѳемистоклъ настаивалъ, чтобъ ожидали персидскихъ кораблей при островѣ Саламинѣ. Въ собраніи полководцевъ греческихъ государствъ ему замѣтили, что «на играхъ тѣ наказываются, которые до знака впередъ рвутся». «Но отстающіе также не вѣнчаются», отвѣтилъ Ѳемистоклъ. Всѣ были противъ него, споръ сдѣлался чрезвычайно жаркимъ. Спартанецъ *Эврибіадъ* даже ударилъ Ѳемистокла, но тотъ хладнокровно замѣтилъ: «хоть бей меня, но только выслушай!» — и настоялъ на своемъ. Однако Ѳемистоклъ все еще опасался, что Греки ночью уйдутъ изъ залива (Сароническаго). По этому онъ отправилъ въ глухую ночь къ Ксерксу вѣрнаго раба съ вѣстью, что на Грековъ напалъ великій страхъ и они помышляютъ о бѣгствѣ; но Аѳинскій полководецъ желаетъ царю добра, по этому совѣтуетъ расположить персидскій флотъ въ выходѣ изъ залива, чтобъ не ушелъ ни одинъ греческій корабль. Ксерксъ съ радостью воспользовался этимъ совѣтомъ, и Греки были заперты въ заливѣ. Съ вѣстью объ этомъ движеніи прибылъ на греческій флотъ Аристидъ, рѣшившійся, не смотря на свое изгнаніе, раздѣлять опасность съ соотече-

ственниками. Такимъ образомъ Греки были вынуждены вступить въ сраженіе при островѣ *Саламинѣ* (480 г. до Р. Х.). Ксеркъ расчитывалъ на многочисленность своего флота и считалъ уничтоженіе Грековъ рѣшеннымъ, по этому онъ велѣлъ соорудить тронъ на горѣ у берега, и оттуда наблюдалъ за движеніями кораблей, имѣя при себѣ писарей, которые бы отмѣчали имена и подвиги отличившихся Персовъ. Но для огромныхъ тяжелыхъ персидскихъ кораблей мѣстность была слишкомъ тѣсная, притомъ стоялъ противный вѣтеръ, они не могли совершать движеній, многіе сѣли на мель; а между ними извивались небольшія, легкія греческія суда, наносили имъ всевозможный вредъ, разбивали бока ихъ своими носами, пускали ихъ ко дну. Вскорѣ малоазійскіе греческіе корабли перестали помогать Персамъ, и послѣдніе потерпѣли рѣшительное пораженіе, почти весь флотъ былъ уничтоженъ. Храбрѣе всѣхъ держалась царица одной области въ Малой Азіи (*Артемизія*), такъ что Ксеркъ горестно воскликнулъ: «сегодня мужчины превратились въ бабъ, а женщины стали мужчинами». Ѳемистоклъ черезъ раба снова извѣстилъ Ксеркса, что Греки намѣреваются разрушить мостъ на Геллеспонтѣ, а потому онъ совѣтуетъ великому царю спѣшить отступленіемъ. Ксеркъ въ ужасѣ бросился въ бѣгство, тысячи его воиновъ погибли отъ голода, холода и истомы; цѣлыя толпы ихъ потонули въ рѣкахъ, проломивъ подъ собою подтаявшій ледъ. Даже священная колесница солнца съ восемью бѣлыми конями была брошена на дорогѣ. Прибывъ къ Геллеспонту, Ксеркъ увидѣлъ, что мостъ снесла буря: онъ поспѣшилъ переправиться въ рыбачьей лодкѣ, подвергаясь самъ большой опасности.

Спартанцы присудили Эврибіаду почетную награду за храбрость, а Ѳемистоклу—масличный вѣнокъ за находчивость, и сверхъ того подарили ему прекрасную колесницу. Аѳиняне уничтожили приговоръ объ изгнаніи Аристида, и снова всеобщее довѣріе перешло къ нему. Въ сѣверной Греціи остался шуринъ царскій *Мардоній* съ 300,000 персидскаго войска.

Мардоній предложилъ Аѳинянамъ дружбу, но Аристидъ отвѣтилъ: «нѣтъ мира между нами, покуда солнце на небѣ стоитъ; боги, которыхъ храмы вы раззорили, помогутъ намъ въ борьбѣ». Персы подступили къ Аѳинамъ, жители опять перешли на острова и городъ былъ раззоренъ до тла. Греки соединили свои войска и сошлись съ Персами при *Платеѣ* (479 г. до Р. Х.). Полководцы греческіе жарко спорили за первенство, но Аристидъ утверждалъ: «теперь не до брани, а слѣдуетъ сражаться; Спартанцы поставьте насъ куда хотите». Общее начальство имѣлъ осторожный Спартанецъ *Павсаній*. Мардоній отрѣзалъ ему подвозъ, засыпалъ ключи, и тѣмъ заставилъ Павсанія отступить ночью. Считая это отступленіе началомъ бѣгства, Персы бросились преслѣдовать непріятеля, но потерпѣли ужасное пораженіе; самъ Мардоній былъ убитъ, станъ Персовъ былъ взятъ. Павсаній повѣстилъ, чтобы никто не прикасался къ добычѣ, и велѣлъ илотамъ всѣ драгоцѣнности снести въ одну кучу. Въ станѣ нашли шатры изъ золотой и серебрянной ткани, золоченныя и высеребрянныя ложа, золотые кубки и чаши, съ убитыхъ снимали они запястья, ожерелья и золотыя сабли. Всю добычу затѣмъ раздѣлили на десять частей, одну часть посвятили Аполлону и соорудили бронзовый треножникъ на бронзовомъ трехглавомъ змѣѣ для Дельфійскаго храма; изъ другой части воздвигли въ Олимпіи бронзовую статую Зевса, вышиною въ десять локтей; изъ третьей вылили бронзовое изваяніе Посейдона, вышиною въ семь локтей, для Истмійскаго храма; остальное подѣлили между собою по заслугамъ. Ни одинъ недостойный поступокъ не запятналъ славы платейскаго подвига. Павсанію совѣтовали, чтобы въ отмщеніе за Леонида, онъ распялъ тѣло персидскаго полководца на крестѣ, но спартанскій царь съ презрѣніемъ отвергъ эту мысль, какъ недостойную Грека. Въ тотъ же день уничтожили на берегу Малой Азіи (при Микалѣ) и остатки персидскаго флота. Тѣмъ кончились нашествія Персовъ на Грецію.

Съ этихъ поръ Греки сами нападаютъ на Персовъ. Общее начальство удержалъ Павсаній, онъ сдѣлалъ важныя завоеванія, но тщеславіе повело его къ измѣнѣ. Чтобы сдѣлаться царемъ Пелопоннеса, онъ предлагалъ персидскому царю содѣйствовать ему при покореніи Греціи. Онъ оставилъ старый образъ жизни Спартанцевъ, сталъ носить дорогія одежды, держалъ роскошный столъ и окружилъ себя мидійскими и египетскими тѣлохранителями. Повелительное и грубое обхожденіе возбудило противъ него всеобщую ненависть Грековъ, Спартанцы отозвали невѣрнаго полководца и начальство перешло къ Аристиду, котораго сдѣлали *союзнымъ казначеемъ*. Но добросовѣстный казначей померъ въ такой бѣдности, что государство должно было сдѣлать ему похороны на свой счетъ; сограждане же собрали приданое для его дочерей.

Обиженный отставкою, Павсаній изъ мести поддерживалъ тайныя сношенія съ Персами, но рабъ, отправленный съ письмомъ въ Персію, запуганный тѣмъ, что прежніе вѣстники Павсанія изъ Персіи болѣе не возвращались, для спасенія своей жизни передалъ письмо эфорамъ. Павсаній прибѣгъ къ заступничеству боговъ и спасся въ храмъ Аѳины. Не смѣя силою его удалить оттуда, Спартанцы заложили выходъ камнями — первый камень поднесла родная мать его, — чтобы уморить его голодомъ; но когда онъ уже умиралъ, его вынесли изъ храма, чтобы не осквернить святилища. Его погребли на томъ же мѣстѣ, гдѣ онъ скончался.

Въ дѣло Павсанія былъ замѣшанъ и Ѳемистоклъ. Онъ навлекъ на себя ненависть Спартанцевъ тѣмъ, что противъ ихъ желанія окружилъ Аѳины стѣною и построилъ морскую пристань *Пирей*. Послѣ того врагамъ удалось удалить его изъ Аѳинъ посредствомъ остракизма. Теперь Спартанцы обвинили его въ соучастіи въ предательствѣ Павсанія, о которомъ Ѳемистоклъ дѣйствительно зналъ. Его потребовали на союзный судъ, и Ѳемистоклъ среди безчисленныхъ опасностей бѣжалъ въ Персію, гдѣ царь принялъ его съ большимъ почетомъ и далъ ему три города на кормленіе. Когда

же онъ потребовалъ отъ него содѣйствія для покоренія Греціи, Ѳемистоклъ принялъ ядъ, чтобы не сдѣлаться предателемъ отечества. Но такъ какъ онъ былъ осужденъ, то прахъ его только тайно могли схоронить его друзья въ родной землѣ, въ Пиреѣ.

Предательство Павсанія и бѣгство Ѳемистокла побудили Персовъ попытаться, не удастся ли возвратить въ свое подданство, по крайней мѣрѣ, греческія поселенія въ Малой Азіи, которыя освободились послѣ несчастнаго похода Ксеркса. Они собрали значительныя силы, но ихъ предупредили Аѳиняне, которыми начальствовалъ послѣ Аристида, сынъ Мильтіада—*Кимонъ*. Въ рѣкѣ *Эвримедонтѣ* (въ Малой Азіи) онъ разбилъ гораздо сильнѣйшій флотъ персидскій, и такъ быстро, что могъ высадить тотчасъ свои войска на сушу и напасть на стоявшія здѣсь сухопутныя силы Персовъ; онъ нанесъ и имъ жестокое пораженіе. Подобной двойной побѣды не одерживалъ до сихъ поръ еще ни одинъ полководецъ въ одинъ и тотъ же день (469 до Р. Х). Наведенный на Персовъ страхъ былъ такъ великъ, что съ этого времени сухопутныя ихъ войска не осмѣливались уже и приближаться въ Малой Азіи къ берегу на разстояніе нѣсколькихъ дней пути, а корабли персидскіе болѣе не показывались въ Архипелагѣ и Черномъ морѣ. Въ Аѳинахъ однако Кимонъ, не смотря на свою щедрость, возстановилъ противъ себя бѣдныхъ, которые домогались одинаковыхъ правъ съ первыми тремя классами гражданъ, чему онъ противился. По этому, когда во время землетрясенія, разорившаго Спарту (465 г. до Р. Х.), возстали Илоты и Мессенцы (т. н. 3-я Мессенская война), и Аѳиняне выслали на помощь Спартанцамъ Кимона съ войскомъ, Спартанцы же его отослали назадъ, боясь пустить къ себѣ Аѳинянъ,—то Аѳиняне вмѣнили это оскорбленіе Кимону въ вину, и изгнали его остракизмомъ на 10 лѣтъ. Однако уже на пятый годъ изгнанія они вынуждены были призвать Кимона обратно для отраженія нападенія Спартанцевъ. Кимонъ снова доставилъ Аѳинамъ первое мѣсто въ Греціи и

убѣдилъ согражданъ отнять у Персовъ послѣдній важный островъ въ Средиземномъ морѣ *Кипръ*. Съ 200 кораблей онъ отправился въ походъ (449 г. до Р. Х.); еще до отплытія разныя предзнаменованія указывали на его кончину. Дѣйствительно, еще въ началѣ сраженія, происшедшаго на этомъ островѣ, Кимонъ былъ смертельно раненъ, но умирая, онъ приказалъ скрыть свою смерть до исхода сраженія, и такимъ образомъ кончилъ жизнь свою побѣдою. Это была послѣдняя борьба Аѳинянъ съ Персами.

ПЕРИКЛЪ ВЪ АѲИНАХЪ. ТЕАТРАЛЬНЫЯ ПРЕДСТАВЛЕНІЯ У ГРЕКОВЪ. ПОСТРОЙКИ ПЕРИКЛА. НАЧАЛО ПЕЛОПОННЕССКОЙ ВОЙНЫ. СМЕРТЬ ПЕРИКЛА.

Периклъ былъ одинъ изъ величайшихъ государственныхъ людей, встрѣчающихся въ исторіи. Онъ говорилъ, по увѣренію современниковъ, какъ будто бы съ языка его громъ гремѣлъ, какъ бы его устами говорила сама богиня слова; за краснорѣчіе его прозвали *олимпійскимъ*. Онъ былъ чрезвычайно богатъ и отличался стройною наружностію. Многіе находили въ немъ сходство съ Писистратомъ, воспоминаніе объ этомъ тираннѣ могло бы служить его противникамъ поводомъ къ изгнанію; а потому Периклъ, опасаясь остракизма, первое время не принималъ участія въ государственныхъ дѣлахъ, а занимался науками и военнымъ дѣломъ. Отличившись уже на военномъ поприщѣ, Периклъ выступилъ передъ народомъ только по смерти Аристида, когда Ѳемистоклъ былъ изгнанъ, а Кимонъ находился въ походѣ противъ Персовъ. Въ это время онъ отказывался отъ пиршествъ и удовольствій, а проходилъ постоянно по рынку, на которомъ собирался народъ. При помощи толпы Периклъ надѣялся управлять всѣмъ государствомъ, онъ постоянно дѣйствовалъ въ пользу бѣдныхъ про-

тивъ знатныхъ и богатыхъ и доставилъ экклесіи, которою онъ управлялъ своимъ краснорѣчіемъ, высшую власть въ государствѣ. Ему удалось отнять у Ареопага надзоръ за нравами гражданъ и за казною государства. Не задолго до Перикла бѣдные граждане (4-й классъ) получили право подавать голосъ въ экклесіи (на вѣчѣ) и быть выбираемыми въ государственныя должности и въ присяжные; черезъ это *въ Аѳинахъ утвердилась полная демократія*, т. е. равенство правъ всѣхъ гражданъ въ государствѣ. Но всѣ эти занятія были въ Аѳинахъ до сихъ поръ безвозмездныя, такъ что бѣдные, обязанные заработывать себѣ насущный хлѣбъ, въ дѣйствительности не могли пользоваться этимъ правомъ. Периклъ выхлопоталъ всѣмъ бѣднымъ за присутствіе въ экклесіи и за исправленіе разныхъ государственныхъ должностей денежное вознагражденіе изъ казны; на войнѣ они получали еще большее жалованье и продовольствіе. Далѣе Периклъ содѣйствовалъ основанію новыхъ колоній, чтобы обезпечить существованіе тысячамъ бѣдныхъ гражданъ, устроивалъ на казенный счетъ раздачу хлѣба и предпринялъ большія постройки, чѣмъ украсилъ Аѳины и прославилъ свое имя, а съ тѣмъ вмѣстѣ доставлялъ занятіе и пропитаніе большому числу работниковъ и художниковъ. Точно также онъ установилъ много новыхъ празднествъ и увеличилъ блескъ прежнихъ, отчасти для того, чтобы этимъ блескомъ и публичными пиршествами привязать къ себѣ гражданъ, отчасти же съ тою цѣлью, чтобы содѣйствовать ихъ образованію поучительными и возвышенными удовольствіями. Послѣднее обстоятельство имѣло особенную важность въ Аѳинахъ. При высокой степени образованности тамошнихъ гражданъ и огромномъ значеніи искусствъ и поэзіи у всѣхъ Грековъ,—устройство празднествъ и зрѣлищъ было почти столь же важно, какъ доставленіе насущнаго хлѣба. Потому то Периклъ и устроилъ особенную кассу (т. н. *ѳеориконъ*), изъ которой бѣднѣйшимъ гражданамъ выдавались деньги на входъ въ театръ (около 11 коп. сер.).

Театры Грековъ были безъ крыши, мѣста для зрителей обыкновенно высѣкались полукругомъ въ скалѣ, или строились по скату холма. Сѣдалища шли рядами все выше и выше, чѣмъ дальше отъ сцены, такъ что съ послѣдняго верхняго ряда въ Аѳинахъ зрители видѣли море и шедшіе на немъ корабли. Каменный театръ въ Аѳинахъ, посвященный Діонису, имѣлъ 36 рядовъ сѣдалищъ и вмѣщалъ до 30,000 зрителей. Противъ зрителей находилась въ греческихъ театрахъ передняя стѣна дворца или подобнаго зданія (*сцена*), съ тремя выходами, — средній для царей, правый для сановниковъ, лѣвый для второстепенныхъ лицъ. Эта стѣна иногда раздвигалась, когда представлялись внутренніе покои. По сторонамъ ея были трехгранныя кулисы, которыя вертѣлись на болтахъ для перемѣны декорацій. Передъ сценою находилась возвышенная площадка, на которую выходили дѣйствующія лица; пространство между площадкою и первымъ рядомъ сѣдалищъ было назначено для плясокъ и шествій *хора* (*орхестръ*), средину его занималъ жертвенникъ Діониса, у котораго находились флейтчики, сопровождавшіе своею игрою пѣніе и пляски хора. Въ театрахъ употреблялись и машины для подражанія грому, при помощи ихъ участвовавшія въ представленіи божества носились по воздуху. Самые богатые граждане по закону были обязаны въ извѣстные дни на свой счетъ давать представленія народу; по праздникамъ въ одинъ и тотъ же день давалось иногда до шести различныхъ пьесъ. Первоначально сами поэты выполняли главныя роли и приглашали себѣ товарищей изъ гражданъ; народъ восклицаніями рѣшалъ, чье произведеніе лучше, и побѣдитель награждался вѣнкомъ, а имя его высѣкалось на колоннѣ. Впослѣдствіи особыя лица постоянно занимались разыгриваніемъ пьесъ (актеры); каждый характеръ имѣлъ особую чугунную маску съ огромнымъ открытымъ ртомъ, она была выше головы, на грудь и спину навязывались толстыя одежды, кромѣ того надѣвали высокій головной уборъ и чтобы казаться величественнѣе, актеры расхаживали на высокихъ каблукахъ (котурнахъ). Театральныя представленія Грековъ

(*драмы*) возникли изъ хороводовъ, которыми торжествовались празднества Вакха (Діониса). Пѣсни хора, сопровождавшіяся музыкою и плясками, прерывались разсказами о похожденіяхъ бога. Впослѣдствіи стали брать разсказы изъ исторіи и обыденной жизни; отдѣльно отъ хора появились особыя дѣйствующія лица. Самый драматическій разсказъ сталъ излагаться изящными стихами и сдѣлался особымъ видомъ поэтическихъ произведеній. Съ годомъ Саламинскаго сраженія (480 г. до Р. Х.) связано имя трехъ величайшихъ аѳинскихъ драматическихъ поэтовъ. *Эсхилъ* сражался въ рядахъ воиновъ, *Софоклъ* участвовалъ на побѣдномъ праздникѣ въ хорѣ юношей (ему было 15 лѣтъ), и въ самый день сраженія родился *Еврипидъ*. Въ драмѣ Эсхилла *Персы* представлено все Саламинское сраженіе, въ другихъ его драмахъ изображается судьба греческихъ героевъ и царскихъ поколѣній. Но Эсхилъ вскорѣ уступилъ мѣсто Софоклу, который, хотя былъ 30 годами моложе, одержалъ надъ нимъ побѣду при публичномъ состязаніи въ аѳинскомъ театрѣ. Софоклъ въ своихъ драмахъ представляетъ, какъ преслѣдуетъ человѣка неотвратимая судьба, до чего человѣкъ безсиленъ и ничтоженъ въ сравненіи съ волею боговъ, какъ за всякимъ злодѣяніемъ тотчасъ слѣдуетъ должная мзда. *Эврипидъ* изображаетъ страсти людей, ихъ увлеченія и извращенія. Софоклъ про него говорилъ: «что онъ самъ представляетъ людей такими, какими бы они должны были быть, Эврипидъ же такъ, каковы они на самомъ дѣлѣ». Эврипидъ померъ въ Македоніи, и когда македонскій царь не выдалъ его трупа и поставилъ ему памятникъ съ надписью: «никогда, Эврипидъ, не исчезнетъ объ тебѣ память,» — то Аѳиняне соорудили поэту другой на дорогѣ въ Пирей съ надписью: «Памятникомъ Эврипиду служитъ вся Греція, македонская почва покрываетъ только его бренное тѣло.» Софоклъ носилъ по немъ трауръ. Кромѣ серьезныхъ драматическихъ представленій (*трагедій*) существовали и забавныя (*комедіи*), въ которыхъ шутками порицались недостатки всѣхъ и каждаго, на сцену обыкно-

венно даже выводились современники. Самый ѣдкій порицатель нравовъ Аѳинянъ—*Аристофанъ;* онъ не щадилъ ни Перикла, ни Сократа.

Периклъ, поддерживаемый толпою, болѣе 30 лѣтъ неограниченно управлялъ Аѳинами; всѣми мѣрами старался онъ содѣйствовать успѣхамъ образованности, а потому такъ называемый *вѣкъ Перикла* представляетъ самое блестящее время въ жизни Грековъ: существовали не только величайшіе поэты, но этотъ вѣкъ прославился и произведеніями художниковъ. Всѣ острова Архипелага были подвластны Аѳинамъ, и Аѳиняне съ этихъ «союзниковъ», за содержаніе флота для ихъ защиты, брали значительную ежегодную дань. Эти доходы Периклъ употребилъ на отстройку Аѳинъ. Онъ соорудилъ великолѣпный входъ къ замку Аѳинъ (Акрополь), такъ называемыя *Пропилеи*, это было огромное мраморное зданіе, состоявшее изъ пяти проходовъ на колоннахъ, къ которымъ вела прекрасная мраморная лѣстница, одинаковой ширины съ зданіемъ. На высшемъ мѣстѣ замка стояла чугунная статуя покровительницы города, богини Паллады Аѳины; мореходцы могли видѣть верхушку ея шлема уже у юговосточнаго мыса Аттики. Въ самомъ замкѣ Периклъ построилъ большой четыреугольный храмъ Аѳины изъ мрамора, окруженный мраморными колоннами,—*Парѳенонъ;* въ немъ стояла статуя богини (въ 37 ф.), которую соорудилъ знаменитый ваятель *Фидіасъ* изъ слоновой кости; одежда Аѳины была изъ чистаго золота. Когда Фидіасъ предложилъ экклесіи изваять статую изъ мрамора, такъ какъ это обойдется дешевле, то народъ единогласно воскликнулъ: «Нѣтъ, нѣтъ, изъ золота и слоновой кости»! Богиня была представлена въ полномъ вооруженіи въ латахъ, шлемѣ, съ копьемъ и щитомъ, далеко свѣтившіеся глаза ея состояли изъ голубыхъ драгоцѣнныхъ камней; лицо, шея, руки и ноги были изъ слоновой кости. Одежда статуи снималась и была изъ чистаго золота (она стоила до 750,000 р. с.). Въ рукѣ богиня держала викторію. Всѣ части вооруженія были богато украшены фигурами: на шлемѣ

покоился сфинксъ; на щитѣ, стоявшемъ у ногъ богини, были представлены—внутри бой гигантовъ (великановъ), снаружи битва съ амазонками; даже края высокихъ сандалій были украшены кентаврами. Въ нижней части города для состязаній въ музыкѣ тотъ же художникъ воздвигъ *Одеонъ*, круглый театръ, поддерживаемый колоннами и украшенный живописью. Онъ былъ построенъ по образцу шатра Ксеркса съ рядами мраморныхъ сѣдалищъ и съ крышею, которая поддерживалась мачтами съ захваченныхъ персидскихъ кораблей. Въ Одеонѣ могло помѣститься до 3000 слушателей.

Не смотря на эти огромныя траты, Периклъ успѣлъ скопить значительныя суммы въ государственной казнѣ, до того было богато аѳинское государство въ его время. Самъ Периклъ велъ простой образъ жизни, его безкорыстіе и краснорѣчіе привлекли къ нему народъ, который слѣпо ему довѣрялъ. Справедливо говорили его противники, что въ Аѳинахъ существуетъ демократія только по имени, а всѣми управляетъ *одинъ* мужъ. Личныя оскорбленія онъ переносилъ совершенно равнодушно; на рынкѣ его однажды какой то крикунъ осыпалъ ругательствами и преслѣдовалъ своею бранью до дому: такъ какъ было уже темно, то Периклъ приказалъ слугѣ отвести его обратно съ факеломъ.

Не менѣе отличился Периклъ и на войнѣ. Послѣднее его намѣреніе было соединить всѣхъ Грековъ въ Европѣ и Азіи въ одинъ обширный союзъ, и въ главѣ его поставить Аѳины. Для этой цѣли онъ просилъ прочія греческія государства прислать въ Аѳины повѣренныхъ, но ни одно изъ нихъ не согласилось на это предложеніе, до того опасались могущества Аѳинъ. Съ наибольшею завистью на это возрастаніе силъ аѳинскихъ смотрѣла Спарта. Уже разъ соперничество разразилось открытою войною, но Кимонъ и затѣмъ Периклъ всѣми мѣрами старались отклонить междоусобіе. Однако ненависть все возрастала и когда въ 431 г. до Р. Х. Ѳиванцы, союзники Спарты, напали на Платею, союзницу

Аѳинъ, война была неизбѣжна. Это начало т. н. *Пелопоннесской войны.*

Спартанцы заняли всю Аттику, жители которой затворились въ Аѳинахъ; а аѳинскій флотъ опустошалъ берега Пелопоннеса. Это продолжалось нѣсколько лѣтъ. На второй годъ войны въ Аѳины, переполненныя народомъ, корабль изъ Египта завезъ чуму. Врачи не знали самой болѣзни, не знали противъ нея и средствъ; соприкосновеніе съ больнымъ было заразительно, большая часть врачей умерли раньше другихъ. Нападали безсонница, головная боль, лихорадка, затѣмъ судороги, жажда; обыкновенно умирали на 7-й или 9-й день. Улицы были переполнены трупами, всякій порядокъ исчезъ, народъ грабилъ, неистовствовалъ. Перикла громко обвиняли въ малодушіи, по этому когда зараза прекратилась, онъ самъ отправился съ флотомъ въ Пелопоннесъ. Но вскорѣ чума обнаружилась въ самомъ войскѣ, тысячи погибли въ короткое время и Периклъ долженъ былъ возвратиться. Противъ него выступилъ съ обвиненіемъ необразованный и хвастливый кожевникъ *Клеонъ*. Перикла приговорили къ денежному штрафу и онъ сложилъ съ себя званіе полководца. Вскорѣ аѳинскій народъ созналъ свою неблагодарность и опрометчивость, и возвратилъ ему прежнія должности. Но на слѣдующій годъ чума опять обнаружилась въ городѣ и жертвою ея сдѣлался самъ Периклъ (429 до Г. Х.). Окружавшіе умирающаго друзья восхваляли его подвиги и заслуги, убѣжденные, что Периклъ ихъ болѣе не слышитъ, но неожиданно онъ поднялся съ одра со словами: «Вы восхваляете мои побѣды и заслуги, а забываете о лучшей и достойнѣйшей: ни одинъ изъ моихъ согражданъ никогда по моей винѣ не облекался въ траурное платье.»

АЛКИВІАДЪ ВЪ АѲИНАХЪ. КОНЕЦЪ ПЕЛОПОННЕССКОЙ ВОЙНЫ. ФИЛОСОФЫ: СОКРАТЪ, ПЛАТОНЪ И АРИСТОТЕЛЬ.

Война со Спартою (т. н. Пелопоннесская), продолжавшаяся по смерти Перикла съ перемѣннымъ счастіемъ, на время прекратилась миромъ въ 422 г. до Р. Х. (Никіевъ). Этотъ миръ мѣшалъ славолюбивымъ мечтамъ *Алкивіада*, который побудилъ Аѳинянъ нарушить его.

Алкивіадъ, потомокъ Аякса (Теламонида), отличался блестящими тѣлесными и духовными способностями и обладалъ большими богатствами. Опекуномъ его былъ *Периклъ*, а наставникомъ *Сократъ*. Необузданное легкомысліе обратило на него вниманіе Аѳинянъ уже съ дѣтства. Всѣ говорили о его остроумныхъ выраженіяхъ, о его проказахъ. Разъ поборолъ его болѣе сильный мальчикъ и Алкивіадъ укусилъ его въ руку. «Ты кусаешься, какъ женщина,» упрекнулъ его соперникъ. «Скажи лучше, какъ левъ,» возразилъ Алкивіадъ. Въ другой разъ онъ игралъ съ товарищами на улицѣ въ кости; когда до него дошла очередь, подъѣхала какая то колесница. Алкивіадъ просилъ кучера остановить лошадей, и когда тотъ не хотѣлъ исполнить его просьбы, онъ легъ поперегъ улицы подъ ноги лошадямъ и закричалъ: «теперь поѣзжай, если хочешь!» Съ товарищами онъ разъ поспорилъ, что дастъ пощечину знатному Аѳинянину на улицѣ, и совершилъ этотъ дерзкій поступокъ. Но на другой день онъ отправился къ нему въ домъ, смиренно просилъ у него прощенія и самъ обнажилъ свою спину, прося его высѣчь. Обиженный гражданинъ такъ полюбилъ его, что впослѣдствіи выдалъ за него свою дочь. Алкивіаду хотѣлось, чтобы о немъ больше говорили. Такъ, купилъ онъ прекрасную собаку и далъ за нее болѣе, чѣмъ тысячу рублей,—всѣ говорили о собакѣ; онъ отрубилъ

собакѣ хвостъ,—и весь городъ сталъ порицать его поступокъ. Алкивіадъ былъ любознателенъ, охотно занимался музыкою, но имѣлъ отвращеніе къ флейтѣ, потому что она безобразитъ лице во время игры. Периклъ однажды не могъ его принять, такъ какъ онъ обдумывалъ отчетъ, который долженъ былъ представить экклесіи. «Не лучше ли было бы», сказалъ Алкивіадъ, «подумать о томъ, какъ не отдавать отчета.» Чрезвычайно любилъ онъ Сократа, хотя наставленія его скоро забывалъ. Тщеславіе руководило Алкивіада во всѣхъ его дѣйствіяхъ. На Олимпійскія игры онъ явился съ семью колесницами, чего до него не дѣлалъ еще ни одинъ царь, тремя изъ нихъ онъ побѣдилъ состязателей.

Алкивіадъ своимъ краснорѣчіемъ склонилъ Аѳинянъ возобновить войну со Спартою.

Въ первомъ походѣ Алкивіадъ однако потерпѣлъ пораженіе, но вскорѣ онъ воспользовался ссорою греческихъ городовъ въ Сициліи (Сегесты съ Сиракузами) и уговорилъ Аѳинянъ отправить туда 134 военныхъ корабля (415 г. до Р. Х.). Но въ ночь передъ отправленіемъ во всемъ городѣ по улицамъ были поломаны статуи Гермеса передъ домами. Противники Алкивіада обвинили его, но ему дали отплыть и только послѣ прибытія въ Сицилію потребовали на судъ въ Аѳины. На дорогѣ же онъ убѣжалъ въ Спарту. Когда его упрекнули за такое недовѣріе къ правосудію отечества, онъ отвѣтилъ: я не повѣрю и родной матери, когда дѣло идетъ о смерти, ибо и она можетъ по ошибкѣ бросить въ урну черный камень вмѣсто бѣлаго. Когда Алкивіадъ узналъ, что Аѳиняне приговорили его къ смерти, онъ обѣщался доказать имъ, что онъ еще живъ. При помощи его совѣтовъ Спартанцы поразили Аѳинянъ и прогнали ихъ съ острова Сициліи.

Однако вслѣдствіе легкомысленнаго поведенія Алкивіадъ долженъ былъ оставить и Спарту. Онъ бѣжалъ въ Азію. За услуги, оказанныя тамъ Аѳинянамъ, ему позволили возвратиться, но затѣмъ изгнали вторично. Лишивъ себя лучшаго полководца, Аѳиняне вскорѣ были совершенно разбиты Спар-

танцами, флотъ ихъ былъ уничтоженъ (405 г. до Р. Х.), самый городъ взятъ, стѣны разрушены. Аѳины получили спартанскій гарнизонъ и Спартанцы поставили въ нихъ 30 правителей (тирановъ); только черезъ два года удалось Аѳинянамъ освободить отъ нихъ городъ.

Еще до этого Спартанцы опасались, чтобы Алкивіадъ не возвратился въ Аѳины и не возстановилъ прежнее могущество города. Онъ, дѣйствительно, намѣревался отправиться ко двору персидскаго царя просить у него помощи. Когда же Спартанцы настойчиво потребовали его выдачи, то сатрапъ Малой Азіи подослалъ къ нему двухъ убійцъ; они побоялись умертвить Алкивіада въ открытой борьбѣ, по этому зажгли домъ, когда онъ спалъ и умертвили его стрѣлами издалека. Ему отрѣзали голову, а трупъ погибъ въ пламени.

Давно уже въ Греціи даровитые мужи старались объяснить себѣ разные вопросы въ жизни человѣка, сокровенныя тайны природы, доходить во всемъ до послѣднихъ истинъ. Между всѣми этими, такъ называемыми любителями мудрости—*философами*, самый замѣчательный учитель Алкивіада—*Сократъ*. Онъ силился разгадать существо боговъ, назначеніе земной жизни человѣка, старался опредѣлить, въ чемъ заключается истинное благоденствіе и какая разница существуетъ между тѣломъ и безсмертнымъ духомъ. Онъ бесѣдовалъ съ учеными и съ государственными людьми, съ ремесленниками и воинами, у всѣхъ искалъ поученія. Такимъ образомъ онъ дошелъ до глубокихъ убѣжденій относительно всѣхъ этихъ вопросовъ. Въ это время собралось въ Аѳины изъ Малой Азіи и южной Италіи много учителей науки о государствѣ, естествознанія, геометріи, ариѳметики, астрономіи, поэзіи, грамматики и краснорѣчія (риторики). Они подрывали своими хитросплетенными доводами въ юношахъ довѣріе ко всему, до тѣхъ поръ считавшемуся за истину. Увлекая напыщеннымъ краснорѣчіемъ, они отвергали существованіе боговъ; утверждали, что все зависитъ отъ слѣпаго случая, что блаженство можетъ найти человѣкъ только въ удо-

влетвореніи всѣхъ своихъ прихотей. Притомъ они сами хвастали своимъ умѣньемъ красно говорить, и безсовѣстно брались даже очевидную ложь превратить своими искуственными доказательствами въ кажущуюся истину (*софизмы*). Противъ этихъ то лжемудрецовъ—*софистовъ* особенно возставалъ Сократъ. Изслѣдованія своей жизни онъ передавалъ многочисленнымъ ученикамъ, которые собрались около него, стараясь искусно придуманными вопросами ихъ самихъ заставить дойти до послѣднихъ выводовъ. Изъ положеній его всего замѣчательнѣе: 1) что богъ только одинъ; что угождать ему слѣдуетъ не жертвоприношеніями, а добрыми дѣлами; 2) человѣкъ состоитъ изъ тѣла и души; лучшая часть душа, обладающая различными способностями, которыя могутъ развиваться; душа безсмертна, тѣло же погибаетъ; 3) богъ награждаетъ за добро и наказываетъ за зло; 4) богатство и почести не доставляютъ человѣку счастія, оно заключается только въ убѣжденіи, что человѣкъ всегда слѣдовалъ внушеніямъ совѣсти. По своему ученію и жилъ Сократъ, съ учениковъ своихъ онъ не принималъ никакого вознагражденія. Одѣвался онъ всегда просто и ненарядно; когда же одинъ изъ его учениковъ, стараясь превзойти учителя въ равнодушіи къ внѣшности, однажды явился къ нему въ изодранномъ плащѣ,—Сократъ ему замѣтилъ «другъ, изъ дыръ твоего плаща выглядываетъ тщеславіе.» Сократъ много разъ храбро сражался за отечество, но дома онъ смиренно переносилъ гнѣвъ своей супруги *Ксантиппы*. Она была прекрасная хозяйка и добрая мать, но чрезвычайно вспыльчива. Однажды послѣ горячей брани она облила мужа водою. «Я такъ и зналъ, сказалъ Сократъ своимъ ученикамъ, что послѣ грома будетъ дождь.»

Но противъ его ученій возставали завистники его дарованій. Его обвинили въ томъ, что онъ презираетъ отечественныхъ боговъ и развращаетъ вольнодумствомъ юношество. Хотя Сократъ блистательно защищался передъ судьями, его

приговорили выпить чашу съ ядомъ. Отказавшись отъ бѣгства, Сократъ померъ на 71 году жизни (399 г. до Р. Х).

Изъ многочисленныхъ учениковъ Сократа всего вѣрнѣе сохранилъ его наставленія *Платонъ*. Онъ собиралъ вокругъ себя любознательныхъ друзей вблизи рощи при гимназіи героя *Академа*, которая по этому называлась *Академіею*. Въ Академіи у Платона учился мудрости *Аристотель* (384—322 г. до Р. Х.). Аристотель былъ сынъ македонскаго придворнаго врача; до смерти Платона онъ находился въ Аѳинахъ, гдѣ подъ конецъ былъ учителемъ краснорѣчія (риторики). Затѣмъ путешествовалъ по Малой Азіи и оттуда былъ призванъ царемъ Филиппомъ въ Македонію для воспитанія его сына. Восемь лѣтъ провелъ онъ съ Александромъ въ Македоніи, и затѣмъ возвратился въ Аѳины. По смерти Александра его обвинили въ безбожіи, онъ бѣжалъ, и умеръ на островѣ Эвбеѣ (въ 322 г. до Р. Х.).

Пытливый умъ Аристотеля постоянно наблюдалъ за дѣйствительнымъ міромъ, и изъ явленій природы и опыта онъ выводилъ всѣ свои познанія. Науку о законахъ мышленія—*логику*—Аристотель довелъ до такого совершенства, что всѣ слѣдующія вѣка до нашихъ дней не могли прибавить къ ней ничего особенно важнаго; стали только все лучше понимать греческаго ученаго. Естественныя науки обязаны ему своимъ началомъ, предметы природы разсматривалъ онъ сравнительно по веществу, изъ котораго они состоятъ, по наружному ихъ виду и относительно ихъ движенія. Истинною цѣлью существованія человѣка Аристотель считаетъ жизнь въ *обществѣ—государствѣ*. По его мнѣнію, первое человѣческое общество — *семья*, въ ней отношенія мужа къ женѣ, дѣтей къ родителямъ, господина въ рабу опредѣлила сама природа. Изъ семействъ образуются черезъ нѣсколько поколѣній *общины;* изъ общинъ—*государства;* цѣль каждаго изъ нихъ—*благополучіе* всѣхъ его членовъ, для этого отдѣльныя лица должны подчинять свои частныя выгоды общей пользѣ. Свои изслѣдованія и познанія (философію) Аристотель пре-

подавалъ въ Аѳинахъ, *расхаживая* съ учениками по тѣнистымъ дорожкамъ *Лицея* (*Перипатетики*).

САМОУПРАВСТВО СПАРТАНЦЕВЪ ВЪ ГРЕЦІИ. ПЕЛОПИДЪ И ЭПАМИНОНДЪ ВЪ ѲИВАХЪ.

Двадцатисемилѣтняя война, начавшаяся между Аѳинами и Спартою еще при Периклѣ и кончившаяся порабощеніемъ Аѳинъ (431—405 г. до Р. Х. такъ называемая *Пелопоннесская война*) привела Грецію въ совершенное замѣшательство. Гнетъ и своеволіе Спартанцевъ вскорѣ стали невыносимы. Во всѣхъ греческихъ городахъ *народныя вѣчи* были замѣнены *тиранами*, поддерживаемыми спартанскими гарнизонами. Союзъ Аѳинъ, Ѳивъ и Коринѳа противъ Спарты нѣсколько ослабилъ ея власть, хотя союзники и были побѣждены. Спартанцы уже давно отступили отъ Ликурговой простоты и строгости нравовъ; войны въ чужихъ краяхъ обогатили ихъ, и они сдѣлались алчными и корыстолюбивыми. Военачальники спартанскіе дозволяли себѣ безсовѣстные поборы и посрамили спартанское имя грабительствомъ въ непріятельской землѣ и у союзниковъ. Такъ, одинъ спартанскій полководецъ (Февидъ), проходя черезъ *Віотію* на сѣверъ, по просьбѣ аристократовъ въ *Ѳивахъ* среди мира взялъ этотъ городъ (380 г. Р. Х.). Вожди демократовъ были или казнены, или изгнаны, а ѳивскую крѣпость занялъ спартанскій гарнизонъ.

Многіе изъ бѣжавшихъ демократовъ нашли убѣжище въ Аѳинахъ, между ними находился богатый юноша *Пелопидъ*. Невыносимо было для него видѣть родной городъ подъ чужою властію, и онъ убѣдилъ друзей сдѣлать попытку къ освобожденію Ѳивъ отъ спартанскихъ притѣснителей; въ самыхъ Ѳивахъ многіе обѣщали содѣйствіе. Въ условленный день заговорщики, переодѣвшіеся охотниками, съ собаками и охот-

ничьимъ приборомъ, вошли разными воротами въ городъ. На улицахъ была сильная вьюга, и, незамѣченные, они скрылись въ домахъ своихъ единомышленниковъ. Одинъ изъ ѳивскихъ заговорщиковъ пригласилъ предводителей спартанскаго войска къ себѣ на пиръ и усердно подчивалъ гостей виномъ. По этому они не обратили вниманія на доносъ, что Пелопидъ въ городѣ, и письмо, присланное изъ Аѳинъ съ подробнымъ извѣстіемъ о заговорѣ, они непрочитаннымъ положили подъ подушку съ словами: «важныя дѣла до завтра.» Хозяинъ приглашалъ ихъ веселиться и объявилъ, что сейчасъ придутъ танцовщицы. То были переодѣтые заговорщики, вооруженные кинжалами. Всѣхъ, находившихся въ домѣ Спартанцевъ умертвили. Убивши начальниковъ, сдѣлали тревогу въ городѣ, и *Эпаминондъ* убѣдилъ собравшихся Ѳиванцевъ вооружиться и возстать на враговъ. Получивъ помощь изъ Аѳинъ, удалось Эпаминонду и Пелопиду изгнать изъ города, и спартанское войско. Освободители Ѳивъ — *Эпаминондъ* и *Пелопидъ*—съ этого времени стали управлять городомъ; ихъ связывала самая тѣсная дружба.

Пелопидъ былъ уменъ, храбръ и рѣшителенъ; не смотря на свое богатство и знатное происхожденіе, онъ жарко защищалъ права народа. Эпаминондъ былъ глубокомысленъ, опытенъ въ военномъ дѣлѣ и также безкорыстенъ, справедливъ и бѣденъ, какъ Аристидъ. Онъ держался правила, что человѣкъ долженъ доставить почетъ своей должности, а не должность возвысить человѣка. Болѣе всего онъ презиралъ корыстолюбіе; такъ узнавши, что его оруженосецъ за деньги отпустилъ плѣннаго, онъ съ досадою сказалъ ему: «возврати мнѣ мой щитъ, съ той поры, какъ замаралъ ты себѣ руки деньгами, ты уже не можешь раздѣлять со мною опасностей.» Эпаминондъ самъ былъ до того бѣденъ, что иногда по нѣскольку дней не могъ выходить изъ дома, если единственный его плащъ бывалъ въ мытьѣ. Онъ отличался тѣлесною ловкостью, большими познаніями, и хотя обыкновенно бывалъ молчаливъ, однако увлекалъ своимъ краснорѣчіемъ,

когда нужно было ему говорить. Въ свободное время пѣніе и игра на флейтѣ были единственными его удовольствіями.

Эти два мужа устроили ѳиванское войско и выступили на встрѣчу Спартанцамъ. Пелопидъ начальствовалъ особымъ отрядомъ юношей, которые торжественною клятвою обѣщались — побѣдить или умереть, и названы были *священною дружиною*. Непріятели сошлись недалеко отъ Ѳивъ при *Левктрахъ* (371 г. до Р. Х.). Для того, чтобы Спартанцы, имѣвшіе численное превосходство, не могли окружить Ѳиванцевъ, Эпаминондъ приказалъ своимъ наступать клинообразнымъ строемъ. Ряды Спартацевъ были прорваны, одинъ царь ихъ убитъ и войско обратилось въ бѣгство. Число бѣжавшихъ было такъ велико, что другой царь спартанскій совѣтовалъ: «пускай на нынѣшній день дремлетъ законъ, завтра онъ возстанетъ съ новою строгостію.» Греческіе города освободились отъ спартанскаго владычества, аристократы вездѣ изгонялись демократами; въ Аргосѣ около 1200 аристократовъ были убиты дубьемъ (370 г. до Р. Х.). Всѣ города въ Віотіи подчинились Ѳивамъ, съ ними вступили въ союзъ всѣ противники Спартанцевъ, кромѣ Аѳинъ. Ѳиванцы теперь стали дѣйствовать уже внѣ Віотіи. Пелопидъ вмѣшался въ дѣла сѣверныхъ областей *Ѳессаліи* и *Македоніи*, но въ одномъ сраженіи въ Ѳессаліи (при Киноскефалахъ въ 364 г. до Р. Х.), горячо преслѣдуя непріятельскаго царя, онъ заѣхалъ въ средину вражьяго войска и былъ убитъ.

Эпаминондъ же предпринялъ походъ въ самую Спарту, но Аѳиняне прислали Спартанцамъ помощь, и Ѳиванцы отступили безъ боя. По возвращеніи завистливые противники обвинили полководцевъ, что, противно законамъ, они занимали свои должности нѣсколько болѣе года. Тогда Эпаминондъ, на котораго сослались другіе, сказалъ судьямъ: «Я нарушилъ букву закона и заслуживаю смертную казнь. Но напишите на моей могилѣ: этотъ человѣкъ побѣдилъ при Левктрахъ, ходилъ до самой Спарты къ страшному врагу, и заплатилъ за это жизнію, потому что нарушилъ законъ для общей

пользы.» Судьи смѣшались и даже не приступили къ подачѣ голосовъ. На четвертомъ походѣ въ Пелопоннесъ погибъ отважный Эпаминондъ. Онъ ворвался въ самую Спарту и уже проникъ до рынка города, но отчаянное сопротивленіе народа принудило его отступить. Онъ удалился въ *Мантинеи*. Здѣсь произошла кровопролитная битва (362 г. до Р. Х.), кончившаяся въ пользу Ѳиванцевъ. Но побѣда досталась имъ дорого: они лишились Эпаминонда. Раненый дротикомъ въ грудь, онъ только тогда позволилъ вынуть его изъ раны, когда узналъ о пораженіи Спартанцевъ. Со словами: «Довольно я пожилъ, ибо умираю непобѣжденнымъ!» онъ испустилъ геройскій духъ. Временное могущество Ѳивъ прекратилось со смертію Пелопида и Эпаминонда, и Греки, постоянно враждовавшіе между собою, подпали власти сѣверныхъ своихъ сосѣдей, на которыхъ они смотрѣли съ презрѣніемъ, какъ на *варваровъ*, именно *Македонянъ*.

ЦАРЬ ФИЛИППЪ ВЪ МАКЕДОНІИ, ЕГО ВМѢШАТЕЛЬСТВО ВЪ ДѢЛА ГРЕЦІИ. ДЕМОСѲЕНЪ И ФОКІОНЪ ВЪ АѲИНАХЪ. УНИЧТОЖЕНІЕ НЕЗАВИСИМОСТИ ГРЕЦІИ, СРАЖЕНІЕ ПРИ ХЕРОНЕѢ. СМЕРТЬ ФИЛИППА.

Македонія обязана такимъ возвышеніемъ предпріимчивому царю *Филиппу*. Во время одного похода въ Македоніи, Пелопидъ увелъ молодаго Филиппа заложникомъ съ собою въ Ѳивы; здѣсь жилъ онъ въ домѣ Эпаминонда. Онъ познакомился близко не только съ военнымъ искусствомъ и государственными дѣлами, но изучилъ и слабости греческихъ городовъ и общую испорченность нравовъ. Бѣжавъ изъ плѣна, онъ достигъ престола (359 г. до Р. Х.) и увеличилъ свое государство на счетъ сосѣдей. Въ войнѣ съ ними онъ образовалъ отличное войско, которое построилъ въ особый боевой порядокъ, и тѣмъ сдѣлалъ непобѣдимымъ. Эта такъ назы-

ваемая македонская *фаланга* состояла изъ 8000 тяжеловооруженныхъ воиновъ, которые становились въ 16 рядовъ. Каждый воинъ имѣлъ длинное копье (отъ 14 до 16 футовъ) и огромный щитъ. Первые пять рядовъ выставляли свои копья прямо впередъ, а остальные одиннадцать рядовъ клали свои копья на плечи предшественниковъ, такъ что копья эти составляли нѣчто въ родѣ крыши и прикрывали сверху строй отъ стрѣлъ и камней непріятеля. Вся масса двигалась однимъ угломъ впередъ и потому получала видъ клина, представлявшій непроницаемый лѣсъ копій.

Современно этому усиленію Македоніи греческія государства, вслѣдствіе междоусобныхъ войнъ, впали въ безсиліе, отъ суровыхъ нравовъ предковъ давно уже Греки отступили. Такъ, въ Спартѣ было всего 700 Спартіатовъ, и изъ нихъ только 100 владѣли землями; остальныя земли принадлежали женщинамъ, за которыми ухаживали мужчины, расчитывая на богатое приданое. Граждане сами уже не выступали на войну, а войска нанимались; за деньги возможно было все купить въ Греціи. Это развращеніе было знакомо Филиппу; онъ рѣшился имъ воспользоваться для подчиненія себѣ всей Греціи. Не пренебрегая средствами, лишь бы они вели къ цѣли, Филиппъ говаривалъ, что нѣтъ такихъ высокихъ крѣпостныхъ стѣнъ, черезъ которыя не перешагнулъ бы оселъ, навьюченный золотомъ. Средства къ подкупу онъ пріобрѣлъ, завоевавъ богатыя золотыя розсыпи во Ѳракіи; и вскорѣ во всѣхъ греческихъ городахъ онъ имѣлъ приверженцевъ на жалованьѣ, которые доносили царю обо всемъ и исполняли всѣ его приказанія. Подчинивъ себѣ Ѳессалію, Филиппъ выжидалъ случая вступить въ самую Грецію.

Въ Греціи издревле для охраненія имущества храмовъ существовалъ союзъ изъ всѣхъ 12 племенъ, которыя черезъ повѣренныхъ полюбовно рѣшали и свои взаимные споры. Этотъ *Амфиктіоновъ судъ* попеременно собирался въ Дельфахъ и Ѳермопилахъ. Въ это время *Фокейцы* отняли у Дельфійскаго храма участокъ земли и разбили Ѳиванцевъ, по-

сланныхъ Амфиктіонами наказать ихъ. Ѳиванцы не получили помощи отъ Аѳинъ и Спарты, и потому призвали Филиппа. Македонскій царь быстро покончилъ войну, и за то получилъ голосъ въ судѣ Амфиктіоновъ, что доставляло ему возможность постоянно вмѣшиваться въ дѣла греческихъ государствъ. Слишкомъ поздно раскаялись Спарта и Аѳины, что изъ мелочной зависти не помогли Ѳивамъ.

Современные Аѳиняне впали въ совершенную изнѣженность. Государственные доходы растрачивались въ Аѳинахъ на игры и театральныя представленія; даже подъ страхомъ смертной казни было запрещено обращать ихъ на что нибудь другое. Между тѣмъ одно представленіе иногда стоило не дешевле цѣлаго похода. Все краснорѣчіе знаменитѣйшаго оратора древности *Демосѳена*, не могло побудить Аѳинянъ къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ.

Демосѳенъ былъ сынъ аѳинскаго оружейника и самъ имѣлъ мастерскую, въ которой работали его рабы. Онъ силою воли одолѣлъ природные недостатки. Имѣя слабую грудь и голосъ, онъ развивалъ ихъ, перекрикивая шумъ морскихъ волнъ или съ громкимъ крикомъ вбѣгая на гору; подкладывая подъ языкъ камушки, онъ излечилъ себя отъ косноязычія; передъ зеркаломъ приготовлялъ онъ выраженіе лица, — и хотя первыя его рѣчи были осмѣяны и освистаны, но вскорѣ всѣ преклонились передъ его краснорѣчіемъ. Вполнѣ проникая замыслы Филиппа, Демосѳенъ сдѣлалъ его предметомъ своихъ рѣчей (*Филиппики*), стараясь побудить Аѳинянъ вооружиться противъ него. Македонскій царь утверждалъ, что онъ, кромѣ Демосѳена, собственно не имѣетъ опаснаго врага въ Греціи. Но единственный въ то время полководецъ Аѳинскій, считавшій войну безумiемъ, — *Фокіонъ*, разбивалъ всѣ доводы Демосѳена. Послѣдній самъ называлъ его топоромъ для своихъ рѣчей.

Фокіонъ былъ сынъ бѣднаго ложечника, жилъ чрезвычайно скромно, самъ носилъ воду для своего хозяйства, но не прельщался на подарки. Оба противника дѣйствовали изъ совер-

шенно чистыхъ побужденій, но мнѣнія ихъ далеко расходились. «Аѳиняне тебя убьютъ, если придутъ въ бѣшенство», говорилъ Демосѳенъ. «А тебя, если разъ будутъ въ своемъ умѣ», отвѣтилъ Фокіонъ.

Противъ этихъ мужей Филиппъ выставилъ оратора (Эсхина), подкупленнаго имъ, который заподозревалъ всѣ убѣжденія Демосѳена и старался усыплять опасенія Аѳинянъ. Онъ вскорѣ по приказанію Филиппа жаловался суду Амфиктіоновъ о новомъ похищеніи храмоваго имущества. Наказаніе святотатовъ было поручено Филиппу, который воспользовался случаемъ, занялъ Ѳермопилы и нѣкоторыя крѣпости въ Элладѣ. Напрасно напоминали ему Аѳиняне о мирѣ, онъ старался овладѣть еще и другими городами. Тогда Аѳиняне отправили Демосѳена въ Ѳивы убѣдить гражданъ къ войнѣ противъ македонскаго царя. Хотя союзники и одержали двѣ побѣды, но въ рѣшительномъ сраженіи при *Херонеѣ* (въ Віотіи) восторжествовалъ Филиппъ. Этимъ ударомъ онъ сокрушилъ самостоятельность Греціи. Когда окончательно рѣшилась побѣда, Филиппъ отъ радости плясалъ на полѣ сраженія. Великодушно онъ отпустилъ плѣнныхъ Аѳинянъ безъ выкупа. Ѳивы были наказаны; священная дружина пала до послѣдняго уже на полѣ сраженія. Представители греческихъ городовъ были собраны въ *Коринѳѣ*, гдѣ единодушно избрали Филиппа предводителемъ соединенныхъ войскъ, когда онъ открылъ имъ свое намѣреніе предпринять завоеваніе Персіи. Одни Спартанцы отказались отъ участія, и когда Филиппъ имъ угрожалъ: «Если прійду въ Спарту, то выгоню васъ всѣхъ изъ отечества», ему лаконически отвѣтили: «Если»! Но среди всѣхъ этихъ предначертаній, Филиппъ былъ умерщвленъ на свадьбѣ своей дочери (336 г. до Р. Х.).

АЛЕКСАНДРЪ ВЕЛИКІЙ. ДІОГЕНЪ. ДАРІЙ III КОДОМАНЪ.

Послѣ неудачъ Ксеркса въ Греціи, персидское царство становилось все безсильнѣе и безсильнѣе. Цари персидскіе предались роскошной жизни и перестали заботиться объ управленіи государствомъ. Намѣстники въ сатрапіяхъ властовали необузданно и неоднократно возставали открыто. За престолъ происходили безпрерывные споры, которые рѣшались убійствами и войною, причемъ побѣдитель обыкновенно подвергалъ побѣжденныхъ мучительнымъ казнямъ. Нѣсколько разъ Греки вторгались во внутреннія области Персіи; слабость ея стала очевидна. Стоило только соединиться всѣмъ Грекамъ для общаго предпріятія, и завоеваніе Персіи было несомнѣнно. Это задумалъ Филиппъ, царь македонскій, а исполнилъ блистательнымъ образомъ сынъ его, *Александръ Великій*.

Царевичъ Александръ былъ одаренъ большими способностями, а отецъ его заботился о развитіи ихъ. Онъ поручилъ воспитаніе сына знаменитѣйшему ученому и философу того времени *Аристотелю*. «Радуюсь, писалъ ему Филиппъ, что сынъ мой родился при твоей жизни,—ты наставишь его и сдѣлаешь изъ него достойнаго царя.»

Александръ очень усердно учился у своего даровитаго наставника. Иліаду и Одиссею Гомера онъ зналъ почти наизусть; эти поэмы онъ имѣлъ постоянно при себѣ и впослѣдствіи. Болѣе всего ему нравился стихъ:

«Онъ вмѣстѣ и то, и другое: и прекрасный царь, и прекрасный боецъ!»

Подобно Ахиллесу, Александръ былъ весьма искусенъ и ловокъ во всѣхъ тѣлесныхъ упражненіяхъ. Уже рано обнаруживалъ онъ большое благоразуміе. Онъ помнилъ увѣщаніе отца: «Что бы ты ни дѣлалъ, поступай такъ, чтобы не

долженъ былъ сдѣлать себѣ упрека.» При этомъ однако Александръ показывалъ отважное мужество. Разъ привели къ Филиппу прекраснаго, дикаго коня, который по широкой своей головѣ былъ названъ *Букефаломъ;* никто не могъ съ нимъ совладать. Александръ же поворотилъ Букефала лицомъ къ солнцу, такъ какъ конь пугался своей собственной тѣни; ловко вспрыгнулъ на него и сталъ править имъ, какъ самымъ смирнымъ животнымъ. Всѣ присутствовавшіе изумились; Филиппъ же обнялъ сына со словами: «Сынъ мой, ищи себѣ другаго царства; Македонія слишкомъ мала для тебя!»

При смерти Филиппа Александру было всего двадцать лѣтъ. Покоренные народы надѣялись освободиться и всѣ возстали. Аѳиняне говорили, что нечего бояться такого мальчишки. «Подъ стѣнами Аѳинъ докажу имъ, сказалъ Александръ, что я уже мужчина.» Возставшія Ѳивы онъ разорилъ и оставилъ въ нихъ только домъ поэта *Пиндара* и храмы боговъ. Аѳины спасло одно ходатайство *Фокіона.* Въ Коринѳѣ Александръ, подобно отцу своему Филиппу, былъ избранъ предводителемъ Грековъ противъ Персовъ. Только Спартанцы объявили, что они привыкли предводительствовать другими, а не состоять подъ чужимъ начальствомъ, и не приняли участія въ походѣ.

Въ Коринѳѣ въ это время жилъ человѣкъ, не вмѣшивавшійся въ общественныя дѣла, но прославившійся своими странностями и ѣдкими насмѣшками надъ суетностію людей. То былъ *циникъ Діогенъ;* онъ считалъ за высшую добродѣтель воздержаніе и ограниченіе своихъ потребностей. Въ Аѳинахъ, гдѣ онъ учился философіи, его называли сумашедшимъ Сократомъ. Сократъ училъ — чѣмъ умѣреннѣе и воздержнѣе человѣкъ, тѣмъ больше онъ приближается къ богамъ; это положеніе довелъ Діогенъ до нелѣпости.

Онъ ходилъ босоногій, съ длинною бородою, въ изодранномъ плащѣ, носилъ старую суму за плечами и жилъ въ бочкѣ; скудную свою пищу онъ ѣлъ на улицѣ, и когда зѣваки, собиравшіеся около него, называли его собакою, онъ

отвѣчалъ имъ: «собаки вы сами: какъ примусь я обѣдать, вы тотчасъ сбѣгаетесь.» Деревянный свой кубокъ Діогенъ бросилъ, когда увидѣлъ, что мальчикъ черпалъ воду рукою. Среди бѣлаго дня онъ разъ расхаживалъ по улицѣ съ фонаремъ, и на вопросъ: «кого ты ищешь, Діогенъ?» отвѣтилъ: «человѣка!» Съ презрѣніемъ смотрѣлъ онъ на изнѣженныхъ соотечественниковъ своихъ, и когда кто-то его спросилъ, въ какомъ мѣстѣ Греціи находилъ онъ доблестныхъ мужей, Діогенъ отвѣтилъ: «*мужей* нигдѣ, а *мальчиковъ* въ Спартѣ.» Какой то извѣстный негодяй написалъ у входа своего дома: «Да не попадетъ сюда ничего дурнаго!»—«А какже входитъ самъ хозяйнъ?» замѣтилъ Діогенъ.—Спрашивали его, когда слѣдуетъ обѣдать? — «Богатому, когда хочетъ, а бѣдному, когда можетъ», отвѣтилъ Діогенъ. — Онъ былъ родомъ изъ города Синопа (у Чернаго моря въ Малой Азіи), учился философіи въ Аѳинахъ; впослѣдствіи во время одного путешествія Діогенъ попалъ въ руки морскихъ разбойниковъ, которые его продали богатому гражданину въ Коринѳѣ. Здѣсь прожилъ онъ въ своей бочкѣ до самой смерти (334 г. до Р. Х.). Когда Коринѳяне въ союзѣ съ Аѳинянами напрягли всѣ силы, чтобы выставить войско противъ Филиппа, то Діогенъ, заранѣе убѣжденный, что сопротивленіе будетъ безуспѣшно, осмѣялъ ихъ тѣмъ, что съ большимъ усердіемъ сталъ перекатывать по улицамъ свою бочку.

Передъ этою бочкою на солнышкѣ лежалъ Діогенъ, когда пришелъ къ нему Александръ, окруженный толпою придворныхъ. Циникъ спокойно посмотрѣлъ на нихъ. Александръ долго съ нимъ бесѣдовалъ, наконецъ спросилъ его, не можетъ ли онъ оказать ему какую нибудь услугу? «Посторонись немного, ты закрываешь меня отъ солнца»—просилъ его Діогенъ.

Приготовившись къ походу на Персію, Александръ требовалъ въ Дельфахъ оракула. Когда ему отказали въ томъ, такъ какъ только въ опредѣленное время давались предвѣщанія, то Александръ силою усадилъ Пиѳію на треножникъ.

«О сынъ мой, тебѣ невозможно противиться», воскликнула она. Александръ принялъ это за прорицаніе и вышелъ изъ храма.

Оставивъ въ Македоніи намѣстника, Александръ съ небольшими силами выступилъ въ походъ весною 334 г. У него всего было 35,000 человѣкъ, частію тяжеловооруженные фалангиты, частію легковооруженные воины въ полотняныхъ нагрудникахъ, съ легкими щитами и длинными мечами, кромѣ того стрѣлки, пращники и отборная конница (4000 человѣкъ). Всѣ свои богатства и земли царь роздалъ друзьямъ, и когда его спросили, что онъ себѣ оставляетъ? онъ отвѣтилъ: «надежду!» Переправившись черезъ Геллеспонтъ, Александръ посѣтилъ развалины Трои, принесъ жертвы на могилѣ Ахиллеса и Патрокла и совершилъ игры въ честь этихъ героевъ. Завидовалъ онъ своему предку Ахиллесу за то, что онъ при жизни имѣлъ такого друга, какъ Патроклъ, а по смерти такого славнаго пѣвца своихъ подвиговъ, какъ Гомеръ. Первая встрѣча съ полководцами персидскаго царя, при рѣчкѣ *Граникѣ*, кончилась блистательною побѣдою Македонянъ. Александръ получилъ ударъ въ голову, такъ что разлетѣлся его шлемъ; жизнь Александра была въ величайшей опасности, но во время спасъ его *Клитъ*. Уничтоживъ персидскія войска въ Малой Азіи, Александръ прошелъ вдоль западнаго и южнаго берега полуострова и нигдѣ не встрѣчалъ болѣе сопротивленія. Греческія поселенія приняли его, какъ своего освободителя. Онъ вездѣ выказывалъ уваженіе къ обыкновеніямъ и повѣрьямъ подчинившихся племенъ, чтобы крѣпче привязать ихъ къ себѣ. Въ городѣ *Гордіи* хранилась колесница, дышло которой было привязано къ стѣнѣ многосложнымъ узломъ, о которомъ существовало преданіе, что кто съумѣетъ развязать его,—тому достанется господство надъ всею Азіею. Александръ вытащилъ затычку, подъ которою были спрятаны оба конца ремня, и распуталъ узелъ.

Между тѣмъ царь персидскій *Дарій III Кодоманъ* самъ выступилъ изъ Вавилона. Съ нимъ шло безчисленное войско—

тяжеловооруженные наемники, конныя и пѣшія ополченія со всего государства. Въ повозкахъ слѣдовали за войскомъ царское семейство и всѣ придворные чины. Но въ 12 разъ меньшее македонское войско разбило враговъ при *Иссѣ* (333 г.). До 100,000 Персовъ было убито. Дарій едва спасся и прекратилъ бѣгство только за Эвфратомъ, царская колесница, заваленная трупами, и на ней мантія, шлемъ и лукъ Дарія достались Александру. Македоняне захватили весь лагерь съ его богатствами, великолѣпный ящикъ изъ этой добычи Александръ взялъ себѣ и хранилъ въ немъ пѣсни Гомера. Мать, жена, двѣ дочери и сынъ Дарія были взяты въ плѣнъ. Упавшій духомъ персидскій царь предлагалъ побѣдителю руку своей сестры и въ приданое страны къ западу отъ Эвфрата. «Еслибы я былъ Александромъ, я бы за эту цѣну прекратилъ войну», говорилъ одинъ изъ полководцевъ (Парменіонъ). «На твоемъ мѣстѣ я бы сдѣлалъ тоже самое», отвѣтилъ Александръ и гордо отвергъ предложеніе. Онъ хотѣлъ въ столицѣ Персіи предписать царю условія мира.

Между тѣмъ Александръ продолжалъ походъ вдоль берега, желая отрѣзать Персовъ отъ Средиземнаго моря и этимъ обезопасить свой тылъ. Оставивъ Дарія за Эвфратомъ, онъ занялъ Финикію и подступилъ къ крѣпкому *Тиру*. Городъ лежалъ на островѣ и не сдавался. Съ моря окружилъ его греческій флотъ, а съ суши Александръ повелъ насыпь. Семь мѣсяцевъ продолжалась осада при неимовѣрныхъ усиліяхъ съ обѣихъ сторонъ. Наконецъ стѣны были разрушены, неистовые македонскіе воины убили до 8000 человѣкъ. Ожесточенный сопротивленіемъ, Александръ приказалъ самыхъ знатныхъ гражданъ ряспять на крестахъ, остальные (до 30,000) были проданы въ рабство. Эта жестокость устрашила прочіе города въ Сиріи, они покорились добровольно и Македоняне безъ задержки вступили въ Египетъ.

Персы еще при самомъ завоеваніи чрезвычайно вооружили противъ себя Египтянъ, которые послѣ Камбиза неоднократно возставали, и теперь приняли Александра, какъ избавителя

отъ ненавистнаго ига. Александръ выказывалъ уваженіе ко всѣмъ ихъ учрежденіямъ и обычаямъ; онъ приносилъ жертвы египетскимъ божествамъ и отправился въ оазисъ Ливійской пустыни къ знаменитому храму *Юпитера Аммона*, гдѣ главный жрецъ назвалъ его сыномъ Зевса. При устьѣ Нила Александръ заложилъ городъ для увѣковѣченія своего имени. Въ *Александрію* вскорѣ перешла вся торговля между Востокомъ и Европою, городъ чрезвычайно разбогатѣлъ и по смерти Александра сталъ, послѣ упадка Аѳинъ, средоточіемъ греческой образованности. Полководецъ Александра *Птолемей*, основавшій по его смерти самостоятельное государство въ Египтѣ, будучи самъ хорошимъ писателемъ, любилъ окружать себя поэтами и философами. Онъ основалъ знаменитый *музей*, въ которомъ жили на его счетъ различные ученые, и помѣщалась огромная *александрійская библіотека* (около 700,000 рукописей).

По покореніи западной окраины персидскаго государства, Александръ предпринялъ окончательное его завоеваніе. Перешедши Эвфратъ, онъ сошелся съ Даріемъ, собравшимъ новое войско, за Тигромъ при *Арбелахъ* и *Гавгамеллахъ* (331 г.). Увѣренный въ успѣхѣ, Александръ отвергъ совѣтъ — напасть на Персовъ ночью, онъ не хотѣлъ «украсть побѣду.» Спокойно сдѣлалъ онъ распоряженія на слѣдующій день, и крѣпко спалъ до утра. Надежды его сбылись; въ этой битвѣ были уничтожены послѣднія силы персидскаго государства. Злосчастный Дарій III бѣжалъ въ Бактрію и былъ измѣнически убитъ сатрапомъ *Бессомъ*, котораго Александръ впослѣдствіи казнилъ.

Оставивъ на время преслѣдованіе бѣжавшаго Дарія, Александръ сначала повелъ свое войско, обогатившееся несмѣтною добычею, на югъ къ Вавилону. Ожидали упорнаго сопротивленія, но ихъ встрѣтило торжественное шествіе, въ главѣ котораго были жрецы и начальники города съ цвѣтами и дарами. И здѣсь Александръ приносилъ жертвы туземнымъ богамъ, свято соблюдалъ господствовавшіе обычаи и

нравы. 30 дней пиршествовало войско въ Вавилонѣ, затѣмъ перешло въ Сузу. Самъ Александръ съ конницею отправился въ *Персеполь* и захватилъ здѣсь столько золота, серебра и дорогихъ тканей, что добычу отвезли на 10,000 паръ муловъ и 3000 верблюдовъ. Въ отмщеніе за сожженіе Аѳинъ Персами, Александръ бросилъ факель въ кедровый дворецъ персидскихъ царей и предалъ весь Персеполь пламени.

По смерти Дарія Кодомана вся Персія изъявила покорность Александру, который, занявъ престолъ «великаго царя», принялъ и персидскіе придворные обычаи. Онъ облекся въ длинную мидійскую царскую одежду, съ царскою повязкою на головѣ, и ему чрезвычайно нравилось, что новые его подданные падали ницъ передъ нимъ. Свой дворъ Александръ окружилъ многочисленною прислугою. Это произвело крайнее неудовольствіе между Македонянами и Греками. Войско шумно стало требовать возвращенія, но нѣкоторые недовольные были казнены и тѣмъ возстановлено спокойствіе.

Три года провелъ Александръ въ походахъ по сѣверовосточнымъ областямъ персидскаго государства. Онъ дошелъ до *Аму-Дарьи* на сѣверѣ, и задумалъ распространить свои завоеванія еще на востокѣ. Весною 327 г. онъ перешелъ черезъ рѣку *Индъ*. Многіе индійскіе цари изъявили Александру покорность, но царь *Порръ* выступилъ ему навстрѣчу со слонами и боевыми колесницами. Однако македонская фаланга привела въ замѣшательство слоновъ, и Индійцы были разбиты. Самъ Порръ попался въ плѣнъ, и на вопросъ Александра требовалъ, чтобы съ нимъ обходились *по царски;* въ этомъ, по его мнѣнію, заключалось все. Александръ проникалъ все далѣе и далѣе, покоряя индійскія племена и воздвигая города; но войско, уже разъ перенесшее дождливое время на Индѣ, требовало возвращенія при новомъ наступленіи этой поры. Въ память своего похода Александръ воздвигъ богамъ двѣнадцать жертвенниковъ и рѣшился возвратиться. Часть войска онъ отправилъ на корабляхъ по Инду и Индійскому морю къ устью Эвфрата, а съ другою частью онъ

пошелъ самъ по пустынному сѣверному берегу Индійскаго моря. По прибытіи въ Сузу (325 г.) Александръ принялся за устройство своей державы; столицею онъ хотѣлъ сдѣлать Вавилонъ и задумалъ его перестроить, хотя маги ему предсказывали, что этотъ городъ будетъ для него роковымъ. Дѣйствительно, среди работъ, вслѣдствіе раны, полученной въ Индіи, и неумѣреннаго употребленія вина Александръ померъ въ Вавилонѣ отъ лихорадки въ 323 г. Тѣло его уложили въ золотой гробъ и отвезли въ Александрію.

Со смертью великаго завоевателя рушилось его государство. Полководцы его основали нѣсколько самостоятельныхъ государствъ и вели безпрестанныя войны между собою; въ началѣ этихъ войнъ погибло и все семейство Александра. Всѣ государства, возникшія изъ монархіи Александра Великаго, вошли впослѣдствіи въ составъ римской имперіи.

ОЧЕРКИ И ЖИЗНЕОПИСАНІЯ ИЗЪ РИМСКОЙ ИСТОРІИ.

НАРОДЫ ИТАЛІИ. СКАЗАНІЕ ОБЪ ОСНОВАНІИ ГОРОДА РИМА. РОМУЛЪ И РЕМЪ. РЕЛИГІОЗНЫЯ УЧРЕЖДЕНІЯ И БЫТЪ РИМЛЯНЪ. НУМА ПОМПИЛІЙ. СЕРВІЙ ТУЛЛІЙ. ТАРКВИНІЙ ГОРДЫЙ.

Средній полуостровъ южной Европы, получившій общее имя *Италіи*, занимали въ древности многія отдѣльныя племена, частью искони здѣсь жившія — туземцы (*аборигены*), частью сюда переселившіяся. Такъ, долину рѣки *По* на сѣверѣ занимали *Галлы*, на югъ отъ нихъ по западному склону Аппенинскихъ горъ въ долинѣ рѣки *Арно* жили *Этруски*, народъ, занимавшійся успѣшно мореплаваніемъ, торговлею и промышленностью. У Этрусковъ были цвѣтущіе города, которыми управляли жрецы. Исполинскія стѣны, развалины громадныхъ храмовъ, слѣды огромныхъ плотинъ, дорогъ, каналовъ свидѣтельствуютъ объ ихъ дѣятельности, а множество украшенныхъ живописью глиняныхъ сосудовъ (этрусскія вазы) указываютъ на развитіе у нихъ искусствъ. Но жрецы этрусскіе распространяли мрачное суевѣріе, и тѣмъ держали народъ въ совершенной зависимости отъ себя.

Въ горахъ средней Италіи обитали *Сабины*, воинственные земледѣльцы, которые въ своихъ открытыхъ селеніяхъ вели жизнь простую и воздержную; несогласія свои они охотнѣе рѣшали мечемъ и копьемъ, нежели полюбовно. Сабины жили отдѣльными семьями подъ властью родоначальниковъ, а на случай войны подчинялись одному предводителю — *императору*. У нихъ строго соблюдался обѣтъ, такъ называвшейся *священной весны*, состоявшей въ томъ, что послѣ голодныхъ годовъ на слѣдующую весну приносили богамъ въ жертву весь приплодъ животныхъ, а родившихся въ томъ году мальчиковъ обрекали, по прошествіи 20 лѣтъ, выселиться и завоевать себѣ новыя жилища. Вслѣдствіе этого обыкновенія сабинское племя распространилось по большей части средней и южной Италіи. Въ плодородной долинѣ *Тибра* и на югъ отъ этой рѣки вдоль морскаго берега жили родовыми общинами *Латины*. Они носили узкую сорочку (*тунику*) и сверху широкій плащъ (*тогу*); жилища ихъ состояли изъ сѣней и покоя, покрытаго плоскимъ навѣсомъ, въ немъ стояло супружеское ложе съ изображеніями домовыхъ боговъ (*лары, пенаты*) и жертвенникъ. Крыша имѣла въ срединѣ отверстіе, подъ которымъ находился очагъ. На рубежѣ между этими тремя племенами возникъ городъ, изъ поселеній всѣхъ трехъ народовъ, — то былъ *Римъ*, расположенный на семи холмахъ у берега Тибра. Этруски, Сабины и Латины слились со временемъ въ одинъ народъ *римскій*, который къ рождеству Спасителя покорилъ всѣ государства древняго міра.

Самый югъ Италіи наконецъ занимали греческія поселенія. Отъ Грековъ перешли къ *Римлянамъ* письмена, искусства, поэзія и вся миѳологія.

По народному сказанію Римлянъ, государство ихъ образовалось слѣдующимъ образомъ.

Латинскій царь города *Альбы-Лонги — Нумиторъ*, потомокъ Энея, бѣжавшаго изъ-подъ Трои черезъ Карѳагенъ въ Италію, былъ свергнутъ съ престола своимъ братомъ (*Амуліемъ*). Племянника послѣдній убилъ, а племянницу (*Рею Сельвію*) посвя-

тилъ въ жрицы богини *Весты* (*весталки*) съ тѣмъ, чтобы она оставалась незамужнею и бездѣтною. Когда же она родила отъ бога *Марса* близнецовъ *Ромула* и *Рема*, то жестокій дядя приказалъ бросить новорожденныхъ въ рѣку Тибръ. Вода принесла корзинку, въ которую положили близнецовъ, къ берегу и она остановилась у корней дикой смоковницы. На крикъ младенцевъ прибѣжала волчица и стала ихъ кормить; дятелъ, священная птица Марса, приносилъ имъ пищу. Такъ нашли ихъ пастухи, они взяли близнецовъ къ себѣ и у нихъ выросли Ромулъ и Ремъ. Возмужавъ, братья узнали о своемъ происхожденіи и возвратили престолъ своему дѣду. На томъ мѣстѣ, гдѣ столь чудесно Ромулъ и Ремъ спаслись отъ смерти, они рѣшились построить городъ (въ 754 г. до Р. Х.). При помощи гаданья братья рѣшили кого считать основателемъ города: съ двухъ сосѣднихъ холмовъ они наблюдали прилетъ птицъ (*авспиція*). Ремъ первый увидѣлъ шесть коршуновъ, но вслѣдъ затѣмъ Ромулу показались двѣнадцать и по его имени назвался городъ. Плугомъ, запряженнымъ бѣлымъ быкомъ и бѣлою коровою, Ромулъ обвелъ четырехугольное пространство для постройки города. Когда же Ремъ въ насмѣшку брату перепрыгнулъ черезъ низкій окопъ города, Ромулъ его убилъ. Чтобы привлечь жителей въ новое поселеніе, Ромулъ объявилъ его убѣжищемъ для всѣхъ преслѣдуемыхъ за проступки. Такимъ образомъ въ городъ Римъ явилось много мужчинъ, но не было женщинъ. Сосѣди не хотѣли отдавать въ бракъ своихъ дочерей хищникамъ и разбойникамъ. По этому Ромулъ на праздникъ въ честь Нептуна пригласилъ въ Римъ сосѣдей съ семействами. Особенно много пришло *Сабинянъ*. Вдругъ, когда вниманіе всѣхъ зрителей было обращено на происходившія игры, каждый Римлянинъ схватилъ по дѣвицѣ, и на рукахъ унесли *похищенныхъ Сабинокъ* въ городъ. Пылая мщеніемъ, Сабины вооружились подъ предводительствомъ императора *Тита-Тація*. Крайняя опасность угрожала новому городу, но когда оба войска сошлись къ битвѣ, похищенныя Сабинки вдругъ

бросились между строями съ распущенными волосами и умоляли какъ мужей, такъ и отцовъ и братьевъ, не дѣлать ихъ сиротами и вдовами. Непріятели были тронуты, оба царя заключили миръ; Сабины переселились въ Римъ и заняли особый холмъ, и Ромулъ сталъ править вмѣстѣ съ Титомъ-Таціемъ. Послѣдній вскорѣ погибъ въ войнѣ съ сосѣдями, а Ромулъ, покорившій многіе сосѣдніе города, среди грома и молніи былъ вознесенъ отцомъ своимъ Марсомъ на небо (въ 717 г.).

Преемникъ Ромула *Нума Помпилій*, зять Тита Тація, установилъ религіозныя учрежденія и обряды, по внушеніямъ нимфы *Эгеріи*.

Всѣмъ богослуженіемъ завѣдывали у Римлянъ жрецы—*понтифексы*, подчинявшіеся верховному жрецу—*понтифексу максимусу*;вообще жрецовъ они заимствовали отъ Этрусковъ. Кромѣ понтифексовъ были еще *авгуры*, дѣлавшіе предсказанія по внутренностямъ приносимыхъ въ жертву животныхъ (*гаруспиціи*), по полету птицъ (*авспиціи*), по небѣснымъ знаменіямъ и по наклеву куръ (*авгуріи*). Отъ того же племени перешли къ Римлянамъ и обряды при всѣхъ торжественныхъ случаяхъ — *церемоніи*, а также знаки царскаго достоинства: золотой вѣнецъ, пурпуровый плащъ, скиптръ, украшенный изображеніемъ орла, сѣдалище изъ слоновой кости; царя всегда сопровождали *12 ликторовъ*, несшіе передъ нимъ пучки палокъ съ воткнутой по срединѣ сѣкирою: они по приговору царя наказывали за преступленія.

Отъ Сабинянъ взялъ Нума *феціаловъ;* эти 20 жрецовъ, избиравшіеся на всю жизнь, въ случаѣ споровъ съ сосѣдями, требовали удовлетворенія, а въ случаѣ отказа, одинъ изъ феціаловъ отправлялся къ непріятельской границѣ и въ присутствіи трехъ свидѣтелей бросалъ чрезъ нее окровавленное копье, объявляя при этомъ въ грозныхъ выраженіяхъ войну. Тѣ же феціалы, по окончаніи войны, заключали и договоры. Священными вѣтками (росмариновыми, масличными, лавровыми и миртовыми) они прикасались къ волосамъ иноозем-

ныхъ пословъ и отдавали ихъ послѣднимъ въ руки въ знакъ безопасности. Затѣмъ, убивая жертву острымъ камнемъ, они произносили проклятіе надъ тѣмъ, кто первый нарушитъ договоръ. На рынкѣ въ Римѣ Нума построилъ храмъ *Весты*, на алтарѣ ея постоянно должны были поддерживать священный огонь *весталки;* онѣ весь вѣкъ свой оставались незамужними. Отъ сохраненія священнаго огня зависѣла безопасность государства; по этому весталку, нарушившую свои обязанности, бросали на голодную смерть въ подземную пещеру, находившуюся у однихъ изъ воротъ города. У того же рынка Нума соорудилъ проходный храмъ богу всякаго предпріятія — *двуликому Янусу*; двери этого храма были заперты во время мира, и отворялись во время войны. Ему былъ посвященъ первый мѣсяцъ года — *Январія*. Заботы о благосостояніи народа постоянно занимали миролюбиваго Нуму Помпилія; походовъ при немъ не было, и потому храмъ Януса не отворялся (1). За то при слѣдующихъ трехъ преемникахъ его происходили безпрестанныя войны съ сосѣдями. Послѣ поединка Горацієвъ и Куріацієвъ Римляне покорили жителей Альбы-Лонги, и за измѣну разорили потомъ весь городъ. Владѣнія Римлянъ были распространены до самаго моря, и у устья Тибра построили гавань *Остію*. Этруски и Сабины должны были признать надъ собою власть Рима. Рядомъ съ такимъ увеличеніемъ государственной области возросло и населеніе города Рима, а прибытіе новыхъ поселенцевъ требовало нѣкотораго измѣненія государственнаго устройства. Это совершилъ шестой римскій царь *Сервій Туллій* (578 — 534 г.).

---

(1) Вообще храмъ Януса во все существованіе римскаго государства былъ запертъ только три раза: въ правленіе Нумы, по окончаніи первой пунической войны (съ Карѳагенянами), и послѣ битвы при Акціумѣ. До самаго уничтоженія ихъ самостоятельности Римляне постоянно воевали.

Римляне жили семействами, и власть мужа надъ женою, дѣтьми и всѣмъ имуществомъ была неограниченная. Онъ имѣлъ надъ ними право суда, могъ наказывать ихъ телѣсно и даже смертію. По кончинѣ отца семейства, попечительство надъ матерью и сестрами принадлежало сыновьямъ-братьямъ. Нѣсколько семей (*фамилій*) составляли родъ (*генсъ*). Всѣ принадлежавшіе къ одному роду носили общее родовое имя, къ нему прибавлялъ каждый для отличія отъ родственниковъ еще особое частное имя. Роды имѣли каждый своихъ особенныхъ родовыхъ боговъ и героевъ, въ честь которыхъ совершались жертвоприношенія въ общихъ родовыхъ храмахъ; каждый родъ имѣлъ особое родовое кладбище. Первоначально по десяти такихъ родовъ составляли одну *курію* (*попечительство, колѣно*), и такихъ *курій* въ Римѣ считалось до 30. Только эти родовитые люди—*патриціи*— составляли народъ (*популусъ*), только они считались гражданами, и на своихъ сходкахъ (*комиціяхъ*) рѣшали разные вопросы государственнаго управленія. Старшины этихъ родовъ составляли высшій совѣтъ при царяхъ (*сенатъ*). Въ рукахъ патриціевъ первоначально были и всѣ земли, пріобрѣтенныя большею частію завоеваніемъ (1). При постепенномъ увеличеніи населенія, вновь прибывшіе переселенцы искали покровительства гражданъ-патриціевъ и, приписываясь къ какому нибудь роду, носили и его имя; такимъ образомъ явились полусвободные, зависимые люди—*кліэнты*. Патрицій, принимавшій на себя покровительство кліэнта, назывался его *патрономъ* и обязанъ былъ защищать его передъ судомъ; за это кліэнтъ долженъ былъ помогать патрону деньгами. При вступленіи въ бракъ дочерей патрона, кліенты давали имъ приданое; они сопро-

(1) Обыкновенно, при завоеваніи какой нибудь области, часть ея отнималась у покоренныхъ и отдавалась по участкамъ патриціямъ въ пользованіе. Это т. н. *государственныя земли*.

вождали его на войну и на сходки (комиціи). Кліентъ и патронъ не могли ни жаловаться, ни свидѣтельствовать другъ противъ друга. Плѣнные, захваченные на войнѣ, и несостоятельные должники обращались въ *рабовъ*. На раба Римляне смотрѣли какъ на вещь; его заработки и самая жизнь составляли полную собственность господина; онъ могъ жениться только съ согласія господина, которому принадлежали и дѣти рабской четы. Иногда рабы отпускались торжественно, вступали кліэнтами въ домъ своего господина, и тогда уже могли носить тогу и заниматься самостоятельно какимъ нибудь промысломъ.

При покореніи же впослѣдствіи сосѣднихъ городовъ и областей, многіе жители переселялись оттуда въ Римъ. Между ними были и богатые, которые не желали сдѣлаться кліэнтами. Такіе переселенцы оставались лично свободными, имѣли свою собственность, но не участвовали въ государственномъ управленіи. Они не принадлежали къ римскому *народу* (*популусу*), а въ противоположность къ старымъ гражданамъ-патриціямъ составляли *толпу* (*плебсъ*), и назывались *плебеями*. Родовитые патриціи даже не вступали съ ними въ брачные союзы.

Сервій Туллій первый далъ этимъ новымъ гражданамъ, — *плебеямъ*, нѣкоторое значеніе въ государствѣ. Онъ соединилъ ихъ въ 30 округовъ — *трибъ*. Трибы плебеевъ имѣли также свои сходки (*комиціи*), какъ и куріи патриціевъ; въ тѣхъ и другихъ стали рѣшаться только вопросы, касавшіеся самаго сословія. Но чтобы дать плебеямъ участіе и въ общественныхъ дѣлахъ, Сервій Туллій, сверхъ того, раздѣлилъ всѣхъ жителей Рима на 6 разрядовъ (*классовъ*) по имуществу. Для этого имъ заведена была опись всѣхъ гражданъ и ихъ имущества (*цензъ*), которая повторялась каждый пять лѣтъ (*люструмъ*). По достиженіи 17 лѣтъ *цензоръ* вносилъ каждаго гражданина въ списокъ, только съ 60-тымъ годомъ прекращалась обязанность военной службы для Римлянина и его вычеркивали изъ цензорскаго списка. Ежегодно въ опредѣленный день всѣ способные носить оружіе граждане собирались на

марсовомъ полѣ, каждый послѣ клятвы объявлялъ свое родовое имя, возрастъ, жительство и имущество. По окончаніи описи они строились въ полномъ вооруженіи, и послѣ молитвъ, понтифексъ приносилъ богамъ въ жертву свинью, овцу и быка, обведши ихъ трижды вокругъ строя.—По цензу были распредѣлены въ Римѣ налоги, повинность военной службы и участіе въ государственномъ управленіи. Съ этихъ поръ только сходки первыхъ пяти классовъ гражданъ, владѣвшихъ недвижимостью и раздѣленныхъ для подачи голосовъ на группы — *центуріи*, — составляли настоящее *народное собраніе*. Въ немъ избирались должностныя лица, принимались или измѣнялись законы, рѣшались вопросы о мирѣ и войнѣ. При раздѣленіи Сервія Туллія однако богатые получили все таки больше правъ; одинъ первый классъ имѣлъ 98 голосовъ, а прочіе четыре только 94. Но за то на богатыхъ возложена была обязанность безвозмездно отправлять военную службу въ тяжеломъ вооруженіи. Шестой классъ составляли не осѣдлые *пролетаріи*, не допускавшіеся въ народное собраніе, но за то свободные отъ податей. Они поставляли къ войску ремесленниковъ и музыкантовъ и опредѣленное число невооруженныхъ подставныхъ, которые въ битвѣ становились на мѣста больныхъ или убитыхъ, взявъ ихъ оружіе.

Кромѣ патриціевъ и плебеевъ, особое сословіе въ Римѣ составляли *всадники*. Еще Ромулъ выбралъ изъ каждой патриціянской куріи по 10 всадниковъ; впослѣдствіи число ихъ увеличилось вдесятеро. Они составляли конницу въ римскомъ войскѣ, получали отъ казны лошадь и кормъ, и служили безъ жалованья. Если кто нибудь изъ нихъ расточалъ свое состояніе, или нарушалъ обязанности воина, и совершалъ какой нибудь проступокъ противъ нравственности, то его постыдно на марсовомъ полѣ исключали изъ этого сословія. Впослѣдствіи всадники, къ которымъ принадлежали богатѣйшіе граждане Рима, составляли артели и цѣлыми обществами брали на откупъ государственные налоги, таможни, подря-

жались на общественныя постройки и т. п. Когда же завели въ римскомъ государствѣ постоянное войско, то они были совершенно освобождены отъ конной службы въ полѣ.

Своими нововведеніями, возвышавшими плебеевъ, Сервій Туллій навлекъ на себя ненависть патриціевъ и съ ихъ содѣйствіемъ былъ убитъ своимъ зятемъ *Луціемъ Тарквиніемъ* (534 г.). Двухъ своихъ дочерей Сервій Туллій отдалъ за двухъ братьевъ Тарквиніевъ, но супруги не сходились характерами. Строптивая младшая *Туллія* сговорилась съ властолюбивымъ старшимъ *Тарквиніемъ*, — она убила своего мужа, а *Луцій Тарквиній* извелъ свою жену и женился на *Тулліи*. Затѣмъ Луцій Тарквиній, подстрекаемый злою женою, однажды явился въ собраніе сената въ царской мантіи и сѣлъ на царскій престолъ. Вслѣдъ за нимъ явился съ упреками престарѣлый Сервій Туллій, но Тарквиній столкнулъ его съ каменныхъ ступеней сенатскаго зданія. Съ трудомъ поднялся окровавленный старецъ и, подъ защитою немногихъ приближенныхъ, хотѣлъ спастись въ свой дворецъ. Однако на пути застигли его убійцы, подосланные Тарквиніемъ. Умертвивши Сервія, они оставили его трупъ на улицѣ. Нечестивая Туллія не могла скрыть своего восторга, и отправилась въ сенатъ поздравить мужа съ царствомъ. На обратномъ пути она проѣхала по улицѣ, гдѣ лежало бездушное тѣло ея отца. Лошади съ ужасомъ остановились, вожатый хотѣлъ отъѣхать въ сторону, но родная дочь въ иступленіи приказала ему переѣхать черезъ трупъ, — и отцовскою кровью обагрились колесница и ея платье.

Новый царь лишилъ плебеевъ всѣхъ правъ, которыя далъ имъ Сервій Туллій; но и надъ патриціями царствовалъ онъ неограниченно. Онъ притѣснялъ и сенатъ, и народъ, и для безопасности окружилъ себя наемною вооруженною стражею. Держа всѣхъ въ страхѣ, онъ за свой крутой нравъ получилъ прозваніе *гордаго*.

Во время царей Римъ украшенъ постройками и снабженъ полезными сооруженіями. Тарквиній окончилъ *Капитолій*,

т. е. крѣпость въ Римѣ, заключавшая въ себѣ прекрасный храмъ Юпитера, Юноны и Минервы. Въ этомъ храмѣ ежегодно въ сентябрѣ вбивали гвоздь въ стѣну для лѣтосчисленія. Кромѣ того устроены были изъ плитняка подземные каналы для стока нечистотъ въ Тибръ — *клоаки*, главнымъ образомъ служившіе для осушенія долинъ между холмами Рима. Еще прежде устроили въ одной изъ долинъ продолговатое ристалище для бѣговъ на колесницахъ—такъ называемый *большой циркъ*, со скамьями кругомъ въ нѣсколько рядовъ. Другая долина была отведена для сходокъ народа и окружена лавками и проходами. Это такъ называемый *Форумъ*.

ЛУЦІЙ ЮНІЙ БРУТЪ И ПОРСЕНПА. УЧРЕЖДЕНІЕ РЕСПУБЛИКИ ВЪ РИМѢ.

Подъ конецъ царствованія Тарквинія Гордаго, разныя предзнаменованія указывали на угрожавшее Риму несчастіе. Орлы свили себѣ гнѣздо на верхушкѣ пальмы, недалеко отъ царскаго дворца; но однажды въ ихъ отсутствіе налетѣла стая коршуновъ, которые заклевали орлятъ, раззорили гнѣздо и прогнали возвратившихся орловъ. Вскорѣ затѣмъ царь приносилъ жертву, но едва онъ сжегъ внутренности животнаго, какъ выползла изъ подъ жертвенника змѣя и похитила мясо жертвы. Эти зловѣщія приключенія побудили встревоженнаго Тарквинія отправить своихъ двухъ сыновей въ Дельфы за оракуломъ. Съ ними былъ посланъ и племянникъ царскій *Луцій Юній*, который спасся отъ жестокости Тарквинія, убившаго изъ алчности его отца и старшаго брата, только тѣмъ, что притворялся слабоумнымъ, почему и названъ былъ *Брутомъ* (дурачекъ).—Царевичи принесли въ храмъ богатые обѣтные дары, а Брутъ посвятилъ богу свою дорожную палку; но послѣдняя была выдолблена и внутри налита золо-

томъ. Напрасно смѣялись надъ нимъ сыновья Тарквинія, они не подозрѣвали его скрытой хитрости. Оракулъ предвѣщалъ Тарквинію, что онъ лишится престола, когда словами заговоритъ собака. На вопросъ царевичей, кто изъ нихъ наслѣдуетъ отцовскую власть, Пиѳія дала отвѣтъ: «кто первый по возвращеніи поцѣлуетъ свою мать». Братья условились сдѣлать это оба разомъ и царствовать вмѣстѣ. Но Брутъ понялъ настоящій смыслъ этого изрѣченія, и при выходѣ на берегъ Италіи, какъ бы нечаянно упалъ и поцѣловалъ общую матерь всѣхъ смертныхъ — землю.

Спустя нѣсколько времени, когда Римляне осаждали сосѣднюю крѣпость, одинъ изъ молодыхъ Тарквиніевъ изъ стана тайно отправился въ ближній городъ и жестоко оскорбилъ благородную женщину *Лукрецію* въ отсутствіе мужа. Послѣдняя призвала изъ лагеря своего супруга, отца и ихъ друзей, со слезами заклинала ихъ отомстить Тарквиніямъ за ея безчестіе и въ присутствіи ихъ лишила себя жизни. Между прибывшими находился и Брутъ, который теперь сбросилъ съ себя личину слабоумія и на окровавленномъ кинжалѣ, вынутомъ изъ трупа Лукреціи, заставилъ всѣхъ поклясться изгнать Тарквинія Гордаго вмѣстѣ съ сыновьями. Всѣ вооружились и помчались въ Римъ. Брутъ собралъ народъ; единодушно рѣшили лишить Тарквинія престола. Войско тоже оставило царя и онъ долженъ былъ бѣжать со всѣмъ семействомъ (509 г.). Вслѣдъ затѣмъ Римляне навсегда уничтожили у себя царскую власть и ввели *республику*—управленіе черезъ избираемыхъ народомъ представителей. Законы Сервія Туллія были возстановлены. За общественнымъ устройствомъ наблюдалъ *сенатъ*, который предлагалъ *центуріальному народному собранію* о законахъ, войнѣ и мирѣ, о выборѣ должностныхъ лицъ и т. д. Послѣднее принимало или отвергало предложенія сената по большинству голосовъ. Подъ наблюденіемъ сената вмѣсто царей ежегодно избирали *двухъ консуловъ* изъ патриціевъ. Консулы завѣдывали судомъ, а во время войны предводительствовали войскомъ; по ихъ имени

назывался годъ; для обозначенія власти ихъ сопровождали, какъ прежде царей, 12 *ликторовъ* съ связками палокъ въ рукахъ; въ эти связки вставлялись сѣкиры, когда они выходили изъ Рима. Но во всѣ общественныя должности избирались одни патриціи, только они получали участки изъ государственныхъ земель. Однимъ изъ первыхъ консуловъ избранъ былъ *Юній Брутъ*.

Изгнанный Тарквиній дѣлалъ усилія возвратиться въ Римъ. сначала онъ надѣялся достигнуть этого хитростью. Онъ отправилъ въ Римъ повѣренныхъ, которые потребовали отъ сената выдачи его имущества. Ожидая рѣшенія, посланные прельстили обѣщаніями римскихъ юношей и составили заговоръ съ цѣлью отворить изгнанному царю ворота города. Но одинъ рабъ обнаружилъ этотъ замыселъ и виновныхъ схватили. Между ними были и два сына Брута. Народъ собрался на форумъ, куда привели и преступниковъ. Первые явились сыновья Брута. Отецъ приговорилъ ихъ къ смертной казни и передалъ ихъ ликторамъ, которые высѣкли осужденныхъ, а потомъ отрубили имъ головы. Брутъ присутствовалъ при казни и не измѣнился въ лицѣ. Пословъ Тарквинія отпустили невредимыми, но имущество его отобрали въ пользу государства, а принадлежавшее ему поле, между Капитоліемъ и рѣкою Тибромъ, посвятили Марсу и назвали *Марсовымъ полемъ*. Оно оставалось невоздѣланнымъ и служило мѣстомъ военныхъ упражненій, народныхъ сходокъ и по преимуществу мѣстомъ выборовъ.

Такъ какъ хитрость не удалась, то Тарквиній рѣшился дѣйствовать оружіемъ. Онъ получилъ помощь отъ Этрусковъ и выступилъ противъ Римлянъ. Однако Этруски были разбиты, хотя въ сраженіи палъ самъ Брутъ. Римляне поставили ему чугунную статую въ Капитоліи. Рядомъ съ царями стоялъ основатель республики, съ поднятымъ мечемъ въ рукѣ. Между тѣмъ этрусскій царь *Порсенна* съ огромнымъ войскомъ окружилъ городъ. Ему удалось неожиданно напасть на отрядъ римскій, окопавшійся на холмѣ противъ

города за рѣкою Тибромъ. Римляне бросились въ бѣгство, и Этруски ворвались бы вмѣстѣ съ ними въ городъ, если бы у деревяннаго моста не остановилъ ихъ *Горацій Коклесъ* съ двумя товарищами. Они выдерживали напоръ непріятелей, пока Римляне не успѣли сломать за ними мостъ. По послѣднимъ бревнамъ Горацій Коклесъ отослалъ своихъ товарищей на другую сторону, и бился одинъ до окончательнаго разрушенія моста. Тогда, вознося горячія молитвы богу Тибра, онъ бросился съ оружіемъ въ волны и подъ тучею стрѣлъ непріятельскихъ благополучно доплылъ до другаго берега. Римляне помнили эту заслугу Коклеса, и когда въ городѣ впослѣдствіи насталъ голодъ, каждый изъ согражданъ далъ ему, сколько могъ удѣлить изъ своихъ съѣстныхъ припасовъ; республика воздвигла ему статую на мѣстѣ сходокъ и подарила ему столько земли, сколько могъ онъ въ одинъ день обойти плугомъ.

Послѣ этой неудачи Порсенна рѣшился голодомъ принудить Римлянъ къ сдачѣ; онъ не допускалъ подвоза ни по рѣкѣ, ни изъ окрестностей. Вскорѣ Римъ былъ доведенъ до крайности. Тогда молодой патрицій *Кай Муцій* предложилъ сенату убить Порсенну и избавить такимъ образомъ отечество отъ грознаго врага. Прокравшись въ непріятельскій станъ, онъ добрался до царскаго шатра, гдѣ въ это время раздавали жалованье воинамъ. Здѣсь Муцій кинжаломъ убилъ того человѣка, къ которому обращалась большая часть воиновъ; но это былъ не Порсенна, а царскій писарь. Муція схватили и хотѣли пытать, если онъ не укажетъ на сообщниковъ своихъ; тогда, чтобы доказать свое безстрашіе къ мукамъ, онъ положилъ правую руку въ огонь, горѣвшій на жертвенникѣ. «Смотри, какъ мало дѣйствуетъ боль на людей, которые стремятся къ славѣ!» сказалъ онъ Порсеннѣ. Это самоотверженіе поразило царя ужасомъ; онъ отпустилъ Муція невредимымъ, а тотъ, какъ бы въ благодарность, открылъ ему, будто вмѣстѣ съ нимъ еще 300 римскихъ юношей поклялись убить Порсенну и ему выпала очередь первому.

Муція прозвали *Сцеволой*, т. е. лѣвшой. Порсенна снялъ осаду города, когда Римляне ему возвратили земли, прежде отнятыя у Этрусковъ, и дали въ заложники 10 мальчиковъ и 10 дѣвицъ. Одна изъ нихъ *Клелія* въ первую же ночь обманула приставленную къ нимъ стражу, убѣжала съ подругами изъ стана этрусскаго, переплыла черезъ Тибръ и благополучно достигла Рима. Но сенатъ вновь выдалъ ихъ Порсеннѣ, который удивился поступку Клеліи, даровалъ ей свободу и позволилъ взять съ собою нѣкоторыхъ другихъ заложницъ. Она выбрала младшихъ и съ ними возвратилась въ Римъ. Такъ спаслось государство отъ грознаго врага самоотверженіемъ гражданъ.

Оставленный Этрусками, Тарквиній обратился къ Латинамъ. Стѣсненные послѣдними Римляне назначали чрезвычайнаго правителя — *диктатора* (въ 499 г.), и успѣшно отразили враговъ. Тарквиній умеръ въ изгнаніи. Съ тѣхъ поръ въ случаяхъ крайней опасности консуламъ поручалось назначить на 6 мѣсяцевъ *диктатора*, который имѣлъ неограниченную власть надъ жизнью и смертью гражданъ и, сложивъ съ себя это званіе, никому не отдавалъ отчета. Консулы же и другія власти подлежали отвѣтственности передъ народнымъ собраніемъ, которое могло отмѣнять даже ихъ приговоры о смертной казни. Диктаторовъ, рѣшенія которыхъ не могли быть измѣнены народомъ, стали впослѣдствіи избирать и въ мирное время для прекращенія раздоровъ и смутъ между патриціями и плебеями.

МЕНЕНІЙ АГРИППА, КАЙ МАРЦІЙ КОРІОЛАНЪ, ЦИНЦИННАТЪ, АППІЙ КЛАВДІЙ, ВИРГИНІЯ.

По изгнаніи царей римскіе плебеи попали въ совершенную зависимость отъ патриціевъ, которые составляли господствующую касту въ государствѣ. Только патриціи могли быть из-

бираемы въ государственныя должности, только имъ отдавались въ пользованіе общественныя земли по участкамъ. Владѣя цѣнными недвижимостями, патриціи преобладали и въ народномъ собраніи, такъ какъ богатые имѣли больше голосовъ, притомъ кліэнты всегда поддерживали своихъ патроновъ—патриціевъ. Между тѣмъ безпрестанныя войны послѣдняго времени совершенно разорили плебеевъ. Обязанные являться къ войску, плебеи не могли добывать себѣ средствъ къ существованію, притомъ они должны были сами содержать себя на войнѣ, такъ какъ въ Римѣ въ это время всякая государственная служба была безвозмездная. Многіе изъ плебеевъ брали земли у патриціевъ за извѣстную ежегодную плату; эти земли теперь оставались невоздѣланными, а частію были разорены непріятелемъ. За отсрочку платежей патриціи требовали огромное вознагражденіе; долги плебеевъ наростали, а между тѣмъ они вынуждены были занимать даже деньгами и наконецъ сдѣлались совершенно неоплатными должниками. Этимъ пользовались судьи—патриціи. По законамъ, исходившимъ отъ нихъ же, должникъ за неплатежъ могъ быть обращенъ въ раба, проданъ другимъ и даже лишенъ жизни. Неудовольствіе плебеевъ на тягостную военную службу и лихоимство патриціевъ наконецъ обнаружилось явно въ консульство *Аппія Клавдія* (495 г.), который отличался высокомѣріемъ и своею враждою противъ народа.

Одинъ старикъ вырвался изъ долговой тюрьмы и въ грязныхъ лохмотьяхъ, блѣдный, изнуренный голодомъ, покрытый кровавыми язвами, вслѣдствіе жестокаго обращенія, явился на площадь, въ смертельномъ страхѣ умоляя народъ о заступничествѣ. Показывая слѣды истязаній, этотъ воинъ, участвовавшій въ 28 битвахъ, разсказывалъ народу, что во время предшествовавшихъ войнъ сожгли его домъ и дворъ, и что наконецъ голодъ во время нападенія Этрусковъ заставилъ его продать послѣдніе остатки достоянія; тогда онъ вынужденъ былъ прибѣгнуть къ займамъ. Долги его страшно росли отъ процентовъ; наконецъ заимодавецъ обратилъ его

съ двумя сыновьями по судебному приговору въ свою собственность и заковалъ въ цѣпи. Многіе изъ окружавшихъ узнали къ исхудавшемъ старцѣ своего бывшаго храбраго сотника; народъ пришелъ въ ярость и толпа съ криками требовала облегченій. А такъ какъ въ это время Римляне вели войну съ сосѣдями, то плебеи отказались стать подъ знамена. Только обѣщаніемъ освободить должниковъ отъ рабства удалось успокоить ихъ и они выступили противъ непріятелей. Но по окончаніи похода патриціи не исполнили даннаго обѣщанія. Аппій Клавдій утверждалъ, что лохмотникамъ еще слишкомъ хорошо живется, что необходимо сломить ихъ заносчивость! Назначили диктатора, которому народъ довѣрялъ, и плебеи отправились въ новый походъ. Но и по окончаніи этой войны старанія диктатора въ пользу плебеевъ были безуспѣшны и онъ въ негодованіи сложилъ съ себя власть. Тогда плебеи, которые были еще за городомъ въ рядахъ войска, отказались повиноваться консулу и ушли на *священную гору* (у рѣки *Аніо*), рѣшившись основать здѣсь новый городъ. Патриціи вынуждены были оставить свое упорство. Они отправили на священную гору десять сенаторовъ уговорить народъ.

Одинъ изъ послѣднихъ *Мененій Агриппа*, любимецъ народа, сказалъ плебеямъ слѣдующую притчу: «Однажды всѣ члены тѣла возстали противъ желудка, вознегодовавъ за то, что они только трудятся, а онъ спокойно наслаждается, — и отказались служить ему: руки перестали подносить пищу ко рту, ротъ не раскрывался, зубы не разжевывали пищу,—желудокъ оставался пустъ. Но вскорѣ и все тѣло ослабѣло. Тогда всѣ члены убѣдились, что хотя они питаютъ желудокъ, за то онъ даетъ имъ силы; что ни онъ безъ нихъ, ни они безъ него существовать не могутъ—и помирились. Тоже и съ патриціями и плебеями.» Этотъ разсказъ озадачилъ плебеевъ и они согласились возвратиться въ Римъ, если имъ облегчатъ долги, выпустятъ должниковъ изъ темницы и дадутъ имъ заступниковъ передъ судомъ патриціевъ. Дѣйствительно, имъ предо-

ставили право ежегодно избирать на своихъ сходкахъ *трибуновъ*, единственно изъ плебеевъ. Трибуны не подчинялись консуламъ, личность ихъ была неприкосновенна, дома ихъ не запирались даже ночью, чтобы всякій плебей могъ всегда являться къ нимъ съ жалобою. Они могли остановить всякую мѣру, клонившую ко вреду народа, воспротивиться распоряженіямъ консуловъ, сбору податей и созванію войска. Поэтому рѣшенія сената были недѣйствительны безъ согласія трибуновъ, и имъ отвели скамью въ залѣ сенатскаго собранія (курія), гдѣ они отвергали все, противное выгодамъ плебеевъ, словомъ *запрещаю—veto*. Кромѣ того, имъ даны были помощники, наблюдавшіе за торговцами и рыночными зданіями и не допускавшіе барышничества и лихоимства,—они назывались *эдилами*.

Неохотно и только по необходимости уступили патриціи, выжидая удобнаго случая возстановить опять прежнія свои неограниченныя права. По этому, когда въ Римѣ насталъ голодъ (492 и 491 г.) и хлѣбъ привозили на счетъ общественной казны изъ Этруріи и Сициліи, то *Кай Марцій Коріоланъ* совѣтовалъ сенату предложить плебеямъ безплатную раздачу хлѣба, если они откажутся отъ своихъ трибуновъ. Народъ узналъ объ этихъ новыхъ козняхъ и неудовольствіе его дошло до крайнихъ предѣловъ; трибуны потребовали Коріолана на судъ. Онъ бѣжалъ съ приверженцами изъ города и возбудилъ сосѣдей къ войнѣ противъ отечества. Римляне не успѣли приготовиться къ отпору. Коріоланъ отвергъ всѣ ихъ предложенія и городу угрожала погибель. Тогда мать и супруга Коріолана явились спасительницами Рима. Сопровождаемыя многими благородными женщинами, онѣ въ торжественномъ шествіи отправились въ станъ Коріолана, который не устоялъ противъ ихъ увѣщаній и моленій; суровый воинъ бросился въ объятія матери со словами: «о мать, ты спасла Римъ, но погубила сына!» и приказалъ войску отступить. Недовольные этимъ сосѣди умертвили Коріолана.

Но трибуны не во всѣхъ случаяхъ могли защищать плебеевъ отъ притѣсненій патриціевъ. До тѣхъ поръ, пока судъ производился только по обычному праву, по старинѣ, онъ исключительно оставался въ рукахъ патриціевъ, зависѣлъ отъ ихъ произвола. Плебеи желали избавиться отъ этого и имѣть возможность самимъ слѣдить за ходомъ суда: они потребовали опредѣленныхъ *писанныхъ* законовъ. По этому поводу началась упорная борьба.—Усобицею воспользовались Сабиняне: они вторглись въ Римъ и осадили Капитолій. Тогда къ диктаторству призвали *Цинцинната*. Послы отъ сената нашли его въ полѣ за плугомъ, безъ одежды, въ одномъ фартукѣ; жена вынесла ему тогу, чтобы онъ могъ прилично выслушать вѣстниковъ. Цинциннатъ поспѣшилъ въ Римъ; по его зову собралось все войско и непріятель былъ отбитъ. Сложивъ диктаторство, Цинцинатъ снова принялся за обработку своего поля.—По водвореніи мира трибуны тотчасъ возобновили свои требованія о посылкѣ выборныхъ къ Грекамъ въ южную Италію и Аѳины, для изученія тамошнихъ законовъ. Наконецъ патриціи уступили. По возвращеніи посланныхъ оба сословія согласились избрать десять человѣкъ изъ патриціевъ съ неограниченною властью для составленія новыхъ законовъ. *Децемвиры*, управлявшіе государствомъ, вмѣсто консуловъ и другихъ властей, которые на это время были уничтожены, составили къ концу перваго года (452 г.) десять таблицъ законовъ; сенатъ и народное собраніе ихъ приняли, и они были поставлены на форумѣ. Однако требовалось еще много дополненій и вторично были избраны новые децемвиры на неопредѣленное время для окончательнаго установленія законовъ. Они написали еще двѣ таблицы въ слѣдующемъ году. Между этими децемвирами былъ властолюбивый *Аппій Клавдій*, уговорившій товарищей не слагать съ себя власти и на третій годъ. Патриціи не хотѣли вмѣстѣ съ консулами возстановить снова трибуновъ и выжидали случая совершенно уничтожить эту должность. Но вскорѣ дерзкій поступокъ Аппіи Клавдія вызвалъ возстаніе народа. Онъ

хотѣлъ нахально отнять у плебея Виргинія дочь его *Виргинію*. Съ этой цѣлью во время отсутствія отца, находившагося въ войскѣ, одинъ изъ кліэнтовъ Аппія Клавдія схватилъ дѣвицу на форумѣ, подъ предлогомъ, что она раба его патрона и похищена бездѣтною супругою Виргинія. Ихъ привели на судъ къ Аппію Клавдію, который отложилъ рѣшеніе на слѣдующій день до прибытія отца въ городъ. Женихъ Виргиніи (Ицилій) тайно извѣстилъ отца, который, получивъ отпускъ, поспѣшилъ на освобожденіе дочери. Гонцы Аппія Клавдія, посланные въ лагерь съ приказомъ задержать Виргинія, застали его уже на дорогѣ въ Римъ. Въ изорванной одеждѣ явился Виргиній съ дочерью на форумъ. Аппій Клавдій присудилъ отдать дѣвушку своему кліэнту, и когда послѣднюю обступили пріятели отца, онъ велѣлъ ликторамъ разогнать толпу. Не смѣя противиться законной власти, народъ разступился. Тогда Виргиній просилъ, какъ послѣдней милости, позволить ему проститься съ дочерью. Онъ отвелъ ее въ сторону рынка къ лавкѣ мясника, но здѣсь схватилъ ножъ, закололъ любимую дочь, и съ окравленнымъ ножомъ въ рукахъ возвалъ народъ къ возстанію противъ децемвировъ. Плебеи оставили войско и опять удалились на священную гору, тамъ избрали они трибуновъ и подъ ихъ начальствомъ осадили Римъ. Патриціи должны были уступить. Децемвиры подверглись строгому суду. Аппій Клавдій и его друзья лишили себя жизни въ темницѣ; остальные были приговорены къ изгнанію. Плебеи получили новыя права, они могли уничтожить всѣ приказанія властей на своихъ сходкахъ; завѣдываніе войсковою казною было отнято у консуловъ, — трибуны могли выбирать изъ патриціевъ двухъ особыхъ казначеевъ — *квесторовъ*. Сами трибуны получили мѣсто въ самомъ собраніи сената, могли участвовать въ его совѣщаніяхъ и дѣлать предложенія. Вскорѣ былъ разрѣшенъ бракъ между обоими сословіями безъ потери сословныхъ правъ для дѣтей; но только послѣ многолѣтней и ожесточенной борьбы удалось три-

бунамъ доставить плебеямъ право поступать по избранію во всѣ общественныя должности (въ концѣ IV ст.).

НАШЕСТВІЕ ГАЛЛОВЪ НА РИМЪ, ЛУЦІЙ ФУРІЙ КАМИЛЛЪ, МАНЛІЙ КАПИТОЛИНЪ.

Не смотря на внутренніе раздоры между плебеями и патриціями, Римляне успѣшно воевали съ сосѣдями и отнимали у нихъ земли. Граждане, отправлявшіеся на войну, стали получать жалованье, по этому войска могли долѣе оставаться въ полѣ, нерѣдко они проводили въ лагерѣ и зиму. Самое упорное сопротивленіе во все время этихъ войнъ они встрѣтили отъ города *Веіи* (въ Этруріи), осада котораго длилась десять лѣтъ. Въ десятый годъ союзники Веіентовъ нанесли Римлянамъ такое пораженіе, что они поспѣшили избрать диктаторомъ *Камилла*. Разныя знаменія предвѣщали паденіе Веіи. Въ сухое и жаркое лѣто сосѣднее озеро разлилось по окрестностямъ и если бы разливъ дошелъ до моря, то, по предвѣщанію, Риму угрожала опасность, но Римляне отвели воду въ сторону. Между тѣмъ Камиллъ успѣлъ подкопаться подъ городъ; вырытый имъ въ землѣ проходъ доходилъ до храма Юноны въ Веіентскомъ кремлѣ. Въ то время, когда Веіентскій царь приступалъ къ жертвоприношенію въ этомъ храмѣ и жрецъ ему возвѣстилъ, что побѣда достанется тому, кто принесетъ богинѣ приготовленную жертву—какъ бы изъ подъ земли явились Римляне, скрывшіеся въ подкопѣ, и совершили жертву въ свою пользу. Городъ былъ взятъ (396 г. до Р. Хр.), жители его частью умерщвлены, частью обращены въ рабство. Эта побѣда возбудила всеобщую радость въ Римѣ; съ тѣхъ поръ до позднѣйшихъ временъ вошло въ обычай оканчивать римскія торжественныя игры *продажею Веіентовъ*. Однако виновникъ торжества Камиллъ былъ нена-

видимъ плебеями за гордость; трибуны обвинили его въ утайкѣ части добычи и позвали къ себѣ на судъ. Тогда Камиллъ добровольно удалился въ изгнаніе и, оставляя Римъ, молилъ боговъ, чтобы они ниспослали городу несчастіе: да вспомнятъ Римляне о немъ. Его желаніе сбылось.

За полтораста лѣтъ передъ тѣмъ *Галлы* (Кельты) заняли долину рѣки По. Этотъ народъ считалъ позорнымъ воздѣлывать землю; они занимались преимущественно скотоводствомъ и съ своими стадами проводили дни и ночи въ дубовыхъ рощахъ. Они не питали привязанности къ родной почвѣ и всегда были готовы переселяться, или идти въ походъ куда бы то ни было. Галлы особенно цѣнили два свойства: умѣнье драться и находчивость. Они были высокаго роста, мускулисты, съ косматыми волосами и длинными усами,—въ противоположность Грекамъ и Римлянамъ, которые подстригали усы и волоса на головѣ. Галлы носили пеструю, вышитую одежду, которую они нерѣдко сбрасывали въ битвахъ, а на шеѣ широкое золотое кольцо; шлемовъ и метательнаго оружія они не употребляли, но за то имѣли огромные щиты, длинные мечи, кинжалы и копья. Свое оружіе они украшали золотомъ, и вообще искусно обработывали металлы. Обыкновенно они сражались пѣшіе, но были у нихъ и конные отряды, въ которыхъ за каждымъ всадникомъ слѣдовали два конные оруженосца; въ большомъ употребленіи были у нихъ и военные колесницы. Галлы имѣли обыкновеніе, поглумившись надъ непріятелемъ словами и жестами, вызывать противниковъ на поединки; среди мира они сами бились между собою на смерть въ блистательномъ вооруженіи; поединки эти оканчивались пирами. Вскорѣ по изгнаніи Камилла изъ Рима Галлы ворвались въ землю Этрусковъ и раззорили нѣсколько городовъ. Этруски просили помощи у Римлянъ, которые отправили къ Галламъ посольство спросить варваровъ, по какому праву они завладѣли чужими землями? *Бренн* (т. е. царь-воевода) Галловъ гордо имъ отвѣтилъ: «До Римлянъ, имя которыхъ мы въ первый разъ слышимъ, намъ дѣла

нѣтъ. Право наше мы носимъ на остріи нашихъ мечей: все принадлежитъ храбрымъ людямъ.»

Когда же римскіе послы приняли участіе въ битвѣ, и одинъ изъ нихъ убилъ галльскаго военачальника, то ярость Галловъ обратилась на Римлянъ; они поспѣшили къ Риму, оставляя въ покоѣ земли, лежавшія на ихъ пути. Римляне наскоро вооружили гражданъ и выступили на встрѣчу непріятелю, но потерпѣли при рѣчкѣ *Алліи* такое страшное пораженіе (389 г.), что день битвы былъ отмѣченъ чернымъ цвѣтомъ въ римскомъ календарѣ, какъ день скорби и покаянія. Галлы цѣлыя сутки пировали на полѣ сраженія. Между тѣмъ Римляне успѣли приготовить Капитолій и кремль къ осадѣ, перевели туда остатокъ войска, снабдили его припасами, перенесли туда же казну и всѣ драгоцѣнности. Священная утварь храмовъ была зарыта въ землю, женщины и дѣти искали убѣжища въ окрестныхъ городахъ. Всѣ оставили городъ, только 80 жрецовъ и старцевъ рѣшились торжественно посвятить себя въ очистительную жертву за республику, на погибель врагамъ. Облекшись въ праздничную одежду, они заняли сѣдалища на форумѣ и неподвижные смотрѣли на Галловъ, вступавшихъ въ пустой городъ. Мертвая тишина, господствовавшая въ Римѣ, навела страхъ на Галловъ; безмолвныхъ старцевъ приняли они за боговъ, нисшедшихъ съ неба защищать городъ. Но когда одинъ Галлъ дотронулся руками до сѣдой бороды старца, бывшаго нѣкогда консуломъ, а тотъ ударилъ его жезломъ изъ слоновой кости, варваръ изрубилъ его; таже участь постигла и остальныхъ. Затѣмъ Галлы бросились грабить городъ и сожгли его. Капитолія однако не удалось имъ взять; всѣ приступы были отражены и осада длилась семь мѣсяцевъ. Между тѣмъ въ рядахъ Галловъ начали свирѣпствовать голодъ и лихорадка, они умирали тысячами: мѣсто, гдѣ сожигали они трупы, въ древнемъ Римѣ впослѣдствіи называлось *кострами Галловъ*.

Въ тоже время бѣглые Римляне собрались въ городѣ Веіи; къ нимъ прибылъ и Камиллъ, котораго они единогласно из-

брали диктаторомъ, требуя, чтобы онъ велъ ихъ къ Риму. Камиллъ отказывался принять этотъ санъ до утвержденія избранія его сенатомъ; между тѣмъ всѣ сенаторы были въ Капитоліи. Тогда одинъ юноша вызвался пробраться къ осажденнымъ, переплылъ Тибръ, вышелъ на берегъ у подошвы Капитолійскаго холма и незамѣченный достигъ его вершины; благополучно онъ опять возвратился къ своимъ. Однако этотъ отважный подвигъ едва не погубилъ осажденныхъ. На слѣдующее утро Галлы замѣтили вырванные кусты и стоптанную траву на той сторонѣ горнаго ската, по которой взлѣзалъ удалецъ. Дождавшись полночи, Галлы прокрались до высоты Капитолія; ихъ не замѣтили ни стража, ни собаки, но Римлянъ спасли гуси, посвященные Юнонѣ и содержавшіеся при ея храмѣ. Они подняли такой крикъ, что разбудили Манлія. Манлій щитомъ столкнулъ перваго Галла, ставшаго на вершину, а тотъ при своемъ паденіи опрокинулъ прочихъ; — попытка не удалась. Нерадивую стражу низвергли со скалы со связанными руками, а *Манлій* получилъ прозваніе *Капитолійскаго*; даже, не смотря на общій голодъ, каждый изъ осажденныхъ пожертвовалъ ему часть изъ своихъ припасовъ.

Галлы, потерявшіе многихъ товарищей отъ болѣзней и услышавъ притомъ, что сосѣди напали на ихъ родину, послѣ этой неудачи согласились взять откупъ. Римляне должны были дать имъ 1000 фунтовъ золота за отступленіе. Но Галлы схитрили при взвѣшиваніи, и когда Римляне жаловались на эту несправедливость, то Бреннъ нагло бросилъ на вѣсы еще свой мечъ съ презрительными словами: «горе побѣжденнымъ!» Въ это мгновеніе явился Камиллъ съ войскомъ изъ Веіи. Восклицая: «не золотомъ, а желѣзомъ выкупимъ отечество,» Камиллъ напалъ на Галловъ. Они были разбиты и погибли всѣ до послѣдняго. Однако Римъ былъ до того разоренъ, что, избавившись отъ Галловъ, Римляне хотѣли переселиться въ Веіи. Этому воспротивился Камиллъ. По его предложенію сенатъ позволилъ ломать зданія въ Веіи

и рубить повсюду безплатно лѣсъ; такимъ образомъ Римъ вновь отстроился, а Камилла прозвали вторымъ основателемъ города.

ПИРРЪ, ЦАРЬ ЭПИРСКІЙ. ВОЕННОЕ ХОЗЯЙСТВО РИМЛЯНЪ. КАЙ ФАБРИЦІЙ, КУРІЙ ДЕНТАТЪ.

Избавившись отъ Галловъ, Римляне продолжали покореніе Италіи и, благодаря цѣлому ряду счастливыхъ войнъ, подчинили своему владычеству сосѣдей Самнитянъ, Латинянъ и Этрусковъ. Греки, населявшіе южную Италію, находились въ дружбѣ съ Римлянами. Но въ 282 г. Римляне нарушили договоръ, заключенный съ богатѣйшею изъ греческихъ колоній—*Тарентомъ*. Римскіе корабли показались въ тарентинской гавани въ то время, когда въ театрѣ давались обычныя представленія въ честь бога Вакха. Всѣ Тарентинцы собрались на эти зрѣлища. Одинъ изъ присутствовавшихъ обратилъ ихъ вниманіе на римскія суда, которыя видны были съ ступеней театра. Пьяная толпа въ неистовствѣ бросилась къ гавани, пять кораблей было пущено ко дну, находившихся на нихъ воиновъ умертвили, а гребцовъ обратили въ рабовъ. Римляне, занятые еще войною съ Этрусками, желали мира, но предложенія ихъ были отвергнуты, а посла римскаго Тарентинцы осмѣяли за дурное произношеніе греческихъ словъ. Мало этого; при выходѣ изъ театра, — куда собрались граждане по греческому обычаю выслушать пословъ,—пьяный шутъ испачкалъ тогу посла при шумныхъ рукоплесканіяхъ толпы. «Ручьями вашей крови я смою пятна съ этой одежды,» грозилъ имъ римскій посолъ. Война была неизбѣжна.

Не надѣясь на собственныя силы, Тарентинцы призвали изъ Греціи воинственнаго *Пирра,* царя Эпирскаго. Это былъ послѣдній греческій царь, напоминавшій древнихъ героевъ.

Онъ избралъ себѣ образцомъ Александра Великаго и, подобно ему, собирался завоевать весь свѣтъ. Пирръ, мечтавшій постоянно объ удалыхъ подвигахъ и завоеваніяхъ, охотно принялъ предложеніе Тарентинцевъ. Съ 20,000 пѣхоты, 3000 конницы, 2000 стрѣлковъ, 500 пращниковъ и 20 слонами, которыхъ Римляне тутъ увидѣли въ первый разъ, онъ прибылъ въ Италію. Граждане греческихъ городовъ того времени сами не выступали въ поле, а войска нанимались. Пирръ намѣревался превратить изнѣженныхъ Тарентинцевъ въ мужественныхъ воиновъ. «Дайте мнѣ только рослыхъ и сильныхъ людей, я изъ нихъ сдѣлаю хорошихъ солдатъ,» говаривалъ Пирръ. Онъ запретилъ всѣ пиршества въ Тарентѣ, заперъ театры и заставилъ молодежь заняться военными упражненіями въ гимназіяхъ. Многіе бѣжали изъ города и Пирръ вынужденъ былъ поставить къ воротамъ стражу изъ своихъ Эпиротянъ.

Македонская фаланга и слоны доставили Пирру блистательную побѣду въ первомъ сраженіи съ Римлянами (при *Гераклеѣ* въ 280 г.). Еще до начала битвы Пирръ удивлялся римскому строю, а когда на другой день онъ посѣтилъ поле сраженія и увидѣлъ, что всѣ мертвые лежали обращенные лицомъ къ непріятелю съ ранами на груди, онъ воскликнулъ: «съ такими воинами весь свѣтъ достался бы *мнѣ*, или Римлянамъ, если бы *я* былъ ихъ полководцемъ.» Въ самомъ дѣлѣ Римляне, постоянно враждовавшіе съ сосѣдями и стремившіеся къ завоеніямъ, довели военное дѣло до большаго совершенства. Полкъ—*легіонъ*, состоявшій изъ 4200 пѣшихъ воиновъ и 300 всадниковъ, раздѣлялся на десять *когортъ*. Каждая когорта заключала въ себѣ три отряда тяжеловооруженныхъ, строившихся одинъ за другимъ такъ, что передній состоялъ изъ новобранцевъ, а въ третьемъ находились уже опытные старые воины. Послѣдніе вступали въ сраженіе, когда передніе отряды были отбиты. Вооруженіе состояло изъ копьевъ, которыхъ было нѣсколько у каждаго воина, изъ короткаго прямаго меча, продолговатаго, четыреуголь-

наго щита съ вогнутыми боками, закрывавшаго всего человѣка; щитъ былъ сколоченъ изъ досокъ, обтянутыхъ бычачьею кожею, края его были обиты желѣзомъ. Голова была защищена шлемомъ, который привязывали за подбородокъ ремнями съ нашитыми желѣзными чешуями. Вооруженіе дополняли кованный нагрудникъ и латы для ногъ. Животъ и плеча обвязывали ремнями, на которые были нанизаны мѣдныя кольца. Кромѣ того, въ каждомъ легіонѣ были и легковооруженные, метавшіе дротики въ непріятеля и вызывавшіе его на бой, который затѣмъ рѣшался тяжеловооруженными. Конница составляла крыло легіона, и служила только для преслѣдованія уже бѣгущаго непріятеля. Войско консула заключало въ себѣ обыкновенно два легіона римскихъ гражданъ и нѣсколько полковъ изъ союзниковъ; при немъ были обозные, ремесленники, музыканты и лекаря (медики). Консулъ, какъ воевода, назывался *преторомъ* и имѣлъ неограниченную власть надъ жизнью и смертью всѣхъ воиновъ. Ослушниковъ наказывали розгами, а за тяжкія преступленія отсѣченіемъ головы: если цѣлый отрядъ бѣжалъ передъ непріятелемъ или не повиновался своему начальнику, то одинъ изъ десяти подвергался казни (*децимированіе*). Каждымъ легіономъ начальствовалъ *легатъ*, которому подчинены были трибуны, сотскіе (*центуріоны*) и знаменщики. Начальникъ конницы назывался *префектомъ*, при немъ были десятскіе (*декуріоны*). Значки военные состояли изъ копья, къ которому прикрѣплены были или рука, или вѣнокъ, или изображеніе волка, коня, быка, кабана; главный значекъ всего легіона украшался серебрянымъ орломъ. Останавливаясь на походѣ, римское войско всегда располагалось станомъ въ видѣ четыреугольника, который окружали рвомъ и насыпью. По срединѣ стана на возвышенномъ мѣстѣ стоялъ шатеръ военачальника—*претора* (т. е. консула)—*преторій*, а за нимъ располагался отрядъ изъ охотниковъ, составлявшихъ его лейбъ-гвардію,—*преторіанская когорта*.

За подвиги и храбрость воины награждались почетными подарками; первый, успѣвшій влѣзть на стѣну осажденнаго города, получалъ корону, на краяхъ которой были изображены укрѣпленія городской стѣны. Подобныя же коропы давались за взятіе стана, корабля и т. д. Другіе подарки состояли въ оружіи, ожерельяхъ, кольцахъ, лошадиной сбруѣ для всадниковъ. Отличившихся освобождали и отъ нѣкоторыхъ тягостей службы, давали имъ двойной паекъ. Доблестнаго полководца подымали сами воины на щитъ послѣ одержанной имъ побѣды и провозглашали *императоромъ*. Для императора была высшая почесть — *тріумфъ*, котораго онъ могъ удостоиться только по приговору сената. До торжества полководецъ не смѣлъ явиться въ Римъ. Въ день, назначенный для тріумфа, храмы и дома убирались вѣнками и цвѣтами, по улицамъ курили ѳиміамъ, для зрителей были построены сѣдалища, а народъ ожидалъ тріумфатора у воротъ города въ праздничныхъ нарядахъ. Тріумфаторъ раздавалъ за городомъ достойнѣйшимъ воинамъ награды, а затѣмъ торжественно вступалъ въ Римъ. Шествіе открывали трубачи, за ними слѣдовали колесницы, нагруженныя добычею, между которою находились изображенія взятыхъ городовъ и становъ, или горъ и рѣкъ, черезъ которыя переходило войско. За колесницами вели бѣлыхъ быковъ, назначенныхъ въ жертву, рога ихъ были позолочены и украшены лентами и цвѣтами; далѣе вели захваченныхъ боевыхъ слоновъ, а за ними шли болѣе знатные изъ плѣнниковъ (Послѣ тріумфа ихъ обыкновенно умерщвляли въ темницѣ). Тріумфатору предшествовали сенаторы въ пурпуровыхъ одеждахъ и хоръ музыкантовъ съ киѳарами и свирѣлями; всѣ были въ золотыхъ вѣнцахъ и выступали съ пѣснями и плясками; между ними вертѣлся шутъ въ длинной пурпуровой одеждѣ. Наконецъ четыре бѣлыя лошади везли расписанную колесницу, въ которой стоялъ тріумфаторъ: съ лавровымъ вѣнкомъ на головѣ, въ туникѣ, на которой были вышиты золотомъ пальмовыя вѣтки, въ пурпуровой тогѣ, протканной золотыми звѣздоч-

ками (эта торжественная одежда хранилась въ храмѣ Юпитера Капитолійскаго). Лицо тріумфатора было раскрашено сурикомъ, въ правой рукѣ держалъ онъ лавровую вѣтвь, а въ лѣвой скиптръ изъ слоновой кости. Надъ головою его рабъ держалъ золотую корону, украшенную драгоцѣнными камнями, приговаривая по временамъ: «вспомни, что ты человѣкъ!» — Что въ случаѣ преступленія впослѣдствіи тріумфъ не избавлялъ отъ казни, на это намекали бичъ и бубенчики, висѣвшіе по сторонѣ колесницы (бубенчики носилъ преступникъ, чтобы каждый избѣгалъ его оскверняющаго присутствія, когда бичемъ его прогоняли черезъ городъ на казнь). Младшія дѣти тріумфатора были съ нимъ въ колесницѣ; старшія сидѣли верхомъ на лошадяхъ везшихъ ее. Шествіе заключало войско въ полномъ вооруженіи и боевомъ порядкѣ, воины несли зеленыя вѣтки и распѣвали пѣсни, въ которыхъ осмѣивали своихъ начальниковъ и самого тріумфатора. Въ такомъ порядкѣ шествіе подвигалось черезъ форумъ въ Капитолій, гдѣ въ храмѣ тріумфаторъ складывалъ свою лавровую вѣтвь на лоно статуи Юпитера.

Пирръ не ожидалъ встрѣтить такой опытности въ военномъ дѣлѣ у Римлянъ; его удивилъ отказъ римскихъ плѣнниковъ вступить въ его войско. Неохотникъ до продолжительныхъ войнъ, онъ вступилъ въ переговоры, надѣясь заключить выгодный миръ послѣ одержанной побѣды и отправилъ въ Римъ краснорѣчиваго *Кинеаса;* условія мира были: полная свобода всѣхъ Грековъ въ южной Италіи и возвращеніе завоеванныхъ земель другимъ сосѣдямъ. Кинеасъ всѣми средствами заискивалъ расположеніе вліятельныхъ лицъ въ Римѣ, и хотя подарковъ его не брали, однако сенатъ началъ уже колебаться. Тогда старый, слѣпой сенаторъ (Аппій Клавдій), давно уже не являвшійся въ собраніе, приказалъ рабамъ своимъ снести его туда на носилкахъ. Онъ явился съ грозными словами: «до сихъ поръ я роптaлъ на потерю зрѣнія, но теперь желалъ бы и оглохнуть, чтобы не слышать недостойныхъ предложеній вашего малодушія.» Аппій пристыдилъ товарищей,

и Кинеасу дали отвѣтъ: «покуда Пирръ не оставитъ Италіи, не можетъ быть и рѣчи о мирѣ.» Величіе и мудрость старцевъ, управлявшихъ Римомъ, поразили посла; сенатъ показался ему «соборомъ царей», какъ донесъ онъ Пирру. При бытности Кинеаса въ Римѣ составляли два новые легіона, но воиновъ не набирали по цензорскому списку, а вызывали охотниковъ: ихъ такъ много толпилось на форумѣ, какъ будто бы тамъ раздавались подарки. Видя это, Кинеасъ утверждалъ, что война съ Римлянами все равно, что борьба съ лернейскою гидрою.

Пирръ уже терялъ надежду на скорое окончаніе войны, когда прибыло къ нему посольство изъ Рима для размѣна и выкупа плѣнныхъ. Царь отвергъ это предложеніе. Между послами былъ и *Кай Фабриціи*, котораго Пирръ тщетно пытался склонить на свои предложенія и подарками, и страхомъ, приказавъ неожиданно ввести слона въ шатеръ, гдѣ вели переговоры. По данному царемъ знаку, внезапно отдернули занавѣсь, за которою былъ скрытъ слонъ, и съ страшнымъ ревомъ онъ вытянулъ свой хоботъ черезъ голову Фабриція, — но тотъ совершенно спокойно сказалъ царю: «Я сегодня столько же испугался твоего слона, сколько соблазнился твоимъ золотомъ вчера.» Пирръ отпустилъ военноплѣнныхъ въ Римъ съ условіемъ, чтобы они возвратились, если сенатъ не согласится на миръ. Ихъ ходатайство было безуспѣшно. Сенатъ даже грозилъ смертною казнью тому, кто останется въ Римѣ по истеченіи назначеннаго Пирромъ срока. Война возобновилась, и хотя Пирръ одержалъ побѣду (при Аскулумѣ въ 279 г.), но она обошлась ему такъ дорого, что на поздравленія онъ отвѣтилъ: «еще такая побѣда, и я погибъ!» Между тѣмъ лейбъ-медикъ Пирра предложилъ Римлянамъ отравить своего царя за деньги. Фабриціи отослалъ его письмо къ Пирру. «Скорѣе уклонится солнце отъ своего пути, чѣмъ Фабриціи отъ требованій честности,» воскликнулъ царь, и отпустилъ всѣхъ римскихъ плѣнниковъ. На возобновленное

предложеніе мира сенатъ отвѣтилъ по прежнему требованіемъ оставить Италію; однако перемиріе состоялось.

Страсть къ новымъ похожденіямъ увлекла Пирра въ Сицилію, куда звали его Греки, защищавшіе свою свободу отъ Карѳагенянъ. Но его намѣреніе — завладѣть прекраснымъ островомъ — не удалось, и когда послѣ трехлѣтняго отсутствія, онъ опять возвратился въ Тарентъ, то отъ битвъ и болѣзней въ его войскѣ никого не осталось изъ старыхъ эпирскихъ воиновъ, ихъ замѣнили новобранцы итальянскіе и наемные греческіе бродяги, а роскошь и страсть къ добычѣ подорвали въ войскѣ прежнее повиновеніе предводителю. Но имя Пирра все еще было до того страшно для Римлянъ, что при новомъ наборѣ въ Римѣ никто не являлся на вызовъ; тогда консулъ *Курій Дентатъ* приказалъ бросить жребій между всѣми трибами, а въ трибѣ, на которую выпалъ жребій, переписать всѣхъ способныхъ носить оружіе; когда же первый, котораго онъ потребовалъ на службу не явился, онъ продалъ его имущество съ публичнаго торга. Тутъ выступилъ провинившійся и умолялъ трибуна о заступничествѣ, но ему было отказано, и Курій его самаго продалъ въ рабство, говоря: «тотъ болѣе не гражданинъ государства, кто не умѣетъ повиноваться.» Эта строгость подавила сопротивленіе гражданъ, такъ что разомъ набрали два консульскія войска. Маркъ Курій Дентатъ походилъ на Фабриція какъ по бѣдности, такъ и по силѣ воли. Когда онъ въ первый разъ былъ консуломъ въ войнѣ съ Самнитянами, послѣдніе отправили къ нему пословъ, предлагавшихъ ему деньги, съ тѣмъ, чтобы онъ склонилъ сенатъ на миръ. Курій сидѣлъ на деревянной скамьѣ у очага и варилъ себѣ рѣпу; подарки пословъ онъ отвергъ словами: «я предпочитаю властвовать надъ богатыми людьми, чѣмъ самому обогащаться.»

Курій выбралъ удобное мѣсто для сраженія (при Малевентѣ, который послѣ побѣды названъ былъ Веневентомъ въ 275 г.), и дожидался другаго консула. Это соединеніе хотѣлъ предупредить Пирръ и напалъ на Римлянъ, надѣясь на сло-

новъ; но Римляне уже научились пугать этихъ животныхъ. Они бросали въ слоновъ зажженныя стрѣлы, обвитыя смоленою паклею и вцѣплявшіяся въ кожу крючьями. Слоны, развирѣпѣвъ отъ боли, обратили тылъ и привели собственное войско въ смятеніе. Побѣда Римлянъ была рѣшительная; 20,000 враговъ было убито, весь лагерь царскій съ несмѣтною добычею достался побѣдителямъ; четыре слона украшали тріумфъ Курія.

Пирръ спасся съ немногими всадниками и поспѣшилъ возвратиться въ Эпиръ. Не угомонившись, онъ вскорѣ предпринялъ походъ въ Пелопоннесъ; но при взятіи Аргоса онъ былъ сбитъ съ лошади камнемъ, брошеннымъ въ него старою бабою, и умерщвленъ однимъ изъ непріятельскихъ начальниковъ (272 г.). Въ томъ же самомъ году Римляне взяли Тарентъ, разрушили его стѣны, уничтожили флотъ; въ числѣ богатой добычи взято много художественныхъ произведеній, которыя перевезли въ Римъ. Вслѣдъ затѣмъ римскому оружію должна была покориться вся южная Италія и къ 266 г. они распространили свое владычество до Мессинскаго пролива. Вскорѣ Римляне перешли въ Сицилію.—Во время описанной войны Римляне въ первый разъ пришли въ соприкосновеніе съ греческою образованностію, обстоятельство имѣвшее для нихъ очень важныя послѣдствія: они стали подражать произведеніямъ греческаго искусства и изучать творенія греческихъ ученыхъ.

ДІОНИСІЙ СТАРШІЙ. АГАѲОКЛЪ.

Плодородный островъ Сицилія уже довольно рано былъ заселенъ — Финикіянами въ западной и Греками въ восточной части. Греческія колоніи, пользовавшіяся независимостью и самостоятельнымъ управленіемъ, достигли могущества и благосостоянія. Особенно возвысились *Сиракузы* (на восточномъ

берегу); городъ имѣлъ до 500,000 жителей и обширностью (до 31 версты въ окружности) превосходилъ самый Римъ. Между тѣмъ финикійскіе города подпали подъ власть Карѳагена, который изъ опасенія потерять господство надъ ними мѣшалъ ихъ усиленію. Такъ какъ греческіе города существовали каждый самъ по себѣ и часто между собою враждовали, то это побудило Карѳагенянъ стремиться завоевать весь островъ. Но первая ихъ попытка во время нашествія Ксеркса на Грецію кончилась страшнымъ пораженіемъ (при Гимерѣ, 480 г.), и доставила Сиракузянамъ, виновникамъ побѣды, игемонію надъ остальными Греками въ Сициліи.

Въ Сиракузской республикѣ происходили въ свою очередь нескончаемые споры между аристократами и демократами, которые доставляли возможность предпріимчивымъ людямъ временно являться единовластными тираннами. Прочіе греческіе города тяготились зависимостью отъ Сиракузъ и призывали Карѳагенянъ, которымъ снова удалось утвердиться на островѣ. Пользуясь враждою партій въ Сиракузахъ, въ 405 г., храбрый и хитрый *Діонисій* (старшій), въ молодости исполнявшій должность писца, сдѣлался тиранномъ. Онъ сначала былъ полководцемъ, а затѣмъ, подъ предлогомъ покушеній на его жизнь, получилъ позволеніе имѣть тѣлохранителей, выхлопоталъ войску двойное жалованье, склонилъ его такимъ образомъ на свою сторону и при его помощи захватилъ въ свои руки верховную власть. Характеръ Діонисія представлялъ смѣсь хорошихъ и дурныхъ качествъ; онъ былъ предпріимчивъ, великодушенъ, но мстителенъ, недовѣрчивъ и корыстолюбивъ. Для своей безопасности онъ построилъ укрѣпленный замокъ въ городѣ. Неоднократныя возстанія противъ него не удавались, однако онъ каждую ночь мѣнялъ мѣсто ночлега изъ страха быть убитымъ. Онъ искалъ руки дочери одного знатнаго гражданина въ *Регіи* (въ южной Италіи); когда же ему презрительно предложили дочь палача, Діонисій осадилъ городъ. Продолжительное сопротивленіе ожесточило его, онъ самъ былъ раненъ и притомъ во время осады

получилъ извѣстіе, что его стихотворенія освистаны на Олимпійскихъ играхъ. По этому Діонисій страшно свирѣпствовалъ въ покоренномъ городѣ. Всѣхъ жителей, которые не могли заплатить выкупа, онъ продалъ въ рабство. Сына Регійскаго военачальника онъ велѣлъ утопить передъ глазами отца, а затѣмъ его самого подвергъ такимъ мученіямъ, что даже наемники сжалились и просили скорѣе бросить несчастнаго въ воду.

Утвердившись окончательно въ Сиракузахъ, Діонисій началъ войну съ Карѳагенянами, но она не была удачна. Діонисій долженъ былъ имъ уступить половину острова. Для веденія этихъ войнъ и пополненія казны Діонисій грабилъ храмы, сопровождая святотатство насмѣшками. Онъ говорилъ, что боги милостивы, что должно пользоваться ихъ милостью и брать, что у нихъ есть. Такъ снялъ онъ золотую мантію съ статуи Зевса, приговаривая: «для лѣта эта одежда слишкомъ тяжела, а зимою въ ней слишкомъ холодно.» У статуи *Эскулапа* (бога врачеванія) Діонисій сорвалъ золотую бороду, считая неприличнымъ, чтобы сынъ носилъ бороду, когда отецъ (Аполлонъ) былъ безъ бороды. Діонисій ревностно занимался науками и искусствами, онъ пригласилъ въ Сиракузы Платона; но когда греческій философъ въ одной рѣчи сказалъ, что ни одинъ тиранъ не можетъ быть добродѣтеленъ и ни одинъ несправедливо поступающій счастливъ, то негодованіе Діонисія было такъ страшно, что друзья Платона поспѣшили его отправить на кораблѣ изъ Сиракузъ. Діонисій же тайно подкупилъ капитана корабля, чтобы онъ бросилъ Платона въ море или продалъ въ рабство: философа продали, однако друзья его выкупили. Самолюбіе заставило Діонисія гордиться своимъ мнимымъ поэтическимъ талантомъ; за большія деньги онъ купилъ письменную доску Эсхила, но его трагедіи отъ этого не выигрывали. Лучшіе декламаторы читали ихъ на Олимпійскихъ играхъ, и все таки слушатели ихъ освистывали. Когда же наконецъ одна изъ его трагедій получила награду на праздникѣ въ Аѳинахъ, то тиранъ праздновалъ это тор-

жество въ теченіе 90 дней такъ роскошно, что померъ вслѣдствіе неумѣренности (въ 368 г.).

Въ Сиракузахъ повторились прежнія явленія, борьба партій, временное возвышеніе тирановъ, война съ Карѳагенянами. Спокойствіе было возстановлено тогда только, когда правителемъ города сдѣлался *Агаѳоклъ*. Прибывъ въ городъ бѣднякомъ, онъ нѣкоторое время принужденъ былъ заниматься продажею горшковъ, потомъ вступилъ въ военную службу и, женившись на богатой вдовѣ, пріобрѣлъ состояніе. Въ 316 г. его избрали предводителемъ наемныхъ войскъ и онъ тотчасъ воспользовался своею властью, чтобы уничтожить своихъ враговъ. Агаѳоклъ велѣлъ умертвить 600 аристократовъ и дома ихъ отдалъ солдатамъ на разграбленіе; этимъ примѣромъ воспользовалась чернь и напала на всѣхъ богатыхъ гражданъ: изъ нихъ до 4000 человѣкъ погибло, а 6000 поспѣшили спастись бѣгствомъ. Это страшное кровопролитіе Агаѳоклъ назвалъ *очищеніемъ* города. Бѣжавшіе аристократы нашли убѣжище у Карѳагенянъ и просили у нихъ заступничества. Карѳагеняне были рады такому поводу къ войнѣ съ Сиракузами, и хотя первое войско, отправленное въ Сицилію (въ 311 г.), погибло отъ бури, причемъ утонуло столько карѳагенскихъ гражданъ, что въ знакъ общественной печали стѣны города были завѣшаны черною тканью, однако въ томъ же году въ Сицилію высадилось другое карѳагенское войско, далеко превышавшее силы Агаѳокла. Карѳагеняне заперли его въ Сиракузахъ, и нападали на городъ съ моря и съ суши. Агаѳоклъ рѣшился на отважное средство, — напасть на Карѳагенянъ въ Африкѣ и возмутить противъ нихъ туземцевъ; большую часть знатныхъ гражданъ онъ включилъ въ свое войско, чтобы не было возстанія въ его отсутствіи; затѣмъ онъ насильно забралъ деньги у купцовъ и ограбилъ храмы, а наконецъ объявилъ, что всякій желающій можетъ оставить осажденный городъ; но когда многіе богатые хотѣли воспользоваться этимъ позволеніемъ, Агаѳоклъ предалъ ихъ смерти, какъ измѣнниковъ, имущество ихъ отобралъ, а рабовъ ихъ

присоединилъ къ войску. Приготовившись такимъ образомъ, Агаѳоклу удалось на 60 корабляхъ пробраться чрезъ непріятельскій флотъ и выйти въ море. Великій страхъ напалъ на Карѳагенъ при неожиданномъ появленіи непріятеля подъ его стѣнами, и когда вскорѣ было уничтожено карѳагенское войско, находившееся подъ Сиракузами, то для умилостивленія разгнѣванныхъ боговъ Карѳагеняне принесли 200 младенцевъ изъ знатнѣйшихъ фамилій въ жертву Молоху. Предпріятіе Агаѳокла вполнѣ удалось, но волненія греческихъ городовъ въ Сициліи принудили его оставить войско въ Африкѣ подъ начальствомъ сына. Въ его отсутствіи Карѳагеняне одержали двѣ побѣды надъ этимъ войскомъ и, возвратясь въ Африку, Агаѳоклъ нашелъ положеніе его до того безнадежнымъ, что рѣшился тайно бѣжать одинъ въ Сицилію. Войско провѣдало его замыселъ; его заковали въ оковы, однако ему все таки удалось уйти, но въ рукахъ воиновъ остались его сыновья. Изъ мести ихъ умертвили; той же участи подвергъ Агаѳоклъ въ Сиракузахъ по возвращеніи всѣхъ родственниковъ воиновъ, сопровождавшихъ его въ Африку. Утвердивъ снова свое самовластіе въ Сиракузахъ, онъ правилъ уже съ титломъ *царя*. Съ Карѳагенянами онъ помирился, уступивъ имъ половину острова (въ 305 г.). Затѣмъ онъ воевалъ съ греческими городами въ южной Италіи, покорилъ островъ Корфу, который онъ отдалъ Пирру, царю Эпирскому, въ приданое за своею дочерью. Агаѳоклъ уже готовился къ новой войнѣ съ Карѳагеномъ, и набралъ многочисленное наемное войско, какъ былъ отравленъ своимъ внукомъ (въ 289 г.). Но ядъ дѣйствовалъ слишкомъ медленно и 72-лѣтняго старца сожгли полуживаго.

Войско Агаѳокла разбрѣлось и отрядъ наемниковъ, родомъ изъ южной Италіи — *Мамертинцы*, умертвивъ и разогнавъ все мужское населеніе и подѣливъ между собою женъ, дѣтей и имущество, утвердились въ Мессинѣ, откуда грабили окрестность. Въ тоже время напали на островъ и Карѳагеняне. Это побудило Сиракузянъ призвать Пирра изъ Италіи

(въ 278 г.). Эпирскій царь очистилъ островъ отъ Карѳагенянъ, но хотѣлъ подчинить его своей власти. Сицилійцы возстали противъ него, и онъ долженъ былъ удалиться. Послѣ Пирра въ Сиракузахъ возвысился *Гіеронъ*, котораго граждане провозгласили царемъ (въ 270 г.). Гіеронъ выступилъ противъ Мамертинцевъ и осадилъ Мессину. Тогда одна часть Мамертинцевъ приняла въ городъ карѳагенскій гарнизонъ, другая отдалась подъ покровительство Римлянъ, завоевавшихъ къ этому времени всю южную Италію до Мессинскаго пролива. Римляне приняли ихъ подъ свою защиту и это подало поводъ къ войнамъ между ними и Карѳагенянами. Эти войны, продолжавшіяся слишкомъ двѣсти лѣтъ, извѣстны подъ именемъ *Пуническихъ*, т. е. финикійскихъ (съ 264 по 146 г. до Р. Х.).

ДУИЛІЙ КОРВЪ, АТТИЛІЙ РЕГУЛЪ, АМИЛЬКАРЪ БАРКА.

Когда въ 264 году послы Мамертинцевъ изъ Мессины прибыли въ Римъ съ просьбою о помощи, то сенатъ не отважился заключить союза съ разбойниками, но плодородіе и богатство сосѣдней Сициліи были слишкомъ приманчивы для алчныхъ Римлянъ, и народное собраніе рѣшило отправить войско черезъ проливъ: пользуясь темною ночью оно вступило въ Мессину. Карѳагенскаго военачальника подъ предлогомъ переговоровъ, вѣроломно захватили въ плѣнъ и заставили вывести свое войско изъ Мессинскаго кремля. За эту оплошность Карѳагеняне распяли своего полководца на крестѣ. Вслѣдъ затѣмъ Римляне заставили Гіерона Сиракузскаго заключить съ ними союзъ, и тогда направили всѣ свои силы противъ Карѳагенянъ.

Карѳагенъ (основанный Финикіянами около 888 г. до Р. Х.) владѣлъ въ западной части сѣвернаго африканскаго бе-

рега значительною и чрезвычайно плодородною областью. Городъ былъ многолюдный: его обитатели (ихъ было до 700,000) наживали большія богатства торговлею и сельскимъ хозяйствомъ. Однако нравы ихъ были грубы; вѣроломство этого народа вошло въ пословицу (такъ назыв. *пуническая вѣрность*), а религія ихъ состояла въ поклоненіи звѣздамъ, которое сопровождалось приношеніемъ людей въ жертву. Карѳагенъ окружали загородныя дачи, построенныя на холмахъ, покрытыхъ масличными и померанцовыми рощами; всѣ вообще окрестности были воздѣланы подобно саду, повсюду проходили дороги, мощенныя камнями. Африканскіе туземцы были обложены данью, а часть ихъ обращена въ рабовъ. Финикійскія колоніи въ Испаніи, гдѣ находились серебряные рудники, въ Сициліи, Сардиніи, доставлявшей огромные запасы хлѣба, Корсикѣ, на Балеарахъ и Мальтѣ находились въ полной зависимости отъ Карѳагена. Законодательство, судъ, управленіе и начальство надъ войскомъ оставалось въ рукахъ родословныхъ землевладѣльцевъ и богатыхъ купцовъ (аристократовъ); изъ нихъ избирались всѣ власти. Масса неимущихъ ремесленниковъ и рабочихъ находилась подъ ихъ гнетомъ. Государственные доходы Карѳагена были неистощимы, а потому была возможность содержать большое наемное войско, при которомъ находились отличная нумійская конница и боевые слоны. Многочисленностью флота Карѳагенъ превосходилъ всѣ государства того времени.

На военныхъ судахъ древнихъ, хотя они были парусныя, въ сраженіяхъ большею частью употреблялись весла, такъ какъ при помощи ихъ легче было управлять кораблемъ. По два гребца, иногда и больше, сидѣли рядомъ на одной скамьѣ; скамьи эти прикрѣплялись внутри корабля косо одна надъ другою, такъ что гребецъ, сидѣвшій на верхней скамьѣ, упирался ногами въ нижнюю. Такимъ образомъ корабли имѣли по два, по три, а у Карѳагенянъ по четыре и пяти рядовъ скамей. Сверху корабль былъ покрытъ палубою, на которой находились воины. Въ пятипалубныхъ карѳагенскихъ кора-

бляхъ помѣщалось до 300—400 гребцовъ. Передняя часть корабля строилась изъ болѣе толстыхъ досокъ, чѣмъ бока и задъ; часто она обивалась мѣдью. Къ ней прикрѣплялись надъ самою водою два желѣзныя острія (Римляне называли ихъ клювами). Наѣзжая на непріятельскій корабль, старались проломить его бокъ этими остріями и такимъ образомъ потопить корабль. Иногда дѣлали попытки переломить у непріятельскаго корабля всѣ весла; для этого проѣзжали со всею силою мимо его бока, и быстро подымали свои весла. Карѳагенскіе гребцы выполняли всѣ эти движенія чрезвычайно искусно и съ ихъ пятипалубными судами не могли состязаться трехпалубныя римскія.

Такимъ образомъ Римляне, превосходя Карѳагенянъ сухопутнымъ войскомъ, покорили до шестидесяти городовъ въ Сициліи, а Карѳагеняне, первенствуя на морѣ, безнаказанно грабили берега Италіи; трудно было сойтись врагамъ и довести войну до какого нибудь конца. Тогда римскій сенатъ рѣшилъ соорудить флотъ по образцу пятипалубнаго карѳагенскаго корабля, выброшеннаго на берегъ Сициліи. Въ 60 дней построили 130 военныхъ судовъ, хотя неопытность въ этомъ дѣлѣ представляла большія затрудненія.

Начальство надъ вновь сооруженнымъ флотомъ принялъ *Дуилій*. Римскія суда были неуклюжи, а гребцы неопытны, и подвижные карѳагенскіе корабли при всѣхъ стычкахъ одерживали верхъ, какъ этого и слѣдовало ожидать. Тогда Дуилій изобрѣлъ перекидные мостики, одинъ конецъ которыхъ былъ укрѣпленъ на петлѣ у мачты, а на другомъ находились желѣзные болты, на подобіе птичьяго клюва, почему эти мостики и названы были *воронами*. Свободный конецъ ворона поднимался къ мачтѣ, но при приближеніи непріятельскаго корабля спускался на него со всею силою, причемъ желѣзные болты пробивали палубу. Тогда корабли сцѣплялись, римскіе воины переходили по мостику и сражались какъ бы на сушѣ. Благодаря этой выдумкѣ, Римляне одержали первую морскую побѣду (въ 260 г.), хотя Карѳагеняне

вступили въ сраженіе, не сомнѣваясь въ успѣхѣ. 31 ихъ корабль, въ томъ числѣ и адмиральскій, были взяты, четырнадцать разбито, до 7000 гребцовъ захвачено въ плѣнъ. Велика была радость въ Римѣ. Дуилію воздвигли столпъ изъ бѣлаго мрамора, который украсили носами захваченныхъ карѳагенскихъ кораблей. Кромѣ того Дуилій получилъ на всю жизнь право возвращаться изъ гостей домой съ факельщикомъ и флейтчикомъ: этой почести удостоивался обыкновенно только тріумфаторъ въ день своего въѣзда въ Римъ. По мостику Дуилій прозванъ былъ *Корвомъ*, т. е. ворономъ.

Ободренные этимъ успѣхомъ, Римляне рѣшились по примѣру Агаѳокла, напасть на Карѳагенянъ въ самой Африкѣ. Консулъ *Аттилій Регулъ*, разбивъ карѳагенскій флотъ у южнаго берега Сициліи (въ этомъ морскомъ сраженіи, говорятъ, пало 30,000 человѣкъ и Карѳагеняне потеряли 144 корабля), высадился въ Африкѣ (въ 257 г.). Вся карѳагенская область была имъ завоевана, а городъ онъ довелъ до такой крайности, что жители вынуждены были просить мира. Но требованія Регула оказались до того непомѣрны, что Карѳагеняне рѣшились лучше защищаться до послѣднихъ силъ. Къ ихъ счастію, въ это время прибыло греческое наемное войско подъ начальствомъ Спартанца *Ксантиппа*. Послѣдній растолковалъ Карѳагенянамъ, что у нихъ болѣе конницы и боевыхъ слоновъ, чѣмъ у Римлянъ, и потому имъ слѣдуетъ сражаться только на ровномъ мѣстѣ. Его совѣту послѣдовали и въ долинѣ у Туниса Ксантиппъ нанесъ Римлянамъ такое пораженіе, что отъ всего ихъ войска спаслось только 2000 человѣкъ; 30,000 были убиты; самъ Регулъ попался въ плѣнъ (въ 255 г.). Слѣдующіе затѣмъ года были столь же несчастны для Римлянъ: два римскіе флота истреблены бурею, и Карѳагеняне отобрали у нихъ нѣсколько городовъ въ Сициліи. Однако Римляне не унывая строили новые флоты, и вскорѣ блистательною побѣдою въ Сициліи (у Панорма въ 250 г.) до того смирили враговъ, что Карѳагеняне отправили въ Римъ пословъ для переговоровъ о мирѣ. Съ послами былъ и

плѣнный Регулъ, котораго Карѳагеняне обязали клятвою возвратиться въ Карѳагенъ, если онъ не успѣетъ склонить римскій сенатъ къ миру; что онъ самъ будетъ говорить въ ихъ пользу, въ томъ Карѳагеняне не сомнѣвались. Однако Регулъ, не страшась мученій, которыя его ожидали по возвращеніи въ Карѳагенъ, и заботясь только о пользѣ своего отечества, объяснилъ сенату, что Карѳагеняне истощили свои послѣднія силы и раньше или позже должны будутъ принять миръ какой предпишутъ имъ Римляне. Предложенія карѳагенскихъ пословъ были отвергнуты, а Регулъ, вѣрный своему слову, не послушался увѣщаній сената и друзей и, не воспользовавшись тѣмъ, что жрецы освободили его отъ данной клятвы, возвратился въ Карѳагенъ; онъ даже избѣгалъ свиданія съ женою и дѣтьми, чтобы плачь ихъ не поколебалъ его рѣшимости исполнить свой долгъ. Тѣмъ не менѣе его поступокъ чрезвычайно озлобилъ Карѳагенянъ, ихъ мстительность изобрѣла для Регула страшную казнь: ему вырѣзали вѣки и, продержавъ его нѣсколько дней въ темномъ помѣщеніи, затѣмъ зарыли въ землю глазами къ солнцу; наконецъ бросили на голодную смерть, опустивъ въ ящикъ, выбитый внутри острыми гвоздями.

Война возобновилась съ еще большимъ ожесточеніемъ; въ теченіи 9 лѣтъ враги не могли одолѣть другъ друга. На сторонѣ Карѳагенянъ прославился мужествомъ полководецъ *Амилькаръ Барка*, онъ укрѣпился на одной горѣ близъ Палермо и оттуда три года безпокоилъ Римлянъ, даже грабилъ берега Италіи. Все это однако было возможно только до тѣхъ поръ, пока Амилькаръ свободно получалъ подвозъ припасовъ съ моря. Между тѣмъ у Римлянъ погибло нѣсколько флотовъ, тогда изъ любви къ отечеству частныя лица пожертвовали свои сокровища, взяты были даже драгоцѣнности изъ храмовъ и на вырученныя деньги построенъ новый флотъ. Съ этими судами Римляне разбили и отчасти потопили карѳагенскій флотъ вмѣстѣ съ грузовыми судами. Карѳагеняне вынуждены были какъ можно скорѣе заключить миръ, чтобы выручить отрѣ-

званнаго отъ своихъ Амилькара. Имъ пришлось отказаться отъ Сицилiи и сосѣднихъ острововъ и выплатить Римлянамъ огромную сумму въ вознагражденiе за военныя издержки (въ 241 г.; этимъ миромъ окончилась такъ называемая *1-я пуническая война*).

Сицилiя была первая страна, обращенная въ римскую *провинцiю*, т. е. въ область, которая должна была платить Римлянамъ дань поголовную и съ земель. Хлѣбородный островъ скоро сталъ называться «житницею Италiи.» Правителями или *губернаторами* провинцiй назначались, по жребiю, отслужившiе свой срокъ консулы или преторы, которые назывались *проконсулами* или *пропреторами*, обыкновенно на одинъ годъ. По прошествiи же года, каждый изъ нихъ обязанъ былъ отдать римскому сенату и народу отчетъ въ своемъ управленiи. Налоги собирали не государственные чиновники, а откупщики (мытари). Жители провинцiй лишались права носить оружiе и даже не допускались въ римское войско; въ укрѣпленныхъ мѣстахъ ставились римскiе гарнизоны.

По окончанiи войны Карѳагеняне не могли заплатить жалованья своимъ наемнымъ войскамъ, которые возмутились и осадили городъ, но Амилькаръ Барка усмирилъ ихъ. Считая миръ съ Римлянами, заключенный только вслѣдствiе изнеможенiя обоихъ противниковъ, непрочнымъ, Амилькаръ желалъ доставить Карѳагену средства къ будущей войнѣ. По этому онъ предпринялъ завоеванiе Испанiи (237 г.), гдѣ Карѳагеняне уже владѣли нѣкоторыми колонiями (Кадиксъ). Богатые серебряные рудники въ Испанiи доставляли казнѣ карѳагенской значительные доходы, а между воинственными *иберiйскими* племенами всегда можно было нанять отличное войско. Зять Амилькара окончилъ завоеванiе восточнаго берега Испанiи, и когда по его смерти войско провозгласило своимъ начальникомъ сына Амилькара—25-ти лѣтняго *Ганнибала*, то послѣдній уже располагалъ достаточными средствами къ новой войнѣ съ Римомъ.

АННИБАЛЪ, СЦИПІОНЪ СТАРШІЙ.

Аннибалъ, наслѣдникъ замысловъ своего отца Амилькара, еще мальчикомъ поклялся у жертвенника ему въ вѣчной ненависти къ Римлянамъ. Онъ былъ высокъ ростомъ и крѣпкаго сложенія, глаза его горѣли огнемъ, онъ имѣлъ сильный, звучный голосъ и величавую осанку. Опасности его не ужасали, труды не утомляли, всѣ лишенія онъ переносилъ наровнѣ съ своими воинами: онъ ѣлъ и пилъ немного, а отдыхалъ, только окончивъ всѣ свои занятія. Аннибалъ спалъ, гдѣ случалось, иногда на голой землѣ, завернувшись въ одинъ плащъ; онъ не боялся ни стужи, ни жара. Одежда его отличалась простотою, только оружіе его и конская сбруя были богато украшены. Въ бою онъ первый нападалъ и отступалъ послѣдній. Эти качества чрезвычайно привязывали къ нему воиновъ.

Давно уже Римляне съ опасеніемъ смотрѣли на завоеванія Карѳагенянъ въ Испаніи, и когда греческая колонія *Сагунтъ* (на восточномъ берегу Испаніи) просила у нихъ заступничества, они обязали Карѳагенянъ договоромъ не нападать на Сагунтъ и не переходить на сѣверѣ черезъ рѣку Эбро.

Аннибалъ заспорилъ съ Сагунтомъ о границахъ и осадилъ городъ (219 г.). Римскимъ посламъ, прибывшимъ въ Испанію, чтобы напомнить Аннибалу о договорѣ, онъ велѣлъ сказать, что не имѣетъ времени ихъ выслушать. Сагунтинцы 8 мѣсяцевъ упорно защищались, наконецъ, когда Аннибалъ отказалъ имъ въ сдачѣ на предложенныхъ условіяхъ, они зажгли городъ и погибли подъ его развалинами. Между тѣмъ римскіе послы отправились въ Карѳагенъ и потребовали выдачи самовольнаго военачальника. Въ карѳагенскомъ верховномъ совѣтѣ мнѣнія раздѣлялись. Тогда главный посолъ, взявъ концы

своего плаща въ руки, объявилъ, что у него за пазухою и миръ, и война: «чего хотите?» Когда ему отвѣтили: «что дашь»,—онъ распахнулъ свою тогу со словами: «вотъ вамъ война!»—Такъ завязалась *вторая пуническая война*, продолжавшаяся 18 лѣтъ (съ 219—201 г.).

Римляне ожидали нападенія съ моря и приготовили флотъ, между тѣмъ какъ Аннибалъ рѣшился сухимъ путемъ вторгнуться въ Италію. Весною 218 г. онъ выступилъ изъ южной Испаніи, перешелъ Эбро, Пиренеи, южную Галлію (Францію) и черезъ пять мѣсяцевъ достигъ подошвы Альповъ. Съ войскомъ, привыкшимъ къ жаркому климату, съ слонами, лошадьми и обозомъ, Аннибалъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ перешелъ у Малаго Санъ-Бернарда черезъ крутыя горныя вершины, покрытыя снѣгомъ и льдомъ, гдѣ не было ни дорогъ, ни пристанища, а на каждомъ шагу преграждали путь отвѣсные утесы и пропасти. Многіе воины погибли въ ущельяхъ, многихъ завалили лавины; сверхъ того войско безпрестанно тревожили дикія горскія племена. На пятнадцатый день Аннибалъ вступилъ въ равнину сѣверной Италіи, потерявъ половину людей и всю вьючную и обозную скотину (отъ 59,000 ч. пѣхоты осталось у него только 26,000, а изъ 9,000 конницы только 3,000, изъ 37 слоновъ немногіе уцѣлѣли). Но Аннибалъ, выросшій въ ратномъ станѣ и пользовавшійся неограниченною любовью и довѣріемъ своихъ воиновъ, могъ отважиться на все съ этимъ войскомъ, подстрекаемымъ надеждою на богатую добычу и вступавшимъ въ страну, недавно покоренные жители которой ожидали только благопріятнаго случая, чтобы свергнуть ненавистное иго Римлянъ, и встрѣтили теперь Карѳагенянъ, какъ своихъ освободителей. Дѣйствительно, Римляне были разбиты въ двухъ сраженіяхъ, а жители сѣверной Италіи—Галлы передались Аннибалу и пополнили его войско. Весною слѣдующаго года (217 г.) Аннибалъ перешелъ черезъ Апеннины и вступилъ въ болотистую низменность рѣки Арно, которая была затоплена весеннимъ разливомъ, такъ что солдатамъ пришлось трое сутокъ сряду

идти по колѣна въ водѣ. Здѣсь Аннибалъ потерялъ много войска, всѣхъ слоновъ, кромѣ своего собственнаго, и лишился отъ воспаленія одного глаза. Но, не смотря на только что перенесенныя трудности, онъ тутъ же нанесъ Римлянамъ такое пораженіе, что мѣсто битвы стало называться *кровавымъ полемъ* (*у Тразименскаго озера*). Въ самый день сраженія, при сильномъ туманѣ, случилось землетрясеніе, но въ пылу битвы оно осталось незамѣченнымъ. Благодаря этой побѣдѣ, Аннибалъ безпрепятственно прошелъ до южной Италіи, возмущая на пути туземцевъ противъ Римлянъ.

Но теперь противъ карѳагенскаго полководца выступилъ человѣкъ, который своею предусмотрительностію и осторожностію поставилъ его въ большое затрудненіе: это былъ *Фабій Максимъ*, котораго Римляне, чтобы выйти изъ опаснаго положенія, выбрали диктаторомъ. Фабій упорно избѣгалъ открытаго сраженія, но слѣдилъ по пятамъ за непріятельскимъ войскомъ и умѣлъ пользоваться малѣйшею оплошностью Аннибала. Однажды послѣдній едва не попался въ плѣнъ со всѣмъ войскомъ, потому что подкупленные проводники завели его въ котловину, а Фабій занялъ окружавшія ее горы. Но Аннибалъ нашелся: онъ приказалъ привязать къ рогамъ 2,000 быковъ пучки хворосту, зажечь ихъ и гнать быковъ къ выходу изъ ущелья. Эта попытка удалась какъ нельзя лучше, пожаръ распространился на сосѣдній лѣсъ, и заставилъ Римлянъ отступить, а между тѣмъ Аннибалъ, пользуясь смятеніемъ, вывелъ свое войско изъ западни. Однако неразумные римскіе солдаты роптали на нерѣшительный образъ дѣйствій сѣдаго, упрямаго диктатора и въ насмѣшку прозвали его *медлителемъ*. Народъ тоже ненавидѣлъ Фабія, какъ приверженца стариннаго полновластія сената и патриціевъ, а итальянскіе союзники громко жаловались на разореніе, претерпѣваемое ими отъ непріятельскихъ войскъ, и потому Римляне на слѣдующій годъ избрали снова двухъ консуловъ (216 г.). Однакожъ вскорѣ опрометчивость одного изъ нихъ дала возможность Аннибалу, располагавшему только вдвое меньшимъ

войскомъ, нанести Римлянамъ при *Каннахъ* пораженіе, послѣ котораго онъ отправилъ въ Карѳагенъ три мѣры однихъ золотыхъ колецъ, снятыхъ съ рукъ убитыхъ всадниковъ. Только одинъ изъ консуловъ съ 70 воинами ушелъ съ поля сраженія, прочіе всѣ погибли. День битвы при Каннахъ, какъ нѣкогда злосчастный день на Алліи, былъ отмѣченъ въ римскомъ календарѣ чернымъ цвѣтомъ, какъ день покаянія и молитвы. Римъ остался безъ войска и на жителей напалъ такой страхъ, что ложный слухъ будто *Аннибалъ у воротъ* неоднократно производилъ тревогу въ городѣ. Впрочемъ Аннибалъ предпочелъ овладѣть какимъ нибудь приморскимъ городомъ и, отбитый отъ Неаполя, расположился на зимовку въ *Капуѣ*. Отсюда онъ началъ переговоры и заключилъ союзъ съ царемъ македонскимъ (*Филиппомъ III*) и тиранномъ сиракузскимъ (*Гіеронимомъ*), которыхъ онъ уговорилъ напасть на Римлянъ. Но противъ Филиппа Римляне возстановили прочія греческія государства и онъ впослѣдствіи радъ былъ заключить съ ними миръ (205 г.). Противъ Аннибала же Римляне призвали къ оружію все мужское населеніе, даже несовершеннолѣтнихъ и рабовъ, содержавшихся въ темницахъ должниковъ и преступниковъ. Кромѣ того, они отступили на время отъ своего обычнаго правила ежегодно избирать новыхъ консуловъ, а предоставили начальство надъ войскомъ опытному *Клавдію Марцеллу* до самой его смерти (съ 215 г.—208 г.). Марцелла Римляне называли своимъ мечомъ, а Фабія щитомъ. Двѣ счастливыя битвы съ Аннибаломъ возвратили Римлянамъ утраченное мужество, тогда Марцеллъ переправился въ Сицилію и осадилъ Сиракузы, гдѣ недавно убили тиранна. Не смотря однако на внутренніе безпорядки, городъ, благодаря изобрѣтательности искуснаго математика *Архимеда*, удачно защищался три года.

Архимедъ, разсказываютъ, придумалъ орудія, которыми подымали непріятельскія суда на воздухъ и опрокидывали ихъ въ море мачтою внизъ. Римляне называли ихъ *желѣзными руками;* другія машины метали огромные камни и огнен-

ные шары; наконецъ съ помощію большихъ зажигательныхъ стеколъ, Архимедъ издали поджигалъ римскіе корабли. Всѣ эти приборы навели такой ужасъ на Римлянъ, что лишь покажется изъ за стѣны Сиракузъ какое нибудь бревно, римскіе корабли тотчасъ же спѣшили удалиться въ открытое море. Только подкупомъ удалось Марцеллу взять городъ во время одного праздника (въ 212 г.). Месть Римлянъ была ужасна, солдаты грабили городъ и убивали жителей безъ разбора; при этомъ погибъ и Архимедъ, хотя Марцеллъ приказалъ пощадить его.

Между тѣмъ Аннибалъ сталъ испытывать однѣ неудачи; онъ надѣялся напасть на Римъ въ расплохъ, но ошибся и долженъ былъ отступить, такъ какъ у него было слишкомъ мало войска, чтобы осадить городъ; изъ Карѳагена онъ не получалъ, по проискамъ противниковъ, никакой помощи и долженъ былъ вызвать къ себѣ брата изъ Испаніи. Но послѣдній, совершившій трудный походъ черезъ Альпы, былъ разбитъ Римлянами въ сѣверной Италіи и самъ погибъ въ сраженіи (207 г.). Окровавленную его голову бросили въ станъ Аннибала, который, увидѣвъ ее, горестно воскликнулъ: «теперь вижу несчастную судьбу Карѳагена!» Послѣ пораженія брата, Аннибалъ не имѣлъ болѣе средствъ нападать на Римлянъ; однакожъ безъ всякой помощи изъ Карѳагена, безъ союзниковъ, онъ держался съ остатками своего войска еще 5 лѣтъ въ южной Италіи.

Возможность начать войну съ Римлянами доставило Карѳагену пріобрѣтеніе Испаніи; оттуда же они получали главныя средства продолжать ее. По этому еще съ самаго начала войны (218 г.) Римляне отправили туда войско, но завоеваніе страны подвигалось медленно до прибытія въ Испанію *Публія Корнелія Сципіона* (210 г.). Двадцатичетырехлѣтній полководецъ, котораго войско по храбрости и наружности сравнивало съ Марсомъ, успѣлъ привѣтливостію и великодушіемъ пріобрѣсти расположеніе туземцевъ, и при ихъ содѣйствіи вскорѣ покорилъ всю Испанію (206 г.). Онъ про-

гостилъ нѣсколько времени въ Африкѣ у *нумидійскаго* царя, сосѣда Карѳагенянъ, и ему удалось склонить его къ дружбѣ съ Римлянами, такъ что возвратившись въ Римъ, онъ могъ предложить высадку въ Африку. Когда же осторожный сенатъ отвергъ его планъ, Сципіонъ, назначенный правителемъ Сициліи (204 г.), началъ набирать на свой счетъ охотниковъ въ Сиракузахъ и съ ними переправился черезъ Средиземное море. Въ Африкѣ присталъ къ нему нумидійскій царь. Упорно боролись Карѳагеняне два года съ Сципіономъ, но разбитые имъ въ двухъ сраженіяхъ, вынуждены были вызвать изъ Италіи Аннибала. При *Замѣ* сошлись два величайшіе полководца своего времени; при личномъ свиданіи не удалось условиться о мирѣ, требованія Сципіона были непомѣрны. Аннибалъ тогда выбралъ выгодную мѣстность для битвы, но войско его состояло изъ новобранцевъ, а шумная военная музыка Римлянъ испугала слоновъ, которые, разбѣжавшись, потоптали ряды своего же войска, — онъ потерпѣлъ страшное пораженіе (202 г.). Самъ Аннибалъ, спасшійся въ Карѳагенъ, совѣтовалъ заключить миръ, на какихъ бы то ни было условіяхъ. По этому миру (201 г.) Карѳагеняне заплатили огромную сумму денегъ, выдали свои военные корабли, уступили нѣкоторыя области нумидійскому царю и обязались не предпринимать никакой войны безъ согласія Римлянъ. Столь счастливый *конецъ второй пунической войны* доставилъ Римлянамъ первенство на всемъ западѣ Средиземнаго моря. Сципіонъ, удостоенный великолѣпнаго тріумфа, изъ всѣхъ предложенныхъ ему наградъ принялъ только прозваніе *Африканскаго*.

Между тѣмъ Аннибалъ старался разными преобразованіями возстановить могущество Карѳагена. Съ опасеніемъ Римляне слѣдили за его дѣйствіями, и когда враги Аннибала донесли имъ, что онъ намѣревается возобновить войну, римское посольство потребовало его выдачи. Аннибалъ успѣлъ тайно бѣжать въ Азію. Послѣ долгихъ странствованій, повсюду дѣйствуя противъ Римлянъ и преслѣдуемый ими, великій пол-

ководецъ принялъ наконецъ ядъ, «чтобы избавить Римлянъ отъ вѣчнаго страха, который не позволяетъ имъ спокойно дождаться кончины 64 лѣтняго старца» (183 г.).

Около того же времени умеръ въ уединеніи и великій противникъ Аннибала Сципіонъ. Завистники обвинили его въ подкупѣ и утайкѣ части добычи, но Сципіонъ, считая унизительнымъ для себя всякое оправданіе, на форумѣ передъ народомъ и обвинителями разорвалъ свои счетныя книги, напомнилъ собравшимся, что въ этотъ самый день онъ разбилъ Аннибала при Замѣ, и потребовалъ, чтобы всѣ слѣдовали за нимъ въ храмъ Юпитера праздновать годовщину побѣды. Народъ съ восторженными кликами отправился за нимъ въ Капитолій. Но Сципіонъ не забылъ обиды и недовольный удалился въ свою деревню, гдѣ въ уединеніи прожилъ до самой смерти. Онъ приказалъ тутъ же погрести себя, «чтобы неблагодарному отечеству не достались даже его бренные остатки.»

СЦИПІОНЪ ЭМИЛІАНЪ. РАЗЗОРЕНІЕ КАРѲАГЕНА И НУМАНЦІИ.

Утвердивъ, благодаря счастливому окончанію второй пунической войны, свое господство на западѣ, Римляне обратились теперь на востокъ, вмѣшались въ споры государствъ, возникшихъ по смерти Александра Великаго въ Македоніи, Греціи и Азіи, и приготовили окончательное ихъ подчиненіе. Но все еще существовалъ древній соперникъ Рима—Карѳагенъ, который торговлею и земледѣліемъ успѣлъ оправиться и достигнулъ въ тиши снова нѣкотораго благосостоянія. Народную ненависть Римлянъ могло успокоить только разрушеніе этого города. Озлобленіе поддерживалъ цензоръ *Катонъ*, ревнитель старинныхъ римскихъ нравовъ. Свои рѣчи въ сенатѣ, чего бы онѣ ни касались, онъ обыкновенно заключалъ словами: «таково мое мнѣніе, а сверхъ того слѣдуетъ разру-

шить Карѳагенъ.» Вскорѣ представился случай. Карѳагеняне, вопреки послѣднему миру, подняли оружіе противъ Нумидійскаго царя, отнимавшаго у нихъ область за областью. Римляне тотчасъ же послали войско въ Африку (149 г.). Карѳагеняне поспѣшили оправдаться, приговорили своихъ полководцевъ къ смерти и просили пощады. По требованію сената они немедленно представили 300 заложниковъ изъ знатнѣйшихъ фамилій, выдали все оружіе и военные снаряды; но когда, не смотря на эту покорность, римскій консулъ объявилъ имъ, что они сами должны разрушить свой городъ, и могутъ селиться вновь только на большомъ разстояніи отъ морскаго берега,—Карѳагеняне рѣшились лучше погибнуть подъ развалинами своихъ домовъ. Всѣ безъ различія пола и возраста день и ночь плотничали и ковали, заготовляя оружіе; для этого переливали статуи боговъ, а храмы обратили въ оружейни. Чтобы добыть бревенъ на орудія, Карѳагеняне разбирали общественныя зданія; женщины обрѣзывали себѣ волоса и дѣлали изъ нихъ канаты и тетивы для луковъ. При такомъ одушевленіи гражданъ всѣ приступы Римлянъ были отражены съ успѣхомъ. Два года длилось это отчаянное сопротивленіе. Карѳагеняне даже успѣли отрѣзать римскому войску въ Африкѣ подвозъ припасовъ. Тогда народъ въ Римѣ избралъ консуломъ молодаго *Сципіона Эмиліана*, отличившагося уже въ предшествовавшихъ войнахъ, хотя онъ не достигъ еще законныхъ лѣтъ для этого званія (т. е. 43 лѣтъ). Сципіонъ возвелъ вокругъ всего города высокую стѣну и выкопалъ ровъ, за которыми расположился станомъ; отрѣзавъ такимъ образомъ подвозъ къ Карѳагену съ суши, онъ заперъ и гавань плотиною. Но Карѳагеняне, работавшіе два мѣсяца день и ночь, выкопали новый рукавъ въ море. Метательныя и стѣнобитныя орудія, поставленныя Римлянами на плотинѣ, Карѳагеняне сожгли, проплывъ всю гавань подъ выстрѣлами непріятелей. Не смотря однакожъ на эти отчаянныя попытки, карѳагенскій флотъ былъ уничтоженъ, орудія на плотинѣ возобновлены и Карѳагеняне должны были

ограничиться защитою одного кремля (Бирза). Къ послѣднему отъ рынка вели три узкія улицы, состоявшія изъ шестиэтажныхъ домовъ. Римлянамъ пришлось брать каждый домъ, каждый этажъ особо; шесть дней и шесть ночей продолжалась ожесточенная рѣзня. Чтобы подавить сопротивленіе, Сципіонъ наконецъ приказалъ зажечь всѣ три улицы, заваленныя трупами. Тогда 50,000 мущинъ и женщинъ, спасшіеся въ кремль, отдались на волю побѣдителя; ихъ продали въ рабство. Но осталась еще отчаянная толпа, которая занявъ храмъ *Эскулапа* (бога врачеванія), защищалась въ немъ до послѣдней крайности, наконецъ они зажгли храмъ и всѣ погибли въ огнѣ. Пожаръ продолжался 17 дней; городъ сравненъ съ землею. Римскій сенатъ приказалъ пройдти плугомъ по пепелищу и мѣсто, гдѣ стоялъ Карѳагенъ, предать проклятію на вѣчныя времена. Сципіонъ, блистательно окончившій трехлѣтнюю осаду Карѳагена (съ 149 по 146 г.) или такъ называемую *третью пуническую войну*, получилъ прозваніе *Африканскаго младшаго*.—Тотъ же Сципіонъ оказалъ Римлянамъ не меньшую услугу въ Испаніи.

Въ послѣдней половинѣ втораго столѣтія до Р. Хр. Римляне увеличили свои владѣнія значительными завоеваніями—Сициліи, Сардиніи, Корсики, Испаніи, Македоніи (въ 148 г.), Греціи (въ 146) въ Европѣ; Малой Азіи до рѣки Галиса и хребта Тавра (въ 124), и Карѳагенской области въ Африкѣ; но на ряду съ возрастаніемъ внѣшняго могущества въ Римѣ водворились внутреннее разстройство и порча нравовъ. Вмѣсто прежнихъ родовыхъ патриціевъ, возвысились въ Римѣ богатѣйшіе изъ патриціевъ и плебеевъ—*оптиматы*. Понемногу они захватили въ руки всѣ высшія званія и должности и старались не допускать *новыхъ людей* до занятія мѣстъ по управленію. Богатство и родство имѣли въ это время болѣе значенія при раздачѣ мѣстъ, нежели доблесть и заслуги. Чтобы увеличить славу, наслѣдованную отъ предковъ, собственными побѣдами и тріумфами, эти сенаторскія поколѣнія постоянно заботились о новыхъ войнахъ, въ которыхъ ис-

ключительно имъ доставалось начальство; а, стремясь наживать богатства, на которыхъ основывалась вся сила этихъ фамилій, они разоряли цѣлыя провинціи. Въ качествѣ намѣстниковъ (проконсуловъ и пропреторовъ), завѣдуя управленіемъ, судопроизводствомъ и начальствуя надъ войсками въ покоренныхъ странахъ, они заботились болѣе о своихъ личныхъ выгодахъ, чѣмъ о благосостояніи края. Богатые всадники брали на откупъ подати, налоги и пошлины, пользованіе рудниками и государственными землями и, внося разомъ въ государственную казну опредѣленную сумму, старались возвратить себѣ эти деньги съ огромнымъ барышемъ. Ихъ повѣренные (мытари) позволяли себя самыя безсовѣстныя притѣсненія. Такое корыстолюбіе правителей породило подкупность, продажу мѣстъ, плутовство, кривосудіе и разныя другія злоупотребленія власти. По временамъ нѣкоторыя провинціи пытались избавиться отъ своихъ притѣснителей силою оружія.

Такъ, озлобленные страшнымъ угнетеніемъ и жестокостію римскихъ намѣстниковъ, которые грабили цѣлые города, убивая или обращая въ рабство жителей, Испанцы въ окрестностяхъ *Нуманціи* (у верховьевъ рѣки Дуэро) возстали и въ теченіе десяти лѣтъ отбивали всѣ нападенія Римлянъ. Даже одно римское войско они заперли въ горномъ ущельѣ и принудили консула заключить договоръ, по которому онъ призналъ ихъ независимость. Но сенатъ не утвердилъ условій; онъ приказалъ выдать консула съ связанными руками врагамъ и возобновилъ войну. Однакожъ ни одинъ изъ римскихъ полководцевъ не имѣлъ успѣха. Тогда отправили противъ Нуманціи побѣдителя Карѳагенянъ—*Сципіона младшаго*. Съ войскомъ въ 60,000 ч. онъ окружилъ городъ, гдѣ было всего 8000 гражданъ способныхъ носить оружіе; и окруживъ Нуманцію стѣнами и окопами, уставивъ рѣку Дуэро плотами съ желѣзными остріями, онъ отрѣзалъ городу всякій подвозъ. Въ Нуманціи обнаружился ужасный голодъ, матери убивали младенцевъ, жители начали питаться травою, кожею

и трупами; эта крайность принудила ихъ сдаться, но многіе предпочли лишить себя жизни. Пятьдесять знатныхъ Нуманцевъ Сципіонъ выбралъ для своего тріумфа, а остальныхъ продалъ въ рабство. Опустѣвшій городъ былъ разрушенъ (133 г.), а Сципіонъ получилъ прозваніе *Нумантинскаго*.

БЫТЪ РИМЛЯНЪ ВО ВРЕМЯ НАИБОЛЬШАГО МОГУЩЕСТВА РИМСКАГО ГОСУДАРСТВА.

Удачныя войны и огромныя завоеванія до того обогатили римскую казну военною добычею и постоянными доходами съ провинцій, что римскіе граждане были избавлены отъ податей. Но богатства измѣнили нравы и весь образъ жизни Римлянъ; простота ихъ жизни исчезла и водворилась роскошь.

Древній римскій домъ, деревянный и одноэтажный, не имѣлъ оконъ на улицу; изъ открытыхъ сѣней дверь, въ которую стучались колотушкою, вела въ общій семейный покой, гдѣ находились ткацкіе станки работницъ, супружеская кровать, домашній очагъ съ изображеніями пенатовъ и восковыя или мраморныя изображенія предковъ. Изъ этого покоя былъ выходъ на открытый дворъ, обнесенный галлереею съ колоннами и крышею. Посреди двора стояло каменное хранилище для дождевой воды, окруженное кустами и цвѣтами. Поломъ служила утоптанная земля; стѣны бѣлились. Въ искусствахъ Римляне были столь невѣжественны, что консулъ *Муммій*, отправляя по взятіи Коринѳа (146 г.) награбленныя греческія статуи въ Римъ, обязалъ судовщиковъ въ случаѣ потери или поломки сдѣлать точно такія же статуи.

Но съ тѣхъ поръ, какъ Римляне начали перенимать искусства и науки у образованныхъ Грековъ, все измѣнилось. *Оптиматы* воздвигали великолѣпные чертоги съ высокими

окнами изъ слюды. Каждая комната имѣла особое назначеніе; были столовыя, уборныя, спальни, библіотеки и т. д. Стѣны начали украшать живописью, картинами, мозаикою и золотомъ. Къ покоямъ примыкалъ домашній храмъ для пенатовъ со множествомъ статуй; устроивались великолѣпныя бани и просторная кухня. Внутренній дворъ превратился въ роскошный садъ съ колоннами, статуями и фонтанами. Столь же изящны были и общественныя зданія въ Римѣ. Большая часть ихъ находилась на рынкѣ — форумѣ. Форумъ составлялъ продолговатый четыреугольникъ (въ 630 ф. длины и 100 — 110 ф. ширины). Онъ служилъ первоначально только рынкомъ; впослѣдствіи одна западная часть его называлась форумомъ, а восточную, служившую для сходокъ, начали называть *комиціумомъ*. Между ними находилось четыреугольное каменное возвышеніе (въ 12 ф. ширины и 30 ф. длины), со ступенями съ двухъ сторонъ, окруженное перилами. Отсюда говорили рѣчи къ народу. Эта *каѳедра* была такъ велика потому, что римскіе ораторы то выскакивали впередъ, то отступали назадъ и вообще сопровождали свои слова живыми тѣлодвиженіями, заботясь даже о живописныхъ складкахъ своей тоги. Бока каѳедры были украшены корабельными носами и статуями. Посреди форума находился колодезь, въ который, какъ говоритъ преданіе, бросился *Маркъ Курцій* (362 г.), возлѣ него священная смоковница, маслина и виноградная лоза, побѣдный столпъ Дуилія, конная статуя Камилла и другія памятники. По лѣвой и правой сторонѣ стояли на каменныхъ возвышеніяхъ сѣдалища судей—эдиловъ (*трибуналы*), на восточномъ концѣ находился трибуналъ претора. Подъ тремя арками на сѣверной сторонѣ форума были лавки мѣнялъ, а за ними сенатское зданіе (Курія), къ которому отъ комиціума вела широкая и высокая лѣсница. Противъ послѣдняго находилось жилище главнаго жреца и храмъ Весты. Передъ всѣми этими зданіями расположены были лавки. Со временъ ценсора Катона начали строить крытые торговые дворы, которыхъ крыша поддерживалась колоннами; на лице-

вой сторонѣ обыкновенно было шесть колоннъ. Это такъ называемыя *Базилики;* впослѣдствіи съ трехъ сторонъ они были закрыты стѣнами, а у задней стѣны ихъ построили полукругомъ трибуналъ судьи. Эти базилики послужили образцомъ для первыхъ христіанскихъ храмовъ.

Вмѣстѣ съ богатствомъ и образованіемъ Римляне перенимали и пороки, и роскошь покоренныхъ народовъ. Такъ какъ эти нововведенія уничтожали старинные нравы, простоту и трудолюбіе, то противъ нихъ возстала цѣлая партія, главою которой былъ строгій ценсоръ *Порцій Катонъ*. По его настоянію изгнаны были изъ Рима греческіе философы; школы ихъ закрыты, а покровители Грековъ Сципіоны подверглись наказанію. Катонъ даже противился распространенію греческаго врачебнаго искусства, и выхвалялъ домашнія снадобья, доставляющія будто бы долговѣчность и здоровье. Однако эта привязанность къ старинѣ должна была уступить стремленію къ успѣхамъ въ образованности: самъ Катонъ подъ старость выучился по гречески.

Между тѣмъ богатые Римляне совершенно отвыкли отъ труда и предались наслажденіямъ жизни. Всѣ занятія предоставлялись рабамъ. Оптиматы накупили себѣ обширныя земли, строили на нихъ великолѣпныя дачи и содержали цѣлыя толпы рабовъ. Роскошь породила страсть наживать деньги, даже позорный торгъ невольниками служилъ источникомъ доходовъ. Грубые, полудикіе жители Сардиніи и Корсики продавались за безцѣнокъ для черной работы, а образованные Греки и Азіатцы, служившіе писцами, чтецами, учителями, ключниками и т. п., покупались за очень большія суммы. Разсказываютъ, что на большомъ невольничьемъ рынкѣ въ Делосѣ, гдѣ малоазійскіе работорговцы доставляли товаръ римскимъ барышникамъ, привезено было въ одинъ день до 10,000 рабовъ и всѣ проданы къ вечеру. Дѣйствительно рабы доставляли большія выгоды; ремеслами большею частію занимались рабы, а вся прибыль доставалась господамъ ихъ. Всадники, бравшіе обществами на откупъ подати, обыкновенно соби-

рали ихъ въ розницу черезъ рабовъ. Рано уже вошло въ обычай отправлять толпы невольниковъ на испанскіе горные заводы и отдавать ихъ въ наемъ хозяевамъ рудниковъ, за что послѣдніе хорошо платили ихъ господамъ. Рабовладѣльцы брали на подрядъ и уборку винограда и маслинъ, а также приготовленіе вина и масла. Землю обработывали толпы клейменныхъ невольниковъ съ оковами на ногахъ, и «невольничій хлѣбъ» былъ такъ дешевъ, что свободные поселяне не могли жить своими заработками, впадали въ нищету, и многіе, уступая за безцѣнокъ оптиматамъ свои усадьбы, переселялись въ городъ. Скотоводство было любимымъ занятіемъ римскихъ промышленниковъ; и въ Италіи, и въ провинціяхъ содержались огромныя стада подъ надзоромъ рабовъ, которые обыкновенно выѣзжали верхомъ. Естественно, что небогатые граждане, не успѣвая соперничать въ промыслахъ съ рабовладѣльцами, исключительно посвящали себя военной службѣ, которая рядомъ съ трудами доставляла не только наслажденія, но и богатую добычу. По этому воины стали любить только такихъ начальниковъ, которые поблажали ихъ затѣямъ, а воеводы могли достигнуть высшихъ должностей и званій въ государствѣ только при помощи гражданъ-воиновъ, подававшихъ голосъ на комиціяхъ, и смотрѣли сквозь пальцы на безпорядки, грабежи и буйства, лишь бы стяжать народную любовь — *популярность*. Ради популярности старались всѣми мѣрами задобрить толпу. Оптиматъ, домогавшійся какого нибудь званія въ Римѣ, надѣвалъ бѣлую тогу, и по ней назывался *кандидатомъ*. Въ этой одеждѣ кандидатъ выходилъ на прогулку, за нимъ слѣдовалъ рабъ, который шопотомъ передавалъ ему имена и званіе всѣхъ встрѣчавшихся. Кандидатъ обращался съ каждымъ, какъ съ хорошимъ знакомымъ, пожималъ ему руку, говорилъ любезности, спрашивалъ о семействѣ, раздавалъ подарки или посылалъ ихъ на домъ. Когда же при выборахъ начали подавать голоса тайно при помощи дощечекъ (съ 136 г.), то богачи добивались для себя большинства голосовъ, покупая ихъ или отпуская рабовъ на волю.

Соперничая между собою, знатные кандидаты раздавали безплатно хлѣбъ народу, строили театры и базилики. Успѣшнѣе же всего можно было угодить толпѣ *играми*, до которыхъ римскій народъ былъ всегда большой охотникъ. Впрочемъ общественныя игры въ Римѣ указываютъ только на грубость нравовъ этого народа: тогда какъ игры Грековъ возбуждали соревнованіе къ великимъ подвигамъ и въ нихъ принимали участіе только достойные состязатели, римскіе состояли въ *гладіаторскихъ бояхъ* и *травлѣ звѣрей*.

Въ древности и у Грековъ при погребеніи приносились въ жертву плѣнники; въ Римѣ ихъ заставляли состязаться; въ первый разъ такой бой происходилъ между тремя парами при погребеніи одного изъ Брутовъ (въ 264 г.). Вскорѣ эдилы для пріобрѣтенія популярности начали выставлять сотни *гладіаторовъ* (мечниковъ). Сначала ихъ учили въ особыхъ школахъ и откармливали свининою; хозяева продавали или отдавали ихъ въ наемъ. Къ этимъ боямъ въ видѣ наказанія приговаривались преступники и плѣнники. Одни изъ гладіаторовъ были вооружены шлемами съ забралами, длиннымъ щитомъ, латами на лѣвой ногѣ и мечемъ; другіе сѣтью старались опутать противника и поразить его гарпуною или кинжаломъ. Бились на-смерть; побѣдитель, нанося смертельный ударъ противнику, восклицалъ: «имѣетъ!» Когда побѣжденный просилъ зрителей о помилованіи, онъ поднималъ пальцы и ему отвѣчали тѣмъ же, или закрывали большой палецъ остальными и тогда побѣдитель долженъ былъ его докончить.

Въ началѣ втораго столѣтія до Р. Х. данъ былъ первый бой атлетовъ съ *травлею* львовъ и барсовъ. Съ этихъ поръ въ Римъ постоянно привозили изъ покоренныхъ странъ рѣдкихъ звѣрей; ихъ проводили въ тріумфѣ съ добычею и плѣнными по большому цирку, и здѣсь же при стеченіи многочисленныхъ зрителей происходила травля. Впослѣдствіи для подобныхъ представленій строили деревянные *амфитеатры*, съ продолговатою *ареною*, вокругъ которой возвышалось нѣсколько этажей съ мѣстами для зрителей. Этотъ балаганъ

ломался по окончаніи игръ. Для травли существовали особые «охотники», которые, подобно гладіаторамъ, обучались своему ремеслу; звѣрямъ бросали нерѣдко на съѣденіе преступниковъ и военноплѣнныхъ дурно вооруженныхъ, часто даже связанныхъ. Иногда выводили для потѣхи ученыхъ животныхъ: львы ловили зайцевъ и отпускали ихъ, слоны смирно возлежали за обѣденнымъ столомъ, плясали на канатѣ, писали по латыни и т. п. Этого однако Римлянамъ казалось мало; не только сотни паръ гладіаторовъ вступали въ бой, а звѣрей травили тысячами, давались иногда цѣлыя сраженія съ боевыми слонами и взятіемъ крѣпостей. Вырывали даже водоемы для морскихъ битвъ. Цезарь первый заставилъ состязаться на Марсовомъ полѣ два флота изъ двухъ, трехъ и четырехпалубныхъ судовъ съ 4000 гребцовъ и 1000 воиновъ.

ТИВЕРІЙ И КАЙ ГРАКХИ.

Вслѣдствіе возвышенія въ Римѣ богачей — оптиматовъ, и управленіе, и война зависѣли отъ произвола *немногихъ* (*олигархія*). Мелкіе, зажиточные римскіе землевладѣльцы впали въ нищету, переселились большею частію въ Римъ и образовали здѣсь *голодную*, а потому и подкупную *чернь*. Съ обѣднѣніемъ народа, народное собраніе утратило всякую самостоятельность, голоса покупались. Отъ зависимости богачей можно было освободить народъ римскій двумя путями: или избавить нисшій классъ отъ нищеты, *раздѣливъ поровну государственныя земли между всѣми гражданами*, такъ какъ до сихъ поръ ими владѣли одни оптиматы; или увеличить число достаточныхъ гражданъ, *предоставивъ всѣмъ жителямъ Италіи* (которые назывались *союзниками*) *право гражданства*, т. е. право подавать голосъ въ народномъ собраніи въ Римѣ. Первые рѣшились осуществить это требованіе *Гракхи*.

Еще во время споровъ патриціевъ и плебеевъ о замѣщеніи государственныхъ должностей, по предложенію трибуновъ былъ постановленъ законъ (Лициніевъ 366 г.), что никто изъ гражданъ не долженъ получать изъ государственныхъ земель въ потомственное пользованіе болѣе опредѣленнаго участка (500 югеровъ, югеръ = ½ десятины, = 549 кв. саж.). Однако это постановленіе вскорѣ предано забвенію. Тогда въ 133 г. трибунъ *Тиверій Гракхъ* предложилъ его вновь на обсужденіе; онъ указалъ на страшное неравенство состояній, приводя въ своей рѣчи, что «у звѣрей есть логовище, каждая тварь имѣетъ пристанище, а у гражданъ, сражающихся за отечество, ничего не осталось, кромѣ свѣта и воздуха; лгутъ, говорилъ онъ, полководцы, которые, желая воодушевить воиновъ къ подвигамъ, напоминаютъ имъ о могилѣ предковъ и домашней святынѣ: у бѣдныхъ нѣтъ ни того, ни другаго. Чтобы доставить другимъ и славу, и богатства, они жертвуютъ жизнью, и хотя народъ римскій слыветъ владыкою міра, но въ дѣйствительности его граждане не имѣютъ пядени земли въ своемъ распоряженіи.» Это предложеніе возбудило ожесточенную борьбу, страсти обѣихъ партій воспламенились до нельзя, что повело къ убійствамъ и беззаконіямъ всякаго рода. Оптиматы уже триста лѣтъ пользовались казенными землями и, не платя за нихъ ни аренды, ни податей, давно привыкли считать ихъ своею собственностью. Они склонили въ свою пользу одного изъ трибуновъ (М. Октавія), который своимъ veto въ народномъ собраніи не допустилъ сбора голосовъ въ пользу предложенія Гракха. Тогда Тиверій, истощивъ убѣжденія и просьбы, побудилъ народное собраніе, вопреки закону, удалить трибуна отъ должности; послѣдній едва спасъ даже свою жизнь отъ разъяренной черни. Законъ Гракха былъ принятъ; назначили коммиссію для размежеванія земель.

Новый раздѣлъ не былъ еще оконченъ, когда наступилъ срокъ избранія новыхъ трибуновъ. Вопреки обычаю, Тиверій домогался вторичнаго выбора, чтобы довести надѣлъ до конца. Желая привязать къ себѣ народъ и тѣмъ обезпечить свое

избраніе, онъ предложилъ раздѣлить между бѣдными сокровища, которыя пергамскій царь (Атталъ) завѣщалъ римской казнѣ. Но оптиматы перенесли день выбора на время жатвы, чтобы земледѣльцы не могли явиться на комицій. Въ первое собраніе ихъ приверженцы затѣяли такой шумъ, что пришлось отложить выборъ до слѣдующаго дня. При роковыхъ предзнаменованіяхъ начался этотъ день: священныя куры не выходили изъ клѣтокъ и не клевали посыпанныхъ зернъ, змѣя положила яйца въ шлемъ Тиверія, который, выходя изъ дому, сильно ушибъ ногу о порогъ; вороны сбросили съ крыши камень, упавшій къ ногамъ Тиверія. Испуганный онъ хотѣлъ вернуться въ домъ, но друзья убѣдили его отправиться на форумъ, говоря, что недостойно внука великаго Сципіона пугаться вороны. Народное собраніе было чрезвычайно шумно; извѣстили Тиверія, что сенаторы рѣшили вооружить своихъ рабовъ и кліэнтовъ. Произнести рѣчи не было возможности, и Тиверій, желая сообщить народу, что его жизни угрожаетъ опасность, только указалъ рукою на свою голову. Противники воспользовались этимъ жестомъ и распространили слухъ, что Тиверій требуетъ себѣ царскаго вѣнца. Въ сенатѣ верховный жрецъ *Сципіонъ Назика* грубо закричалъ консулу (Муцію Сцеволѣ), чтобы онъ съ оружіемъ разогналъ народное собраніе, а когда послѣдній отказался, такъ какъ противозаконнаго пока ничего не происходило, — то Назика съ крикомъ: «консулъ предаетъ республику; кто хочетъ спасти законы, послѣдуй за мною,» накинулъ тогу на голову, какъ бы готовясь принести жертву въ храмъ Юпитера и бросился въ комицій. За нимъ послѣдовали толпа сенаторовъ и всадниковъ, которые, разломавши скамьи и сѣдалища куріи, вооружились этими обломками и дубинами. Народъ раступился. Тиверій хотѣлъ бѣжать, но его и до трехъ сотъ его приверженцевъ побили дубьемъ и камнями. Трупы побросали въ Тибръ и не позволили даже Каю похоронить брата.

Оптиматы были довольны, хотя и восторжествовали только при помощи беззаконнаго насилія. Сципіонъ младшій, узнавъ

въ Испаніи объ убіеніи своего зятя Тиверія, оправдалъ поступокъ Назики, приводя Гомеровскій стихъ: «Пусть такъ погибнетъ и всякій, свершившій подобное дѣло!» Этимъ онъ навлекъ однако на себя ненависть народа, и когда впослѣдствіи онъ воспротивился утвержденію закона, чтобы одно и тоже лицо могло быть избираемо трибуномъ по нѣскольку разъ, а въ 129 г. предложилъ законъ, по которому раздѣлъ земель былъ предоставленъ консуламъ, коммиссія же, учрежденная Гракхомъ, уничтожена,—то его въ одно утро нашли умерщвленнымъ въ постели.

Устранивъ старшаго брата убійствомъ, сенатъ опасался младшаго пылкаго *Кая Гракха* и отправилъ его квесторомъ въ Сардинію, когда узналъ, что Кай намѣренъ выступить кандидатомъ при избраніи трибуновъ. Онъ отправился, но неожиданно вернулся въ Римъ до истеченія срока, оправдывая себя тѣмъ, что «онъ одинъ отправился въ провинцію съ набитымъ кошелькомъ, а вернулся съ пустымъ, между тѣмъ какъ другіе возвращаются, награбивъ себѣ состояніе.» Его избрали трибуномъ на 122 г. Кай Гракхъ обладалъ увлекательнымъ краснорѣчіемъ и бо̀льшею рѣшимостію, чѣмъ старшій братъ. Онъ ускорилъ размежеваніе земель, привязалъ къ себѣ народъ закономъ (*хлѣбнымъ*), по которому хлѣбъ ежемѣсячно раздавался бѣднымъ по дешевой цѣнѣ, предложилъ дать право гражданства всѣмъ союзникамъ и достигъ того, что его избрали трибуномъ и на слѣдующій годъ. Тогда Кай Гракхъ началъ явно нападать на оптиматовъ, стремясь уничтожить ихъ преобладаніе.

Чтобы ослабить вліяніе Кая на народъ, оптиматы прибѣгли къ испытанному уже средству. Они подкупили трибуна (Ливія Друза), который потребовалъ для народа еще большихъ преимуществъ, чѣмъ Гракхъ, и обѣщалъ согласіе сената; такимъ образомъ онъ увѣрялъ, что земли будутъ розданы въ вѣчную собственность и безъ всякой подати съ нихъ. Лѣнивая, легкомысленная толпа оставила Гракха, его предложеніе о союзникахъ было отвергнуто и при новыхъ выборахъ

его не избрали въ трибуны. Онъ пересталъ быть неприкосновеннымъ и противники старались побудить Кая къ какому нибудь нарушенію законнаго порядка, чтобы погубить его. Попытка удалась. Жрецы воспротивились заселенію Карѳагена, — когда Гракхъ выводилъ туда колонію изъ бѣдныхъ, — такъ какъ это мѣсто было предано проклятію. Чтобы уничтожить законъ Кая о заселеніи, созвали народное собраніе. Кай явился съ вооруженною толпою приверженцевъ и намѣревался насиліемъ воспрепятствовать уничтоженію своего закона. Ликторъ, сопровождавшій консула въ Капитолій для жертвоприношенія, подошелъ къ толпѣ со словами: «разступитесь дурные граждане, дайте мѣсто порядочнымъ людямъ», и былъ убитъ за свою нахальную рѣчь. Тогда сенатъ объявилъ городъ на *военномъ положеніи*, и предоставилъ такимъ образомъ консулу неограниченную власть надъ жизнью и смертью всѣхъ. Кая съ приверженцами объявили мятежниками, и когда они укрѣпились на одномъ холмѣ, то переговоры съ ними отвергли и всѣхъ ихъ перебили. Самъ Кай, добѣжавъ до ближней рощи, приказалъ рабу вонзить себѣ мечь въ сердце. Ему отрѣзали голову и налили ее свинцомъ, такъ какъ консулъ обѣщался платить за нее золотомъ на вѣсъ (она обошлась ему въ $27^1/_2$ фунтовъ). 3000 приверженцевъ Кая погибло, имѣнія ихъ отобрали въ казну, тѣла побросали въ Тибръ. Память Гракховъ предали проклятію; даже родная мать (1) не смѣла носить траура въ память своего послѣдняго сына. Черезъ пятнадцать лѣтъ по смерти Кая, законы Гракховъ объ общественныхъ земляхъ были уничтожены и съ этого времени ими исключительно пользовались по прежнему оптиматы.

---

(1) *Корнелія*, дочь Сципіона старшаго, возбуждала честолюбіе сыновей, жалуясь, что ее постоянно называютъ тещею Сципіона младшаго, а не матерью Гракховъ. Когда просили ее разъ показать свои сокровища, она привела сыновей.

МАРІЙ И СУЛЛА.

Отъ Гракховъ оптиматы освободились съ помощью убійствъ, но тѣмъ самымъ они подали примѣръ рѣшать всѣ споры о правахъ оружіемъ и насиліемъ, а не законнымъ порядкомъ. Неуступчивость оптиматовъ должна была неминуемо повести къ междоусобной войнѣ, тѣмъ болѣе кровопролитной, что враждовавшія партіи стремились истребить другъ друга. Война эта началась, когда нашлись предводители: у народа *Кай Марій*, у оптиматовъ *Луцій Корнелій Сулла*.

Марій былъ сынъ пахаря; онъ избралъ военное поприще по собственному желанію и въ нумантинскомъ походѣ обратилъ на себя вниманіе Сципіона младшаго огромнымъ ростомъ, необыкновенною силою, неустрашимостью и находчивостью. «Онъ будетъ мнѣ достойнымъ преемникомъ», говорилъ Сципіонъ. Въ это время въ Африкѣ *Югурта* старался соединить подъ своею властью всю Нумидію, онъ умертвилъ одного и напалъ на другаго двоюроднаго брата. Послѣдній обратился къ Римлянамъ за помощію, но Югурта подкупалъ консуловъ и сенаторовъ; а когда одинъ изъ трибуновъ открылъ его продѣлки, и его потребовали на оправданіе въ Римъ, онъ безстрашно явился, подкупилъ другаго трибуна, который своимъ veto остановилъ допросъ: даже въ самомъ Римѣ Югурта умертвилъ племянника; послѣ этого поступка онъ, разумѣется, долженъ былъ оставить Римъ. «Весь городъ проданъ, лишь бы нашелся покупатель», сказалъ Югурта, удаляясь. Возвратившись въ Нумидію, Югурта по прежнему продолжалъ подкупать римскихъ военачальниковъ, разбилъ одно римское войско и провелъ его подъ висѣлицею (игомъ). Это осрамленіе сильно возмутило народъ. Справедливо не довѣряя знати, онъ требовалъ выбора предводителя изъ своей среды. Такимъ могъ быть *Кай Марій*, какъ *новый человѣкъ*

(т. е. не оптиматъ). Онъ находился при войскѣ въ Африкѣ въ званіи легата и потому, взявъ отпускъ, явился въ Римъ кандидатомъ на консульство (на 107 г.). «Не могу я представить изображеній моихъ предковъ, ни указать на ихъ тріумфы и консульства,» сказалъ Марій народу, «но мое благородство доказываютъ копья, знамена, военныя награды и раны на груди. Они перешли мнѣ не по наслѣдству, какъ у знатныхъ господъ, самъ я ихъ добылъ безконечными трудами и опасностями. Оптиматы презираютъ мое происхожденіе, а я ихъ безнравственность; слова мои не отдѣланы изящно, — за этимъ я и не гонюсь: вотъ имъ нужна наука, чтобы прикрыть свои постыдныя дѣла краснымн словами. Не учился я греческой мудрости, но умѣю переносить зимній холодъ и лѣтній зной, спать на голой землѣ, поражать враговъ и бояться только худой славы.» Его избрали консуломъ и назначили полководцемъ противъ Югурты. Марій вскорѣ занялъ всю Нумидію и заставилъ Югурту бѣжать къ своему тестю (царю Мавританіи, нынѣ Марокко). Но пока этотъ неугомонный врагъ Рима былъ свободенъ, слѣдовало опасаться новой войны, по этому большую услугу оказалъ Римлянамъ квесторъ Марія — *Сулла*, убѣдившій тестя выдать бѣглеца. Эта удача возбудила однако зависть Марія, и когда Сулла сдѣлалъ себѣ перстень, на которомъ была изображена выдача Югурты, то Марій явился непримиримымъ его врагомъ. Марій былъ еще занятъ въ Африкѣ, когда его вторично избрали консуломъ (на 104 г.), хотя по закону кандидатъ долженъ былъ присутствовать при избраніи, и въ консулы могли быть избраны вторично, занимавшіе уже однажды эту должность, только черезъ 10 лѣтъ. Но опасность, угрожавшая Италіи отъ *Кимвровъ* и *Тевтоновъ*, заставила забыть обычный порядокъ.

Кимвры и Тевтоны, народы *Германскаго племени*, занимавшаго среднюю Европу на сѣверъ отъ Рейна и Дуная, были высокаго роста, стройнаго сложенія, съ вьющимися бѣлокурыми волосами, голубыми глазами и исполинской силы,—

съ женами, дѣтьми и стадами двинулись они изъ Ютландскаго (Кимврскаго) полуострова искать себѣ новыхъ обиталищъ. Телѣги съ кожанымъ верхомъ служили имъ походными жилищами, на нихъ помѣщались жены и дѣти и все имущество; ихъ стерегли собаки. Они одѣвались въ звѣриныя шкуры, носили узкіе деревянные щиты въ человѣческій ростъ, длинные мечи, тяжелыя палицы, мѣдные шлемы, украшенные изображеніями звѣрей, а нѣкоторые изъ воиновъ и желѣзныя латы. Битву начинали они бранью, стараясь ужаснымъ шумомъ и ревомъ навести страхъ на непріятеля. Плѣнниковъ вѣшали или приносили въ жертву своимъ богамъ, причемъ босоногія жрицы, въ бѣлыхъ полотняныхъ одеждахъ, по текучей крови жертвъ предсказывали будущее.

Кимвры и Тевтоны ворвались въ Галлію (Францію) и въ четыре года (109—105) уничтожили 5 консульскихъ войскъ. Съ трепетомъ ожидали ихъ нападенія на Италію; никто даже не явился кандидатомъ на консульство въ этотъ годъ, спасенія надѣялись отъ одного Марія, котораго назначили консуломъ четыре раза сряду (104—101 г.). Отпраздновавъ тріумфъ за пораженіе Югурты (1), Марій поспѣшилъ къ войску въ Галлію. Между тѣмъ Кимвры и Тевтоны отправились въ Испанію, но отбитые туземцами, вернулись на сѣверъ вдоль берега Атлантическаго океана, здѣсь отразили ихъ Бельги, и тогда, раздѣлившись, они рѣшились вторгнуться въ Италію. Эти странствованія ихъ дали время Марію пополнить свое войско, — причемъ онъ принималъ въ строй всѣхъ безъ различія, возстановилъ дисциплину и постоянными упражненіями пріучилъ войско къ труду и лишеніямъ. На берегахъ

---

(1) Югурту вели прикованнаго цѣпями въ колесницѣ тріумфатора; онъ неистово рвался отъ злости. Затѣмъ чернь сорвала съ него драгоцѣнныя украшенія, съ сергами вырвала ему даже часть уха; его бросили въ сырую темницу, гдѣ Югурта 6 дней боролся съ голодомъ.

Роны встрѣтилъ онъ Тевтоновъ; однако не тронулся изъ своего укрѣпленнаго лагеря, мимо котораго варвары проходили шесть дней, направляясь въ Италію, и насмѣшливо кричали Римлянамъ, не дадутъ ли они имъ какихъ нибудь порученій къ своимъ женамъ. Между тѣмъ это бездѣйствіе, какъ и ожидалъ Марій, довело войско до нетерпѣнія; замѣтивъ, это онъ сломалъ лагерь и послѣдовалъ за врагами. Настигнувъ Тевтоновъ, онъ большую часть ихъ уничтожилъ (при *Э* въ Провансѣ, въ 102 г.), предводитель ихъ попался въ плѣнъ. Этотъ предводитель *Тевтобохъ* былъ столь огромнаго роста, что проведенный впослѣдствіи въ тріумфѣ передъ колесницею Маріи, онъ оказался выше трофей. О силѣ его разсказываютъ, что онъ могъ перескочить черезъ шесть лошадей.

Между тѣмъ, Кимвры проникли въ Италію съ сѣвера, и Марій поспѣшилъ имъ на встрѣчу. Кимвры предлагали служить Римлянамъ своимъ оружіемъ съ тѣмъ, чтобы за это отвели имъ и ихъ товарищамъ, Тевтонамъ, — о погибели которыхъ они ничего не знали, — жилища въ Италіи. «Тевтонамъ я уже отвелъ жилища на вѣчныя времена», отвѣчалъ имъ насмѣшливо Марій. Тогда Кимвры предложили назначить день и мѣсто для сраженія, и съ неистовымъ мужествомъ напали на Римлянъ; воины передняго ряда были связаны между собою цѣпями, чтобы непріятель не могъ прорвать строя. Однако Марій одержалъ верхъ; видя это, женщины Кимвровъ, находившіяся на обозныхъ телѣгахъ, убивали своихъ дѣтей и лишали себя жизни, чтобы не попасться въ плѣнъ (при Верчелли въ 101 г.). Велика была радость въ Римѣ; Марія назвали третьимъ основателемъ города, ему дѣлали возліянія, подобно богу, и его избрали въ шестой разъ консуломъ (на 100 г.). Съ возвышеніемъ Марія, *народъ* пріобрѣлъ рѣшительный перевѣсъ въ Римѣ, что заставило *оптиматовъ* тѣснѣе соединяться около Суллы.

Въ новой борьбѣ этихъ двухъ партій возобновили и предложенія Гракховъ; когда же трибунъ потребовавшій опять для союзниковъ правъ гражданства, былъ умерщвленъ, то жители

Италіи (союзники) возстали противъ Рима и избрали своихъ консуловъ, свой сенатъ и прочихъ властей. Войну (*союзническая* съ 91—88 г.) съ ними удалось окончить только предоставивъ право гражданства всѣмъ, положившимъ оружіе къ извѣстному сроку. Непокорившихся разбилъ Сулла въ южной Италіи. Въ награду за то его избрали консуломъ (на 88 г.) и назначали начальникомъ войскъ въ Азіи, гдѣ страшныя угнетенія откупщиковъ податей и сборщиковъ пошлинъ доставили царю *понтійскому* (у Чернаго моря) *Митридату* возможность произвести всеобщее возстаніе. Но Марій завидовалъ назначенію своего соперника, тѣмъ болѣе, что война эта обѣщала много почестей и богатствъ. Чтобы доказать свою бодрость, Марій (которому было тогда около 68 лѣтъ) ежедневно утромъ пріѣзжалъ верхомъ на Марсово поле, принималъ здѣсь участіе въ военныхъ играхъ молодежи, сражался съ ними, скакалъ и не обращалъ вниманія на насмѣшниковъ, которые совѣтовали ему отправиться лучше къ морскимъ ваннамъ (Байи), и купаньемъ укрѣплять свое дряхлое тѣло. Въ это время въ Римѣ пользовался особою популярностью трибунъ *Сульпицій Руфъ*, который окружилъ себя 3,000 вооруженныхъ наемниковъ и 600 молодыхъ всадниковъ; послѣднихъ онъ называлъ своимъ *анти-сенатомъ*. Угрозами онъ заставилъ сенатъ дать новымъ гражданамъ и вольноотпущеннымъ столько же голосовъ, сколько имѣли старые граждане. Тогда при содѣйствіи первыхъ, народное собраніе отняло начальство надъ войскомъ у Суллы и передало его Марію. Это было началомъ междоусобной войны.

Сулла долженъ былъ бѣжать изъ Рима и удалился къ войску, назначенному противъ Митридата. Съ восторгомъ приняли воины любимаго полководца и требовали, чтобы онъ велъ ихъ прямо къ Риму. Посланныхъ отъ Марія они побили камнями и послѣ ожесточеннаго сопротивленія вступили въ городъ. Марій успѣлъ бѣжать; Сульпицій съ другими приверженцами были казнены. Возстановивъ порядокъ въ Римѣ и ограничивъ права народнаго собранія и трибуновъ, Сулла

допустилъ избраніе *Цинны*, приверженца Марія, въ консулы, чтобы примириться съ противною партіею, и, взявъ съ него клятвенное обѣщаніе сохранить установленный порядокъ, поспѣшилъ на востокъ.

Между тѣмъ Марій, укрывавшійся отъ преслѣдованій противниковъ, не падалъ духомъ и утѣшалъ своихъ спутниковъ, разсказывая имъ, что будучи мальчикомъ, онъ сидѣлъ разъ подъ деревомъ и ему на лоно упало орлиное гнѣздо съ семью птенцами. Авгуры, спрошенные объ этомъ родителями, сказали, что онъ 6 разъ достигнетъ высшей власти въ государствѣ, а до сихъ поръ онъ занималъ эту должность шесть разъ. Дѣйствительно, онъ успѣлъ уйти, хотя его даже схватили въ болотѣ, гдѣ онъ завязъ въ тинѣ по поясъ и спряталъ голову въ тростникѣ. Пойманнаго отвели въ ближайшій городъ (*Минтурны*), и городское начальство послало въ темницу палача изъ плѣнныхъ Кимвровъ убить его. Но Германецъ испугался огненныхъ взоровъ своего прежняго побѣдителя, и когда Марій своимъ мощнымъ голосомъ грозно крикнулъ ему: «Рабъ! посмѣешь ли ты убить Кая Марія?» у него выпалъ топоръ изъ рукъ. Марій убѣжалъ въ Африку; но пропреторъ приказалъ ему удалиться оттуда. Посланные послѣдняго нашли бѣглеца, погруженнаго въ размышленіе, на развалинахъ Карѳагена. Онъ повиновался, и скрылся съ приверженцами на прибрежномъ островѣ, помышляя о мести. Вскорѣ представился къ тому удобный случай. Цинна, по удаленіи Суллы изъ Италіи, потребовалъ отъ народнаго собранія возвращенія изгнанниковъ. Но послѣ ожесточенной уличной схватки оптиматы лишили его консульства и заставили бѣжать изъ города. Тогда онъ призвалъ Марія и, набравъ шайку изъ разбойниковъ, рабовъ и бродягъ, которые называли себя *маріанцами*, они двинулись къ Риму. Овладѣвъ городомъ, это скопище пятеро сутокъ предавалось убійству и грабежу, умерщвляя всякаго, кому Марій не отвѣчалъ на поклонъ. Насытивъ свою месть, Марій велѣлъ избрать себя консуломъ вмѣстѣ съ Цинною. Однакожъ, совершенныя

злодѣйства не давали ему покоя: ему постоянно грезились призраки убитыхъ; онъ старался заглушить голосъ совѣсти виномъ, и вслѣдствіе неумѣренности померъ въ 17-й день своего 7-го консульства (86 г.). Цинна еще три года неограниченно правилъ въ Римѣ, а при возвращеніи Суллы въ Италію былъ убитъ собственными солдатами.

Въ то время, какъ умерщвляли его друзей, преслѣдовали всю его семью, разоряли его дома въ Римѣ, Сулла боролся съ внѣшнимъ непріятелемъ, и не слушалъ просьбъ бѣжавшихъ къ нему оптиматовъ, пока не былъ усмиренъ общій врагъ отечества — *Митридатъ*. Этотъ мужественный и предпріимчивый, но вмѣстѣ съ тѣмъ вѣроломный и жестокій царь завоевалъ всю восточную половину черноморскаго берега съ полуостровомъ Крымомъ и основалъ здѣсь *Боспорское царство* (1). Вслѣдъ затѣмъ онъ завладѣлъ главнымъ городомъ римской провинціи Азіи — *Пергамомъ*. Корыстолюбиваго проконсула,

---

(1) Римляне еще въ 124 г. обратили Малую Азію до Галиса и Тавра въ провинцію, но лихоимство и притѣсненія римскихъ мытарей сдѣлали ихъ господство вскорѣ невыносимымъ. По этому, когда Митридатъ поднялъ оружіе противъ Римлянъ, его повсюду встрѣчали, какъ избавителя. Его предки владѣли гористою областью у юговосточнаго угла Чернаго моря—*Понтомъ* (древняя Колхида и страна Амазонокъ). По смерти отца Митридатъ остался 13 лѣтъ; притѣсненія опекуновъ и властолюбивой матери заставили его тайно бѣжать изъ столицы *Синопа*. Отправляясь будто на охоту, онъ съ немногими вѣрными друзьями удалился въ горы и скитался 7 лѣтъ по Малой Азіи. Цѣлые годы онъ оставался безъ крова и, укрываясь въ лѣсахъ и пещерахъ, питался охотою; онъ ознакомился съ цѣлебными свойствами растеній, принималъ разные ядовитые соки, такъ что впослѣдствіи не могъ отравиться. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ наблюдалъ нравы и обычаи разныхъ племенъ Малой Азіи и выучился 23 различнымъ языкамъ. Его уже считали умершимъ, какъ неожиданно онъ возвратился въ свое царство и казнилъ мать, брата, супругу и всѣхъ своихъ гонителей и противниковъ.

попавшагося въ плѣнъ, онъ велѣлъ водить по всей странѣ, привязавъ его на ослѣ, и наконецъ залить ему горло расплавленнымъ золотомъ. Затѣмъ онъ разослалъ въ подвластные города приказъ умертвить въ назначенный день всѣхъ носившихъ тогу, безъ различія пола и возраста, а тѣла ихъ бросить на съѣденіе птицамъ и половину ихъ имущества роздать убійцамъ. Разсказываютъ, что погибло разомъ до 80,000 Римлянъ и Итальянцевъ. Очистивъ Азію, Митридатъ перенесъ войну въ Грецію и отправилъ туда полководца (87 г.). На встрѣчу ему прибылъ Сулла, съ войскомъ вчетверо меньшимъ, безъ флота, денегъ и даже безъ надежды на подкрѣпленіе. Но римскій консулъ не задумался; онъ ограбилъ дельфійскій и другіе храмы, взялъ приступомъ Аѳины послѣ ожесточеннаго сопротивленія, причемъ разорены были *длинныя стѣны, академія, лицей*, и многіе храмы. Изъ всей этой добычи Сулла взялъ себѣ только сочиненія Аристотеля. Затѣмъ въ двухъ сраженіяхъ онъ уничтожилъ войска Митридата. Въ послѣднемъ, при *Орхоменѣ* (85 г.) Римляне уже обратились въ бѣгство, когда Сулла, соскочивъ съ коня и схвативъ знамя, закричалъ воинамъ «здѣсь погибну со славою; если же спросятъ, гдѣ оставили вы своего полководца, отвѣчайте, при Орхоменѣ.» Пристыженные этими словами, солдаты съ неистовствомъ бросились снова на враговъ и уничтожили ихъ. Митридатъ долженъ былъ просить мира. При личномъ свиданіи, въ Азіи, Митридатъ молчалъ, желая выслушать сначала требованія Суллы; но послѣдній сказалъ ему «*ты* нуждаешься въ мирѣ, по этому *тебѣ* слѣдуетъ говорить; побѣдитель въ правѣ молчать.» А когда Митридатъ сталъ оправдывать свои поступки, Сулла прервалъ его словами: «справедливо выхваляли мнѣ твое краснорѣчіе: нуженъ большой даръ слова, чтобы прикрасить такія вопіющія злодѣянія.» По заключенному (84 г.) миру, Митридатъ долженъ былъ отказаться отъ всѣхъ завоеваній, заплатить огромную сумму денегъ и выдать весь флотъ. Возставшіе азіатскіе города, кромѣ военной контрибуціи (въ 38 милл. рублей), долж-

ны были заплатить недоимки въ податяхъ за минувшія пять лѣтъ. Воины Суллы получили по 3, а начальники ихъ по 10 рублей ежедневно отъ хозяевъ, у которыхъ они стояли. Эти взысканія совершенно разорили Азіатцевъ, они задолжали римскимъ ростовщикамъ, которые отбирали у нихъ дѣтей и ставили послѣднихъ лѣтомъ съ выбритою головою на солнце, а зимою босыми ногами на снѣгъ, чтобы заставить родителей ускорить платежемъ.

Покончивъ войну съ Митридатомъ, Сулла возвратился въ Италію (83 г.). Маріанцы были имъ разбиты, Римъ взятъ и противники его подверглись ужасной мести. 4000 плѣнныхъ Сулла приказалъ умертвить въ большомъ циркѣ; въ тоже время онъ самъ въ сосѣднемъ храмѣ грозно упрекалъ собравшійся сенатъ за его бездѣйствіе. Вопли и стоны умирающихъ доходили до собранія, ужасъ напалъ на сенаторовъ. «Не смущайтесь отцы,» хладнокровно замѣтилъ Сулла «тамъ казнятъ только нѣкоторыхъ негодяевъ.» Это было началомъ продолжительныхъ убійствъ. Наконецъ одинъ изъ сенаторовъ просилъ Суллу объявить, кого онъ намѣренъ оставить въ живыхъ, чтобы невинные не умирали отъ страха. «Я и самъ не знаю, кого помиловать,» небрежно отвѣтилъ побѣдитель. «Такъ по крайней мѣрѣ укажи, кто обреченъ смерти!» Сулла согласился и приказалъ на форумѣ выставить дощечки съ именами жертвъ. Всякій могъ ихъ убивать и за это получалъ даже часть ихъ имущества въ вознагражденіе; укрыватель осужденныхъ подвергался одинаковой съ ними участи. Списки жертвъ—*проскрипціи*—нѣсколько недѣль сряду ежедневно возобновлялись. По всей Италіи начались ужасныя злодѣянія; убивали съ цѣлію обогатиться и изъ личной ненависти. Рабы умерщвляли своихъ господъ, дѣти родителей. *Катилина*, убійца своего брата и шурина, явился атаманомъ цѣлой шайки головорѣзовъ: одному *опальному* онъ вырвалъ языкъ, выкололъ глаза и сломалъ руки и ноги; а потомъ уже отрубилъ ему голову, которую вонзилъ на копье и носилъ съ торжествомъ по улицамъ Рима. Столько имѣній

осталось безъ владѣльцевъ, что *Крассъ* за безцѣнокъ скупилъ почти половину всѣхъ домовъ въ Римѣ. Во всей Италіи погибло болѣе 150,000 человѣкъ. Наконецъ Суллѣ напомнили, что не останется надъ кѣмъ править, если онъ не прекратитъ убійствъ,—и онъ отмѣнилъ проскрипціи.

Избранный затѣмъ на неопредѣленное время диктаторомъ, Сулла возстановилъ полновластіе оптиматовъ и ограничилъ права народнаго собранія и трибуновъ. Черезъ два года онъ добровольно сложилъ съ себя власть, удалился въ помѣстье и предался распутству. Онъ померъ въ 78 году. Тѣло его было перенесено въ Римъ сенаторами на золотомъ ложѣ, въ шествіи несли 2000 золотыхъ вѣнцовъ; трупъ его сожгли на Марсовомъ полѣ, а прахъ поставили между гробницами древнихъ царей. Сенатъ соорудилъ Суллѣ памятникъ на Марсовомъ полѣ съ надписью, которую онъ сочинилъ себѣ самъ: «ни друзья не сдѣлали Суллѣ столько добра, ни враги столько зла, чтобы онъ не отплатилъ и тѣмъ, и другимъ сторицею.»

ПОМПЕЙ ВЕЛИКІЙ И ЮЛІЙ ЦЕЗАРЬ.

Подъ начальствомъ Марія и Суллы *двѣ партіи* ожесточенно боролись между собою за права и господство въ Римѣ. При содѣйствіи Суллы *оптиматы* взяли верхъ надъ *народомъ*. По смерти его вражда возобновилась, явились и предводители. Но послѣдніе уже не заботились о выгодахъ *своей партіи*, а думали только о *собственномъ* возвышеніи и, искусно пользуясь междоусобною войною, старались захватить въ свои руки неограниченную власть надъ свѣмъ государствомъ. Подчинивъ себѣ сенатъ и народное собраніе, подѣливъ между собою государственныя должности и провинціи, *олигархи* далѣе обращаютъ оружіе одинъ противъ другаго; каждый стремится остаться *одинъ* правителемъ государства (*монар-*

хомъ). Первые рѣшились на подобную попытку *Помпей* и *Цезарь*.

Помпей еще юношей уничтожилъ съ вольно-наемнымъ войскомъ остатки маріанской партіи, и получилъ отъ Суллы прозваніе Великаго. Сулла согласился и на его тріумфъ, хотя Помпею было только 26 лѣтъ и онъ не занималъ никакой государственной должности. По смерти Суллы сенатъ назначилъ Помпея полководцемъ въ Испанію, гдѣ демократы основали самостоятельное государство. Помпей уничтожилъ это возстаніе, главный вождь котораго (Серторій) былъ измѣнически убитъ своими. Выданную переписку послѣдняго съ разными лицами въ Римѣ онъ сжегъ, не читавши; чѣмъ расположилъ къ себѣ всѣхъ замѣшанныхъ въ это дѣло.

Между тѣмъ въ Италіи возстали рабы страшно притѣсняемые своими господами; примѣръ къ возстанію подали бѣжавшіе гладіаторы. Подъ начальствомъ смѣлаго *Спартака* рабы уничтожили нѣсколько легіоновъ и готовились напасть на самый Римъ. Но *Крассъ* разбилъ ихъ въ кровопролитномъ сраженіи (12,000 труповъ покрывали поле битвы); въ другомъ сраженіи палъ и Спартакъ, но раненый и стоя на колѣняхъ, онъ долго еще отбивался копьемъ отъ многочисленныхъ враговъ. 6000 плѣнниковъ Крассъ приказалъ распять на крестахъ, воздвигнутыхъ вдоль большой дороги. Остальныхъ рабовъ, спасшихся въ сѣверную Италію, уничтожилъ Помпей возвращавшійся изъ Испаніи, послѣ чего онъ утверждалъ, что Крассъ одержалъ побѣду, а онъ окончилъ войну. Обоихъ соперниковъ избрали консулами на слѣдующій годъ (70 г.). Чтобы пріобрѣсти популярность, богачъ Крассъ угощалъ народъ за 10,000 столовъ въ Римѣ и роздалъ черни хлѣбъ на 3 мѣсяца, а Помпей возвратилъ трибунамъ прежнія права.

Во время внутреннихъ смутъ въ римской республикѣ, морскіе разбойники съ южнаго берега Малой Азіи, съ острова Крита, Кипра и др. составили союзъ, содержали около тысячи кораблей на общій счетъ и пріобрѣли господство надъ всѣмъ Средиземнымъ моремъ; грабили его берега, даже раз-

рушали города и селенія, уводя жителей въ рабство. Наконецъ разбойники потопили римскій флотъ въ самомъ устьѣ Тибра. Тогда по предложенію трибуна народное собраніе назначило Помпея *морскимъ диктаторомъ* на три года (68 г.). Онъ согналъ корсаровъ съ Средиземнаго моря, уничтожилъ ихъ корабли у Малоазійскаго берега, разорилъ ихъ нагорныя крѣпости въ Таврѣ и окончилъ войну въ три мѣсяца. Такой быстрый успѣхъ доставила ему его кротость: гребцовъ съ взятыхъ разбойничьихъ судовъ онъ отпускалъ на волю, никого не распиналъ, а плѣнныхъ корсаровъ переселилъ на большое разстояніе отъ морскаго берега (Помпеіополъ). Помпей находился еще въ Азіи, когда получилъ начальство противъ Митридата.—Понтійскій царь еще до этого возставалъ противъ Римлянъ въ союзѣ съ морскими разбойниками (74 г), но его разбилъ и заставилъ бѣжать *Лукуллъ*. Послѣдній успѣшно приступилъ уже къ покоренію Арменіи, когда возмущеніе войска заставило его возвратиться (1). Митридатъ по удаленіи Лукулла оправился и встрѣтилъ Помпея съ новымъ войскомъ, но послѣдній напалъ на него врасплохъ ночью, когда царь проходилъ черезъ котловину между горами (66 г.).

---

(1) Благодушный и образованный Лукуллъ навлекъ на себя ненависть римскихъ всадниковъ—ростовщиковъ. Греческіе города въ Малой Азіи задолжали послѣднимъ вслѣдствіе контрибуціи, взятой съ нихъ Суллою. Барышники увеличили этотъ долгъ, присчитавъ проценты, въ шесть разъ противъ первоначально занятой суммы, а Лукуллъ уменьшилъ его на двѣ трети. Его оклеветали за это въ Римѣ и по предложенію трибуна назначили вмѣсто него Помпея (67 г.). Возвратившись въ Римъ, Лукуллъ предался занятіямъ науками и наслаждался жизнью. Его богатыя собранія картинъ, статуй, рукописей; великолѣпные дворы, дачи, увеселительные сады, водоемы съ рѣдкими рыбами, изящные столовые приборы, кубки изъ цѣнныхъ камней, его роскошные обѣды, для которыхъ привозились припасы и вино изъ всѣхъ частей свѣта, доставили ему извѣстность; выраженіе *Лукулловская роскошь* обратилось въ по-

Съ восходомъ луны Помпей убѣдился въ своей побѣдѣ. Митридатъ только съ двумя спутниками ускакалъ въ Крымъ, и когда родной сынъ хотѣлъ выдать его Римлянамъ, онъ приказалъ себя убить, такъ какъ принятый ядъ на него не подѣйствовалъ. Армянскій царь палъ къ ногамъ Помпея и изъявилъ безпрекословную покорность, тоже сдѣлали и другіе 12 царей азіатскихъ. Затѣмъ Помпей обратилъ Сирію въ римскую провинцію, покорилъ Іудею, взялъ приступомъ Іерусалимскій храмъ, вошелъ въ Святыя Святыхъ посмотрѣть единаго бога Евреевъ и удивился, не найдя здѣсь никакого идола. Устроивъ три новыя провинціи въ Азіи и опредѣливъ дань съ подвластныхъ царей, Помпей возвратился въ Италію и распустилъ свое войско. Съ восторгомъ встрѣтилъ его народъ, когда онъ вступилъ въ Римъ, какъ простой гражданинъ безъ знаковъ своего высокаго военнаго званія (61 г.). Его двухдневный тріумфъ превосходилъ великолѣпіемъ все, виданное до тѣхъ поръ. Впереди несли дощечки съ названіями 16 покоренныхъ странъ и народовъ, изображенія 1000 взятыхъ крѣпостей, 900 городовъ, 800 кораблей, имена 39 вновь основанныхъ и населенныхъ имъ городовъ. Между добычею несли на подушкахъ 33 короны, украшенныя жемчугомъ, ложе Дарія Гистаспа, золотой бюстъ Митридата, вышиною въ 8 локтей, его великолѣпный тронъ, золотую его шахматную доску въ 3 фута длины, 4 фута ширины и 30 фунтовъ вѣсомъ, съ кубками изъ драгоцѣнныхъ камней и много другихъ сокровищъ. Между 324 плѣнниками были 4 сына и 2 дочери Митридата. Въ тріумфальной коле-

---

говорку. У него было нѣсколько столовыхъ комнатъ и въ каждой подавался обѣдъ въ опредѣленную цѣну; въ комнатѣ Аполлона напримѣръ обѣдъ стоилъ около 10,000 рублей. Лукуллъ пересадилъ изъ малой Азіи въ Европу вишни (изъ Керисуна) и другіе плоды. Впрочемъ своею роскошью онъ подалъ дурной примѣръ всей знати.

*

сницѣ, блестѣвшей драгоцѣнными камнями, стоялъ Помпей въ доспѣхахъ Александра Великаго, которые онъ нашелъ въ сокровищницѣ Митридата.

Между тѣмъ въ отсутствіе Помпея Римъ едва не попалъ подъ неограниченную власть промотавшихся злодѣевъ. *Катилина*, свирѣпствовавшій уже во время проскрипцій Суллы, обвиненный въ грабежѣ во время своего управленія Африкою, тщетно домогался консульства, и когда на 63 годъ избранъ былъ *Цицеронъ*, *новый человѣкъ*, но уже извѣстный ораторъ, то онъ составилъ тайный заговоръ умертвить консуловъ, поджечь Римъ въ 12 мѣстахъ и во время смятенія при помощи черни установить, вмѣсто сената, военную диктатуру. Хотѣли возобновить и проскрипціи, чтобы избавиться отъ долговъ. Но Цицеронъ провѣдалъ замыселъ, обличилъ грозною рѣчью Катилину передъ сенатомъ и, доказавъ виновность его сообщниковъ, получилъ отъ сената неограниченную власть—*принять мѣры къ спасенію государства*. Заговорщики безъ суда были задушены въ темницѣ. «Они отжили», сказалъ Цицеронъ народу, выходя изъ подвала, гдѣ совершена казнь. Катилина съ немногими успѣлъ бѣжать изъ Рима, но въ схваткѣ съ высланнымъ противъ нихъ отрядомъ бѣглецы пали до единаго, защищаясь съ мужествомъ, достойнымъ лучшаго дѣла. Цицерону дали прозваніе *отца отечества*. Заговоромъ хотѣли воспользоваться для собственнаго возвышенія *Крассъ* и *Юлій Цезарь*; послѣдній возставалъ въ сенатѣ противъ казни обличенныхъ и требовалъ подвергнуть ихъ только изгнанію.—Крассъ владѣлъ пословичными богатствами (до 12 милл. рублей), которыя нажилъ во время проскрипцій Суллы; онъ даже, говорятъ, поддѣлывалъ эти списки. Крассъ имѣлъ обыкновеніе ссужать оптиматовъ деньгами безъ процентовъ, только съ условіемъ потребовать ихъ обратно, когда захочетъ. По этому всѣ вліятельныя лица были у него въ зависимости и Красса сравнивали съ быкомъ, хозяиномъ стада вельможъ, котораго нельзя было дразнить безнаказанно. По-

этому не смотря на сильное подозрѣніе, ни Цезаря, ни Красса никто не дерзнулъ обвинить въ сообществѣ съ Катилиною.

Въ такомъ положеніи были дѣла въ Римѣ, когда возвратился туда Помпей изъ Азіи. Нуждаясь въ утвержденіи своихъ распоряженій въ Азіи и имѣя сильныхъ противниковъ (Лукулла, Красса и др.), Помпей сблизился съ Юліемъ Цезаремъ, который помирилъ его съ Крассомъ, и побудилъ обоихъ приступить вмѣстѣ съ нимъ къ тайному договору съ цѣлью *недопускать никакого постановленія въ государствѣ, на которое хотя одинъ изъ нихъ не былъ бы согласенъ.* Съ тѣхъ поръ государствомъ управляли эти три соединившіеся мужа, почему и союзъ ихъ названъ *тріумвиратомъ* (60 г.).

Юлій Цезарь, выступающій теперь на политическое поприще, обладалъ прекрасною, мужественною и сановитою наружностью; онъ былъ высокъ и тонокъ, съ орлинымъ носомъ и живыми черными глазами, полными привѣтливости и веселости; только губы его были излишне толсты. Подъ старость онъ сдѣлался худъ и блѣденъ, на головѣ явилась лысина, которую онъ заботливо прикрывалъ своимъ лавровымъ вѣнкомъ. Сильное тѣлосложеніе позволяло ему раздѣлять всѣ труды и лишенія съ своими воинами, онъ былъ отличный всадникъ, искусный боецъ и пловецъ. При этомъ Цезарь отличался проницательнымъ умомъ и необыкновенною памятью. Разсказываютъ, что онъ могъ въ одно и тоже время писать, читать и слушать, а иногда разомъ диктовалъ по нѣскольку писемъ. Воля его была непреклонна. Какъ родственникъ Марія онъ навлекъ подозрѣніе Суллы, который приказалъ ему развестись съ женою (дочерью Цинны), но Цезарь не повиновался грозному диктатору и подвергся проскрипціи. Его спасло заступничество весталокъ, но отмѣняя приговоръ, Сулла сказалъ жрицамъ: «этотъ юноша погубитъ республику; въ *одномъ* Цезарѣ скрывается *нѣсколько* Маріевъ.» Цезарь возвратился однако въ Римъ только по смерти Суллы. Во время своего изгнанія онъ заслужилъ въ Азіи первый вѣнокъ за храбрость и только тогда намѣревался выступить на по-

литическое поприще. Для достиженія должностей въ Римѣ требовалось, кромѣ знакомства съ законами и заведеннымъ порядкомъ управленія, еще знаніе правилъ краснорѣчія, такъ какъ всѣ законы, всѣ государственныя и судебныя дѣла предлагались или защищались на форумѣ передъ народомъ. По этому молодые люди обыкновенно или сопровождали повсюду какого нибудь извѣстнаго полководца, государственнаго человѣка, или отправлялись въ Грецію въ ораторскія школы изучать философію и краснорѣчіе. Тоже сдѣлалъ и Цезарь. Онъ поѣхалъ на островъ Родосъ къ славившемуся въ то время ритору, у котораго учился и Цицеронъ, но на пути попалъ въ руки морскихъ разбойниковъ. 20 талантовъ (талантъ около 1200 рублей) потребовали они съ него выкупа. «За такого человѣка, какъ я, вамъ дадутъ 50», презрительно отвѣтилъ имъ Цезарь. Отправивъ нарочнаго за этими деньгами къ своимъ друзьямъ въ Малую Азію, онъ 40 дней оставался у разбойниковъ и внушилъ имъ такое уваженіе къ себѣ, что они не осмѣливались шумѣть, когда онъ спалъ. Для препровожденія времени Цезарь сочинялъ стихи и рѣчи, которыя читалъ разбойникамъ, но если они ими не восторгались, онъ называлъ ихъ варварами и грозилъ распять всѣхъ на крестѣ когда освободится. Наконецъ привезли выкупъ, и онъ дѣйствительно нанялъ въ Милетѣ нѣсколько кораблей, разбилъ корсаровъ и выполнилъ свое обѣщаніе; но чтобы смягчить казнь, велѣлъ сначала задушить разбойниковъ, а потомъ распять.

Возвратившись въ Римъ, Цезарь сталъ домогаться популярности; въ похоронной рѣчи вдовѣ Марія, своей теткѣ, онъ напомнилъ народу о прежнемъ его заступникѣ, возстановилъ въ Капитоліи статую Марія и его трофеи, низвергнутыя Суллою. Съ этихъ поръ Цезаремъ овладѣло честолюбіе. «Александръ въ мои лѣта уже завоевалъ весь свѣтъ, а я ничего еще не совершилъ!» воскликнулъ онъ, увидѣвъ статую этого героя (въ 68 г. Цезарю было тогда 32 г.). Проѣзжая черезъ мѣстечко въ Альпахъ, одинъ изъ спутниковъ Цезаря поднялъ вопросъ: спорятъ ли и здѣсь честолюбцы за

званія и мѣста? Цезарь отвѣтилъ: «Непремѣнно. По крайней мѣрѣ я желалъ бы быть лучше *первымъ* здѣсь, чѣмъ *вторымъ* въ Римѣ.» Съ тѣхъ поръ неуклонно Цезарь стремился быть первымъ въ Римѣ и надѣялся достигнуть своей цѣли при помощи народа. Служа эдилемъ (65 г.), онъ предпринялъ огромныя постройки, доставлявшія бѣднымъ заработки; раздавалъ хлѣбъ, заставлялъ въ циркѣ состязаться 320 паръ гладіаторовъ въ серебряныхъ доспѣхахъ. Такая расточительность ввела его въ огромные долги. Противники, замѣтивъ его честолюбіе, радовались, что онъ разорится; даже когда онъ избранъ былъ пропреторомъ въ западную Испанію, заимодавцы не выпускали его изъ Рима, но за него поручился Крассъ. Управленіе провинціями было такъ доходно, а Цезарь велъ столь счастливыя войны въ Испаніи, что въ одинъ годъ не только уплатилъ всѣ долги (до 6 мил. рублей), но обогатилъ еще и казну добычею. Возвратившись въ Римъ, онъ составилъ *тріумвиратъ* съ Помпеемъ и Крассомъ и при ихъ содѣйствіи достигъ консульства (на 60 г.). Отъ воли этихъ трехъ мужей все стало зависѣть въ государствѣ, а сенаторы не смѣли ни возражать, ни спорить. Такъ, когда товарищъ Цезаря (консулъ Бибулъ) вздумалъ противиться нѣкоторымъ его предложеніямъ, народъ обнаружилъ такое неудовольствіе, что онъ началъ опасаться за свою жизнь и болѣе ни во что не вмѣшивался. Въ насмѣшку Римляне говорили, что въ этомъ году консулами были Юлій и Цезарь. По истеченіи года Цезаря назначили проконсуломъ въ Галлію (сѣверную Италію и Францію) на пять лѣтъ, вопреки обычаю. Вскорѣ тріумвиры возобновили свой союзъ и доставили другъ другу провинціи. Цезарь получилъ Галлію еще на пять лѣтъ, Помпей Испанію и Африку, впрочемъ онъ самъ остался въ Римѣ и управлялъ своими провинціями чрезъ легатовъ; Крассъ выбралъ, въ надеждѣ на наживу, богатую Сирію.

Римляне перешли Альпы уже въ концѣ третьяго столѣтія до Р. Х. и мало по малу обратили земли по теченію Роны до Женевскаго озера въ провинцію (оттуда Провансъ). Мно-

го римскихъ переселенцевъ водворилось въ этомъ краѣ, а съ ними утвердились здѣсь римскій языкъ, римскіе законы и образованность. Они строили тамъ дороги, водопроводы, бани и амфитеатры, развалины которыхъ существуютъ и до сихъ поръ. Цезарь послѣ ожесточенной борьбы (съ 58—50 г.), распространилъ въ этой мѣстности власть Римлянъ на сѣверѣ до земли Бельговъ, на западѣ до океана и на востокѣ до Рейна; уничтожилъ толпы Германцевъ, вторгшіяся въ Галлію, и самъ перешелъ черезъ Рейнъ, чтобы устрашить Германцевъ и предупредить ихъ набѣги на будущее время. Дважды высадился онъ и въ Англію, но не сдѣлалъ здѣсь никакихъ завоеваній. Во время этихъ войнъ Цезарь образовалъ для себя многочисленное и опытное войско, совершенно преданное ему, и добылъ несмѣтныя богатства, доставившія ему возможность подкупать толпу приверженцевъ въ Римѣ. Вліятельныя лица, нуждавшіяся въ деньгахъ, или сами отправлялись къ Цезарю въ Галлію, или обращались съ своими просьбами къ его повѣреннымъ въ Римѣ. Кромѣ того, Цезарь возводилъ въ Римѣ громадныя постройки, при которыхъ люди всѣхъ сословій находили случай наживаться; наконецъ онъ тратилъ большія суммы на общественныя игры. Сенатъ и приверженцы республиканскаго правленія стали опасаться все болѣе и болѣе возраставшей популярности Цезаря и искали оплота противъ его честолюбія въ Помпеѣ. Между тѣмъ Крассъ, грабившій храмовыя сокровища въ Сиріи, погибъ въ войнѣ съ Парѳянами (53 г.). Потѣшаясь надъ его трупомъ, побѣдители наполнили уста корыстолюбца золотомъ. Со смертью его разрушился тріумвиратъ.

Помпей давно уже завидовалъ славѣ Цезаря и вскорѣ дружба ихъ превратилась въ непріязнь. Сенатъ далъ неограниченную власть Помпею, послѣдній началъ собирать войско; въ то же время, по окончаніи Галльской войны, Цезарю приказано было распустить свои легіоны. Подкупленные Цезаремъ трибуны воспротивились этому рѣшенію сената, но ихъ угрозами заставили бѣжать изъ Рима; тогда они прибыли

въ Равенну къ Цезарю, умоляя его о заступничествѣ. Это дало послѣднему благовидный предлогъ вести войска свои на Римъ. Со словами «жребій брошенъ,» онъ переступилъ границу Италіи (рѣчку *Рубиконъ*, въ 49 г.) и заставилъ неприготовленнаго Помпея, хваставшаго «топну ногою и изъ подъ земли выйдутъ легіоны», бѣжать на Балканскій полуостровъ со всѣми сенаторами и оптиматами. При поспѣшномъ бѣгствѣ они оставили въ Римѣ государственную казну, которою завладѣлъ Цезарь. Покоривъ Италію, уничтоживъ войска Помпея и въ Испаніи, Цезарь переправился въ Эпиръ, гдѣ находился самъ Помпей съ главными своими силами. Поспѣшно переѣхалъ Цезарь съ частію войска, но тщетно ждалъ онъ прибытія остальныхъ легіоновъ. Встревоженный этимъ, полководецъ рѣшился самъ развѣдать объ ихъ участи и переодѣтый рабомъ хотѣлъ возвратиться въ Италію на лодкѣ; когда же поднявшаяся буря устрашила перевощика и онъ хотѣлъ вернуться къ берегу, то Цезарь ободрилъ его словами: «везешь ты Цезаря, а съ нимъ его счастье.» Однако погода заставила его воротиться, а вскорѣ прибыли и легіоны.—Къ Помпею между тѣмъ собрались всѣ оптиматы; шатрами для этихъ богатыхъ воиновъ служили хорошенькія бесѣдки, съ красивымъ поломъ изъ свѣжаго дерна, стѣны ихъ были убраны плющемъ, столы уставлены серебряною посудою, пиршества въ нихъ часто продолжались до утра. Грубый хлѣбъ Цезаревыхъ воиновъ приводилъ этихъ щеголей въ ужасъ. Разсчитывая на изнѣженность Помпеевыхъ барчей, въ рѣшительной битвѣ при *Фарсалѣ* (48 г.) Цезарь приказалъ ранить противниковъ въ лицо; это привело ихъ въ замѣшательство и доставило Цезарю блестящую побѣду надъ вдвое многочисленнѣйшимъ врагомъ. Бѣжавшій Помпей былъ умерщвленъ въ Египтѣ. Вслѣдъ за нимъ прибылъ въ Египетъ и Цезарь. Онъ рѣшилъ споръ между *Клеопатрою* и ея братьями въ пользу прекрасной царицы. Это вызвало возстаніе въ Александріи, въ которомъ едва не погибъ самъ Цезарь; онъ спасся вплавь подъ непріятельскими стрѣлами,

держа надъ головою свой *дневникъ*. Въ это же время пожаръ истребилъ богатую Александрійскую библіотеку, собранную египетскими царями (потомками *Птоломея*, полководца Александра Великаго). Получивъ подкрѣпленіе, Цезарь вскорѣ одолѣлъ мятежниковъ. Вслѣдъ затѣмъ онъ уничтожилъ столь быстро возмущеніе сына Митридатова (Фарнака) въ Азіи, что, донося о томъ сенату, выразился: «пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ» (47 г.).

Когда остатки помпеянской партіи были разсѣяны, Цезарь возвратился въ Римъ, какъ господинъ и повелитель римской державы, его привѣтствовали какъ «отца отечества», сенатъ назначилъ его пожизненнымъ диктаторомъ, а народъ избраніемъ въ трибуны сдѣлалъ его личность неприкосновенною. Независимо отъ того, послѣ своего тріумфа онъ удержалъ начальство надъ всѣми войсками республики съ титуломъ *императора*. Вообще Цезарь старался присвоить себѣ права древняго царскаго сана; монеты были украшены его погруднымъ изображеніемъ; онъ наполнилъ сенатъ своими приверженцами и засѣдалъ въ немъ возлѣ консуловъ въ пурпуровой тогѣ на позолоченномъ сѣдалищѣ; хитрыми происками онъ ослабилъ значеніе прочихъ государственныхъ чиновниковъ. Сверхъ того онъ старался облегчить участь бѣдныхъ, препятствовать роскоши; а обязанный, какъ верховный жрецъ, вести лѣтосчисленіе, онъ поручилъ Александрійскому ученому (*Созигену*) исправить календарь (45 г.) (¹). Между тѣмъ самовластіе

(¹) При этомъ введенный Нумою Помпиліемъ *лунный* годъ въ 355 дней былъ замѣненъ *солнечнымъ*, такъ что три года считались въ 365, а четвертый *высокосный* въ 366 дней; но когда и этотъ годъ былъ короче истиннаго 11 минутами и нѣсколько секундами, то въ 1582 г. по Р. Х. папа Григорій XIII вторично исправилъ календарь. Первое счисленіе или *стиль* названо *Юліанскимъ* (или старымъ), а второе *Грегоріанскимъ* (или новымъ). Разница между ними къ нашему времени дошла до 12 дней.

Цезаря оскорбляло знатныхъ, а народъ, которому онъ болѣе не старался угождать, сдѣлался къ нему равнодушенъ. По этому попытки Цезаря добиться царскаго вѣнца не удались. Однажды нашли его статую увѣнчанную діадемою, трибуны открыли зачинщика и предали его суду; тоже сдѣлали они, когда при одномъ шествіи изъ толпы раздались голоса: «здравствуй царь.» Народъ безмолвствовалъ, и Цезарю оставалось только громогласно объявить: «зовутъ меня не царь, а Цезарь.» Однако онъ обвинилъ своихъ противниковъ трибуновъ передъ сенатомъ, что они стараются сдѣлать его ненавистными своими вымыслами, и ихъ смѣнили. На другомъ праздникѣ *Марка Антонія* поднесъ Цезарю вѣнецъ, но народъ началъ бушевать и императоръ отослалъ вѣнецъ въ Капитолій, сказавъ, «только Юпитеръ царь Римлянъ.» Когда же, готовясь на войну съ Парѳянами, онъ воспользовался древнимъ предвѣщаніемъ, гласившимъ, что только *царь* покоритъ Парѳянъ, и потребовалъ, чтобы его назначили царемъ внѣ Италіи, то приверженцы республики, *Кассій* и *Брутъ* составили заговоръ убить Цезаря въ засѣданіи сената, назначенномъ для этого избранія (въ *Иды* Марта, т. е. 15 числа).

Дурныя предзнаменованія, сны супруги, предостереженіе авгура передъ Идами Мартовскими не удержали Цезаря, онъ отправился въ театръ Помпея, гдѣ въ этотъ день засѣдалъ сенатъ. Авгуру, попавшемуся ему на пути, онъ съ усмѣшкою сказалъ: «вотъ и Иды наступили;» «но не прошли,» отвѣтилъ тотъ. Когда Цезарь занялъ свое мѣсто въ сенатѣ, его обступили заговорщики и по данному знаку нанесли ему 23 удара кинжалами. Сначала онъ защищался серебряною письменною палочкою, но когда между убійцами увидѣлъ и перваго своего любимца, то со словами: «и ты Брутъ!» завернулся въ свою тогу и палъ мертвый у подножія статуи Помпея (44 г.). Сенаторы разбѣжались, но народъ взволновался и убійцы сами должны были бѣжать изъ Рима. Такъ погибъ первый *императоръ Цезарь*, но имя его осталось памятно для потомства.

ОКТАВІАНЪ АВГУСТЪ. ПРЕВРАЩЕНІЕ РИМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ВЪ ИМПЕРІЮ.—НЕРОНЪ. ТИТЪ. ТРАЯНЪ. МАРКЪ АВРЕЛІЙ.

Стремленіе къ царской власти погубило Цезаря, но вскорѣ оказалось, что привязанность къ республикѣ существовала только въ головахъ нѣкоторыхъ лицъ; народъ же былъ равнодушенъ къ свободѣ. Въ это время чернь только громко требовала даровой раздачи *хлѣба* и хотѣла, чтобы ее забавляли *играми*. По этому когда хитрый консулъ *Маркъ Антоній* обнародовалъ завѣщаніе Цезаря, по которому каждый римскій гражданинъ получилъ около 15 рублей и сады Цезаревы были подарены народу, то послѣдній сталъ негодовать на убійцъ. Вслѣдъ за тѣмъ при погребеніи императора, Антоній выставилъ его трупъ на великолѣпномъ ложѣ на форумѣ и въ похоронной рѣчи напомнилъ собравшимся о заслугахъ, которыя оказалъ Цезарь народу, о его щедрости и великодушіи, и народъ пришелъ въ неистовство. Наскоро соорудили огромный костеръ, на которомъ сожгли остатки Цезаря, затѣмъ бросились къ домамъ убійцъ, которые однако заблаговременно успѣли бѣжать, и сожгли ихъ. Устрашенный этимъ сенатъ передалъ Антонію неограниченную власть, но послѣдній вскорѣ долженъ былъ уступить ее племяннику Цезаря *Октавіану*, который, по примѣру дяди, заключилъ затѣмъ съ *Антоніемъ* и *Лепидомъ* второй *тріумвиратъ* (въ 43 г.). Эти честолюбцы мало довѣряли одинъ другому и, сошедшись на островѣ у рѣчьки близъ Болоньи, они сначала обыскали другъ друга, чтобы удостовѣриться, не скрыто ли подъ платьемъ оружіе и только въ виду своихъ войскъ три дня вели переговоры; по примѣру первыхъ тріумвировъ они раздѣлили римскія провинціи между собою: Антоній взялъ востокъ, Октавіанъ западъ, а ничтожный Лепидъ — Африку. Но для осуществленія своихъ намѣреній тріумвиры нуждались въ

деньгахъ на содержаніе войскъ, и потому возобновили *проскрипціи*. Послѣднія были ужаснѣе Суллинскихъ, такъ какъ не одинъ, а три человѣка хотѣли мстить и обогатиться. Тріумвиры даже выдавали другъ другу своихъ приверженцевъ; такъ Октавіанъ пожертвовалъ для Антонія Цицерономъ, который незадолго передъ тѣмъ одушевленными рѣчами (Филиппиками) убѣдилъ сенатъ объявить войну Антонію. Уничтоживъ всѣхъ противниковъ и обогатившись убійствами во всей Италіи, тріумвиры обратились на Брута и Кассія и разбили ихъ въ Греціи; эти *два послѣдніе Римлянина* сами лишили себя жизни. Избавившись отъ заступниковъ свободы, тріумвиры начали воевать между собою за господство.

Антоній предался роскошной жизни при дворѣ египетской царицы *Клеопатры*, раздавалъ сыновьямъ ея провинціи въ Азіи, даже вступилъ съ нею въ супружество, а обрученную съ нимъ сестру Октавіана отослалъ обратно въ Италію.

Октавіанъ между тѣмъ щедро награждалъ въ Италіи своихъ воиновъ землями, сооружалъ постройки въ Римѣ, раздавалъ, кромѣ хлѣба, соль и масло народу, потѣшалъ его въ теченіе 59 дней играми съ барсами, носорогами и слонами, бросалъ зрителямъ въ театрѣ марки на полученіе денегъ, одежды, мяса,—и сдѣлался общимъ любимцемъ. Поссорившись съ Лепидомъ за обладаніе островами въ Средиземномъ морѣ, онъ его разбилъ и тотъ униженно просилъ помилованія. У малодушнаго тріумвира отняли Африку и назначили его верховнымъ жрецомъ. По происканъ Октавіана же, сенатъ лишилъ Антонія всѣхъ званій, а Клеопатрѣ объявилъ войну. Какъ слѣдовало ожидать за египетскую царицу заступился Антоній, и борьба собственно происходила между нимъ и Октавіаномъ; она кончилась морскою побѣдою Октавіана при мысѣ *Акціумъ* (31 г.); послѣ которой *римская республика* окончательно *превратилась въ монархію*. Антоній и Клеопатра лишили себя жизни и Египетъ былъ первою провинціею *Римской имперіи*.

Возвратившись въ Римъ, Октавіанъ заперъ храмъ Януса (въ третій разъ послѣ основанія города), не принялъ титула царя, а удержалъ только названіе Цезаря и оставилъ всѣ республиканскія должности и учрежденія. Онъ даже притворно отказался отъ высшей власти и заставилъ сенатъ и народъ умолять себя принять всѣ государственныя должности на 10 лѣтъ; эта сцена повторялась каждыя 10 лѣтъ. Сенатъ далъ ему титулъ *Августа*, т. е. *освященнаго*. Какъ безсмѣнный *императоръ*, онъ имѣлъ неограниченную власть надъ войскомъ и право мира и войны; въ сенатѣ онъ предсѣдательствовалъ, какъ *принцепсъ* его, и предлагалъ законы; по званію *трибуна*, съ правомъ назначать прочихъ своихъ товарищей, онъ одинъ служилъ представителемъ воли всего народа, который перестали созывать въ комиціи. Какъ *цензоръ* и *верховный жрецъ*, онъ наблюдалъ за жизнью гражданъ и за богослуженіемъ; наконецъ, какъ постоянный *консулъ* и *проконсулъ*, съ правомъ назначать своихъ товарищей, онъ управлялъ Римомъ и провинціями, въ которыхъ онъ ограничилъ хищничество правителей, назначивъ имъ *опредѣленное содержаніе*.

Римская имперія, занимая все прибрежье средиземнаго моря, при Августѣ простиралась на три части свѣта; границами ея были на сѣверѣ въ Европѣ—Рейнъ и Дунай, на востокѣ въ Азіи—Евфратъ, а на югѣ въ Африкѣ—Сахарская пустыня. Войско превратилось при Августѣ въ постоянную армію и было расположено въ укрѣпленныхъ лагеряхъ по границамъ. *Преторіанскіе отряды* охраняли Римъ и составляли императорскую гвардію. Повсюду въ имперіи водворились миръ и тишина. Августъ не любилъ войны; онъ говорилъ, что лавры хотя и красивы, но безплодны. Только въ Германіи пасынки императора (Друзъ и Тиверій) обратили земли отъ Рейна до Везера въ римскую провинцію; но корыстолюбивый намѣстникъ *Варъ* своими притѣсненіями вызвалъ возстаніе. Въ *Тевтобургскомъ* лѣсу Германцы подъ начальствомъ *Арминія* уничтожили римскіе легіоны (въ 9 г. послѣ Р. Х.), и Рейнъ сдѣлался по прежнему границею имперіи.

Римъ украсилъ Августъ великолѣпными постройками и справедливо могъ хвалиться, что нашелъ городъ кирпичнымъ, а оставляетъ его мраморнымъ. Полководецъ *Агриппа* соорудилъ знаменитый *Пантеонъ*, круглый освѣщаемый сверху храмъ, посвященный всѣмъ богамъ (нынѣ церковь Санта Марія Ротонда). Особенно прославился Августъ и другъ его *Меценатъ* покровительствомъ наукамъ и искусствамъ; ихъ время прозвали *золотымъ вѣкомъ*. По повелѣнію Августа творенія греческихъ и римскихъ писателей были собраны и учреждена *первая публичная библіотека*. При его дворѣ читалъ свои стихи *Горацій* (оды, сатиры и посланія), *Виргилій* воспѣвалъ въ *Энеидѣ* похожденія троянскаго героя *Энея*, восхвалялъ земледѣліе и скотоводство (Георгика и Буколика), *Овидій* въ живописныхъ стихахъ изложилъ миѳологическіе разсказы (превращенія—Метаморфозы); а воспитатель одного изъ внуковъ Августа, *Титъ Ливій* съ большимъ краснорѣчіемъ изложилъ въ нѣсколькихъ томахъ исторію Рима.

Августъ прикрывалъ свою неограниченную власть притворною простотою. Предлагая сенату назначить должности или награды своимъ пасынкамъ и внукамъ, онъ всегда прибавлялъ: «если они этого заслуживаютъ.» Онъ не одѣвался императоромъ, а носилъ простую тогу сенатора, запретилъ закономъ называть себя «господиномъ», жилъ въ простомъ домѣ на Палатинскомъ холмѣ, и только когда послѣдній сгорѣлъ, соорудилъ *Палаціумъ* (оттуда palais, *палата царская*). Ласковый въ обращеніи, онъ заслужилъ общую любовь. На смертномъ одрѣ онъ потребовалъ зеркало, тщательно убралъ волосы, сгладилъ морщины на лицѣ, веселый обратился къ окружающимъ съ вопросомъ: «хорошо ли я сыгралъ свою роль въ жизни?» и, получивъ утвердительный отвѣтъ, прибавилъ: «такъ рукоплещите, я кончилъ» (15 г. послѣ Р. Х.). По примѣру восточныхъ царей, потомковъ полководцевъ Александра Великаго, съ торжественнымъ обрядомъ (*апоѳеозою*) возвели Августа въ число божествъ.

Потомки Августа были недостойными его наслѣдниками. Подозрительный *Тиверій* содержалъ толпу богато награждаемыхъ доносчиковъ и убійствомъ и ядомъ истреблялъ всѣхъ казавшихся ему опасными. Слабоумный *Калигула* пыталъ и казнилъ богатыхъ, самъ явился состязателемъ въ циркѣ, свою лошадь произвелъ въ сенаторы, построилъ ей мраморную конюшню съ золотыми яслями; себя велѣлъ возвести въ божества. Свирѣпствомъ прославился *Неронъ*, который отравилъ своднаго своего брата, приказалъ убить родную мать, переодѣтый въ пѣвца принималъ участіе въ театральныхъ представленіяхъ, велѣлъ поджечь Римъ, чтобы естественнѣе воспѣть пожаръ Трои, а потомъ обвинилъ въ этомъ поджогѣ христіанъ и воздвигъ на нихъ страшное гоненіе, въ которомъ погибли Св. Апостолы Петръ и Павелъ. Своему наставнику, философу *Сенекѣ* онъ приказалъ лишить себя жизни, и тотъ разрѣзавъ себѣ артеріи истекъ кровью въ теплой ваннѣ. Возстаніе войскъ заставило Нерона бѣжать; дрожа отъ страха, онъ велѣлъ рабу заколоть себя и умеръ, неоднократно восклицая «міръ теряетъ во мнѣ великаго поэта!» Съ нимъ пресѣкся домъ *Цезарей* (т. е. потомковъ Августа), и съ этихъ поръ солдаты начали возводить въ императоры своихъ предводителей, такъ какъ при восшествіяхъ на престолъ они получали обыкновенно огромные денежные подарки. Происходившія вслѣдствіе того смуты прекратились, когда возведенъ былъ доблестный *Веспасіанъ* (70—79 г.). Онъ возстановилъ дисциплину войскѣ, удалилъ изъ сената всѣхъ недостойныхъ, построилъ въ Римѣ большой *амфитеатръ* (*колизей*), въ которомъ помѣщалось до 90,000 зрителей. Однакожъ онъ ненавидѣлъ христіанъ и подвергъ ихъ гоненію. Сынъ и преемникъ его *Титъ* послѣ ожесточенной пятилѣтней войны взялъ и разрушилъ Іерусалимъ (70 г.); съ тѣхъ поръ Евреи разсѣялись по всему міру.—Сдѣлавшись императоромъ, Титъ велѣлъ бичамъ выгнать изъ Рима всѣхъ доносчиковъ, говоря, что «основательное порицаніе власти полезно, а неосновательное неопасно.» Онъ считалъ день, въ который не успѣлъ

совершить добраго дѣла, потерянным, и за свою благотворительность былъ прозванъ «любовью и утѣшеніемъ человѣчества.» Въ его царствованіе постигли Италію естественныя бѣдствія. Взрывъ Везувія (79 г.) залилъ лавою и засыпалъ пепломъ три города; при этомъ погибъ знаменитый естествоиспытатель *Плиній Старшій* (Въ прошломъ столѣтіи открыли мѣстоположеніе этихъ городовъ; при произведенныхъ раскопкахъ, особенно въ *Помпеи*, нашли вполнѣ сохранившіеся дома и въ нихъ много изваяній и утвари). Въ самомъ Римѣ свирѣпствовали чума и пожары. Пострадавшимъ Титъ помогъ своими сокровищами, не прибѣгая къ наложенію новыхъ податей. Чтобы доставить менѣе достаточнымъ людямъ новое удобство жизни, онъ построилъ открытыя для всѣхъ изящныя бани въ Римѣ (*Термы Тита*). Его правленіе, къ несчастію, продолжалось только 2 года и 6 мѣсяцевъ (до 81 г.). Братъ и наслѣдникъ Тита (Домиціанъ), называвшій себя въ своихъ указахъ «Господь и Богъ» возобновилъ времена ужаса; напротивъ третій его преемникъ, храбрый *Траянъ* (98—117) заботился о правосудіи, принималъ лично жалобы отъ всякаго обиженнаго, содержалъ на свой счетъ заведенія для 5000 сиротъ, учредилъ въ имперіи почту. Для увѣковѣчія своихъ дѣяній, онъ построилъ колонну (Траянову 117 ф. вышины), кругомъ которой высѣчены изображенія его походовъ. Онъ завоевалъ землю *Даковъ* (на сѣверъ отъ Дуная—*Дакія* нынѣ Венгрія и Валахія), Арменію и Месопатамію, такъ что при немъ Римская имперія имѣла наибольшій объемъ. Послѣдующимъ императорамъ при возшествіи на престолъ говорилъ сенатъ «царствуй счастливѣе Августа, и лучше Траяна». Преемникъ его *Адріанъ* большею частію пѣшкомъ прошелъ всѣ провинціи имперіи, потому что правитель, по его выраженію, «подобно солнцу, долженъ освѣщать всѣ части государства.» Онъ покровительствовалъ ученымъ; при немъ Грекъ *Плутархъ* составилъ жизнеописанія знаменитыхъ мужей греческаго и римскаго народа. Громадная *гробница Адріана* въ Римѣ была обращена папами впослѣд-

ствіи въ крѣпость Св. Ангела. Послѣ него *Антонинъ Пій* (*Благочестивый*) держался правила, что «лучше сохранить жизнь одному гражданину, чѣмъ погубить тысячу враговъ.» Рядъ хорошихъ императоровъ оканчивается *Маркомъ Аврелiемъ* (Антонинъ Философъ), который руководствовался въ своей жизни требованіями добродѣтели, ревностно занимался изученіемъ философіи и учредилъ для этого высшую школу въ Аѳинахъ. При немъ съ сѣвера нападали на имперію Германцы (Маркоманны), а съ востока, въ Азіи, Парѳяне. Первыхъ онъ принималъ въ военную службу, но нападенія ихъ продолжались и самъ императоръ умеръ на походѣ противъ нихъ (180 г.). Преемникъ его (Коммодъ) откупался неоднократно отъ Германцевъ деньгами.

КОНСТАНТИНЪ ВЕЛИКІЙ. ѲЕОДОСІЙ ВЕЛИКІЙ. АЛАРИХЪ. АТТИЛА.

Съ конца II столѣтія послѣ Р. Х. римское государство все болѣе и болѣе приближалось къ паденію. Императоры еще при жизни, подобно древнимъ фараонамъ Египта заставляли воздавать себѣ божескія почести и сооружать алтари, на которыхъ приносились имъ жертвы, что считалось лучшимъ доказательствомъ преданности и повиновенія. Все населеніе имперіи раздѣлялось на *гражданъ*, преданныхъ роскоши, чувственнымъ удовольствіямъ и суевѣрію, многочисленныхъ *рабовъ*, безправныхъ и всѣми презираемыхъ, и *солдатъ*, въ которые нанимались германскіе и другіе пограничные варвары. Это войско изъ иноземцевъ императоры могли удержать въ повиновеніи только высокою платою и денежными подарками, по этому солдаты стали господствовать въ государствѣ, возводить и низлагать императоровъ (*военный деспотизмъ*). Въ III столѣтіи было 24 императора, изъ которыхъ только 5 померли естественною смертью. Порядокъ на время возстано-

вилъ *Діоклеціанъ* (284—306 г.), уничтожившій остатки республиканскихъ учрежденій и утвердившій полное *самодержавіе*. Онъ началъ называться *господиномъ*, первый сталъ носить діадему, внѣшній знакъ царскаго достоинства, управлялъ государствомъ чрезъ своихъ чиновниковъ, окружилъ себя царедворцами, тѣлохранителями и ввелъ строгій церемоніалъ при дворѣ. Онъ выбралъ себѣ трехъ соправителей, которые должны были по очереди сдѣлаться его наслѣдниками, и раздѣлилъ имперію на 4 части.—Но когда, послѣ добровольнаго отреченія отъ престола, онъ удалился въ свой великолѣпный дворецъ, на развалинахъ котораго стоитъ теперь городъ *Спалато* (въ Далмаціи); между соправителями начались кровавыя усобицы, которыя прекратились только при *Константинѣ Великомъ*, возстановившемъ единодержавіе (324 г.).

Когда древній языческій міръ погрязъ въ грѣхахъ и порокахъ, исполнились изреченія пророковъ,—явился *Искупитель* и *Царь*, который открылъ путь къ спасенію всѣмъ народамъ земнаго шара. Въ 30-й годъ царствованія Августа родился въ Виѳлеемѣ іудейскомъ, въ бѣдности и смиреніи, *Спаситель* міра. Проводя жизнь въ тихомъ одиночествѣ, *Іисусъ Христосъ* достигъ тридцатилѣтняго возраста, и тогда въ сопровожденіи двѣнадцати учениковъ — *апостоловъ* — обошелъ страну іудейскую, поучая всѣхъ *радостной вѣсти* спасенія (*Евангеліи*). Первая *христіанская* община возникла въ Іерусалимѣ, вслѣдствіе чего Римляне считали христіанъ за одну изъ іудейскихъ сектъ. Но когда христіане подверглись гоненіямъ, когда разоренъ былъ Іерусалимъ, исповѣдники новой религіи разсѣялись по сосѣднимъ краямъ и начали распространять Евангеліе между языческими народами. Гоненія языческихъ императоровъ только увеличили число приверженцевъ новаго ученія. Они были уже столь многочисленны, что *Константинъ Великій* одержалъ при помощи христіанъ побѣду надъ своими противниками, почему онъ утвердилъ *христіанскую религію господствующею во всей имперіи* (312 г.) и созвалъ первый вселенскій соборъ въ *Никеѣ* (325 г.), на которомъ составили

символъ Вѣры и осудили ересь пресвитера *Арія*. Онъ же оставилъ языческій Римъ и на мѣстѣ древней Византіи построилъ новую столицу — *Константинополь* (330 г.). Вслѣдъ затѣмъ онъ ввелъ новую систему управленія, основанную на чисто монархическихъ началахъ. Вся имперія была раздѣлена имъ на *4 префектуры*, которыя подраздѣлялись на *діоцезы* и *провинціи*. Начальство надъ военными силами имперіи находилось въ рукахъ двухъ полководцевъ — *начальника пѣхоты* и *начальника конницы*. Кромѣ того учреждены были отдѣльныя *министерства:* двора, финансовъ, полиціи, государственныхъ имуществъ, — и *государственный совѣтъ* изъ 16 членовъ. Свой дворъ Константинъ окружилъ пышностью и завелъ титулы для должностныхъ лицъ (Свѣтлость, Превосходительство и т. д.). Для управленія церковью императоръ назначилъ 5 Патріарховъ (въ Константинополѣ, Антіохіи, Іерусалимѣ, Александріи и Римѣ); имъ подчинилъ онъ архіепископовъ, епископовъ и строго опредѣлилъ духовные чины — *іерархію*. Благочестивый императоръ построилъ церковь надъ гробомъ Господнемъ въ Іерусалимѣ, и его мать Св. Елена уже въ преклонныхъ лѣтахъ отправилась туда на поклоненіе.

Со смертію Константина Великаго (337 г.) прекратилось могущество римской имперіи; въ слѣдующемъ столѣтіи она достается въ добычу германскимъ племенамъ. Поводъ къ ихъ нашествію, называемому *великимъ переселеніемъ народовъ*, подало азіатское племя Гунновъ.

Гунны, прикочевавшіе изъ средней Азіи, были малорослы, костлявы, съ широкими плечами, смуглымъ безобразнымъ лицомъ, маленькими косыми глазами, толстою четыреугольною головою и кривыми ногами. Они были одѣты въ звѣриныя шкуры, вооружены мечами, дротиками съ остріемъ изъ твердой кости и арканами, которые они чрезвычайно искусно накидывали на шею непріятеля. Съ лошадей они почти никогда не сходили; пища ихъ состояла въ кореньяхъ и сыромъ мясѣ, которое подкладывали они подъ сѣдло, чтобы сдѣлать его мягкимъ. Безъ порядка, съ неистовымъ крикомъ броса-

лись Гунны на враговъ; разбивши войско, они страшно опустошали страну и избивали мирныхъ жителей. Въ 375 г. Гунны явились на Волгѣ, заставили племена, здѣсь кочевавшія, соединиться съ ними и перешли черезъ Донъ, за которымъ жили *Готы*, раздѣлявшіеся Днѣпромъ на *Остъ* и *Вестъ-Готовъ* (восточныхъ и западныхъ). Готы были побѣждены Гуннами; часть ихъ присоединилась къ послѣднимъ, другая ворвалась черезъ Дунай въ римскую имперію. Имъ отведены были земли, за что Готы обязались защищать границы имперіи. Но притѣсненія римскихъ чиновниковъ во время голода вызвали между ними возстаніе, которое удалось усмирить только *Θеодосію Великому*.

Θеодосій въ послѣдній разъ соединилъ имперію, раздѣленную Константиномъ между сыновьями, въ одно цѣлое и подъ страхомъ строгаго наказанія запретилъ поклоненіе языческимъ божествамъ; храмы ихъ были переданы христіанамъ, даже многіе разрушены. Самъ Θеодосій смиренно подвергся въ Миланской церкви всенародному покаянію, которое наложилъ на него архіепископъ *Амвросій* за избіеніе въ Θессаликѣ въ циркѣ 15,000 безоружныхъ жителей, возставшихъ и умертвившихъ своего намѣстника. Θеодосій въ послѣдній разъ и окончательно раздѣлилъ имперію между своими двумя сыновьями — *Аркадіемъ* и *Гоноріемъ* на *восточную* или *византійскую* и *западную* (395 г.); послѣдняя въ слѣдующемъ столѣтіи была уничтожена Германцами; первая же просуществовала еще 10 столѣтій. По смерти императора Θеодосія возстали Вестъ-Готы, поселенные въ восточной имперіи; они избрали царемъ *Аларіха*, служившаго въ римскомъ войскѣ, и опустошили всю Грецію (Аѳины, Коринѳъ, Спарта и другіе города были разорены). Затѣмъ Аларихъ перешелъ въ западную имперію, но былъ разбитъ храбрымъ полководцемъ *Стилихономъ*. Когда же послѣдній по приказанію завистливаго Гонорія былъ умерщвленъ, то Готы повторили свое нашествіе на Италію. Между тѣмъ какъ Гонорій въ Равеннѣ забавлялся на птичьемъ дворѣ, Аларихъ подступилъ къ Риму;

его хотѣли устрашить многочисленностію жителей, но онъ съ усмѣшкою отвѣчалъ: «чѣмъ гуще трава, тѣмъ легче косить!» Однако варваръ отступилъ, когда ему дали богатый откупъ (5000 ф. золота, 30,000 ф. серебра, 4000 шелковыхъ платьевъ, 3000 крашенныхъ кожъ и 3000 ф. перцу). Но, поссорившись снова съ Гоноріемъ, онъ вскорѣ голодомъ принудилъ Римъ сдаться и провозгласилъ городскаго префекта императоромъ. Недолго ладилъ Аларихъ и съ послѣднимъ; низложивъ его, онъ въ третій разъ явился къ Риму; взялъ городъ приступомъ и отдалъ войску на разграбленіе. Аларихъ отправился вслѣдъ затѣмъ въ южную Италію и готовился уже завоевать Сицилію и Африку, но неожиданно померъ въ *Козенцѣ* (въ Калабріи, 410 г.). Готы перекопали ручей и въ осушенномъ руслѣ погребли своего царя въ золотыхъ доспѣхахъ; работавшихъ надъ могилою плѣнниковъ они умертвили, чтобы никто не могъ указать могилы знаменитаго вождя. Лишившись короля, Вестъ-Готы оставили Италію и перешли въ юговосточную Галлію, гдѣ основали на берегахъ Роны *первое самостоятельное германское государство* въ предѣлахъ римской имперіи (412 г.).

Вскорѣ западная имперія подверглась новому нашествію. Гунны послѣ пораженія Готовъ кочевали отдѣльными колѣнами или *ордами* въ степяхъ между Дономъ и Дунаемъ, пока ихъ не соединилъ въ одно огромное войско *Аттила* (445 г.), умертвившій и изгнавшій начальниковъ прочихъ ордъ. Малаго роста, съ огромною головою, маленькими дикими глазами и сплюснутымъ носомъ, онъ отличался свирѣпымъ видомъ. Презирая золото, онъ употреблялъ только деревянную посуду и жилъ просто. Огромный мечъ, найденный пастухомъ въ землѣ, *Аттила* выдавалъ за мечъ бога войны, ниспавшій ему съ неба для покоренія всѣхъ народовъ. Гунны считали его непобѣдимымъ; онъ самъ называлъ себя *бичемъ Божіимъ*. Преслѣдуя противниковъ, Аттила неоднократно вторгался въ восточную имперію и заставилъ устрашеннаго императора платить ему ежегодную дань въ 2000 ф. золота. Но когда,

храбрый *Маркіанъ*, вступившій на престолъ въ Константинополѣ, объявилъ, что «золото у него для друзей, а для враговъ только желѣзо,» Аттила обратился на западъ. Заставляя всѣ народы, встрѣченные имъ на пути, слѣдовать за собою, Аттила съ несмѣтнымъ войскомъ (до 700,000 ч.) вторгся въ Галлію и разорилъ до 20 городовъ. На *Каталаунскихъ поляхъ* (у *Шалона* на Марнѣ) онъ встрѣтился съ римскимъ полководцемъ *Аэціемъ*, соединившимся съ Вестъ-Готами, и послѣ кровопролитнаго сраженія (маленькій ручей, разсказываютъ, отъ крови превратился въ стремительный потокъ), долженъ былъ отступить (451). Въ слѣдующемъ году онъ явился въ Италію, разорилъ до 50 городовъ (жители этихъ городовъ бѣжавшіе на лагуны въ устьѣ рѣки По, основали тамъ Венецію) и подступилъ къ Риму, но между Гуннами вслѣдствіе зноя и неумѣренности обнаружились повальныя болѣзни, по этому Папѣ *Льву Великому* удалось устрашить суевѣрнаго Аттилу,угрожая ему участью Алариха, и онъ вернулся въ свой деревянный городъ на берега Тиссы. Здѣсь онъ неумѣренно отпраздновалъ бракъ съ новою супругою, и померъ отъ удара вслѣдствіе неумѣренности своей на свадебномъ пиршествѣ (453 г.). Царство его распалось и въ лѣтописяхъ болѣе о Гуннахъ не упоминается.

Вскорѣ Римъ подвергся опустошенію *Вандаловъ*, прибывшихъ изъ Африки (456 г.). Эти варвары, разорили городъ до тла, не столько чтобы грабить, но чтобы удовлетворить своей дикой страсти бить и уничтожать (*вандализмъ*). По удаленіи Вандаловъ въ западной имперіи полководцы изъ варваровъ низлагали и возводили императоровъ; наконецъ *Одоакръ*, предводитель германскихъ наемныхъ войскъ, сослалъ *Ромула Августула* (476 г.) въ помѣстье, принадлежавшее нѣкогда Лукуллу, а себя провозгласилъ королемъ Италіи. Это такъ называемое *паденіе западной римской имперіи*.

Лен. Гос. Ун-т
Научная
библиотека им
Горького

[13p.]